

10.335

1974

ლიტერატურა

ტრუჰია

6

1974

1799

...ОТЧИЗНЕ

ПОСВЯТИМ

• ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ
ПОРЫВЫ!

1974

А. Мухоморов

10.335
1974

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

6

ИЮНЬ

19 Издательство ЦК КП Грузии 74

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-18

№ 6

ივნისი, 1974 წ.

საპარტველო საზოგადოება მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,
Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
Марк ЗЛАТКИН,
Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,
Серго КЛДИАШВИЛИ,
Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Владимир МАЧАВАРИАНИ,
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
Гурам ХАРАИДЗЕ
(заместитель главного
редактора),
Владимир ХОМУТОВ
(ответственный секретарь),
Георгий ХУЦИШВИЛИ,
Эммануил ФЕЙГИН,
Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания

18-й

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

ТБИЛИСИ, 380008, УЛ. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —
93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) —
93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —
93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Макалатия Г. Н.

Корректор Галионджян Н. А.

© «Литературная Грузия». 1974 г.

Содержание:

К НОВЫМ УСПЕХАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА. Выступление первого секретаря ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе на Всесоюзном совещании деятелей литературы и искусства «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!» в г. Тбилиси 23 апреля 1974 года	5
---	---

ПОЭЗИЯ

ГЕВОРГ ЭМИН. Мое кредо. Двадцатый век. «В наш трудный век...» Буна сера, Инесса. «Привет тебе, Радость...» «Содеяв однажды некое злодеянье...» «Ах, лошади...» Монолог из поэмы «Лаура и Петрарка». «Что мне думать о смерти...» «Та строка, что со смертью...» «Стихи в грядущем подадут вам весть...» «Что совершил я?..» Переводы с армянского Н. Брауна, Д. Самойлова, Л. Озерова, Л. Шерешевского, Ю. Левитанского и Е. Николаевской	29
ВЛАДИСЛАВ ШОШИН. Песня вольных сванов. Памяти Георгия Леонидзе	33
РЕВАЗ АСАЕВ. У мирного очага. Вишня. Перевод с осетинского Дмитрия Ковалева	34

ПРОЗА

АЛИО АДАМИА. Большая и маленькая Екатерины. Роман. Окончание. Перевод Татьяны Соколовой-Рухадзе	35
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. Многообразие и поиск . . . 64

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

ВАНО ШАДУРИ. Пушкин и грузинская литература . . . 83
ТЕНГИЗ ГАМКРЕЛИДЗЕ. Пушкинский перевал . . . 90

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

СВЕТЛАНА КОШУТ. Рождение художественного эквивалента 76

В МИРЕ КНИГ

ЛЕОНИД РОСТОВЦЕВ. Легенда или быль? . . . 96

К НОВЫМ УСПЕХАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Выступление первого секретаря ЦК КП Грузии тов. Э. А. ШЕВАРДНАДЗЕ
на Всесоюзном совещании деятелей литературы и искусства «Партия —
ум, честь и совесть нашей эпохи!» в г. Тбилиси 23 апреля 1974 года

Дорогие товарищи!

Сегодня на грузинской земле большой и яркий праздник дружбы народов, праздник братских литератур, праздник социалистического интернационализма.

Вчера мы все торжественно отмечали день рождения великого Ленина, а значит, день рождения нового мира. А сегодня мы собрались здесь, чтобы еще раз сверить курс нашей литературы и искусства с ленинским курсом нашей партии.

Своеобразие нынешнего момента таково, что, следуя духу Программы КПСС и логике Устава партии, успешно выполняя решения XXIV съезда партии и Директивы по девятому пятилетнему плану, мы вполне закономерно и естественно идем навстречу очередному, XXV съезду КПСС. Такова историческая тенденция и логика нашего развития.

Съезды КПСС — всегда большое событие в жизни не только нашей партии, народа и страны, но и для всей системы стран социализма, для международного коммунистического и рабочего движения, для всего прогрессивного человечества. Поэтому понятно, что каждый советский человек, каждый коммунист всегда новыми победами встречает съезды партии.

Замечательная традиция сложилась и у наших деятелей литературы и искусства. В период подготовки к очередным съездам партии они критическим взором оглядывают пройденный путь и отчитываются перед партией и народом о своих творческих планах и достижениях. Это с одной стороны.

С другой стороны, специфика создания произведений литературы и искусства такова, что крупные, высокоидейные, высокохудожественные произведения не создаются за короткий срок. И если уже сейчас не приступить к определенной работе в данной сфере, то непосредственно накануне съезда будет поздно. Поэтому данный форум писателей и критиков, проходящий под девизом «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!», мы считаем в известном смысле одним из самых значительных мероприятий, предусмотренных по комплексной программе нашей подготовки к очередному съезду КПСС.

Выступление печатается по сокращенной стенограмме.

Долг каждого художника — задуматься над тем, с чем он идет навстречу съезду, какими новыми произведениями встретит это величайшее событие в новейшей истории нашего народа, партии и государства. Вот наша главная забота. С этими думами и размышлениями собрались здесь видные критики и литературоведы, прозаики, драматурги и поэты из всех братских республик нашей страны, чтобы вместе с партийными и государственными работниками, с представителями трудящихся обсудить, как лучше воплотить в советской литературе образ коммуниста, образ вожака масс и героя нашей эпохи. Я думаю, что это одна из самых главных, определяющих проблем нашей литературы, всей нашей политики в области культуры вообще.

Разрешите с этой трибуны от имени ЦК КП Грузии, Президиума Верховного Совета, Совета Министров республики горячо приветствовать представителей многонациональной советской литературы, приехавших в Тбилиси, и выразить глубокую благодарность руководству Союза советских писателей СССР, по предложению которого местом проведения столь важного форума художественной интеллигенции избрана Грузия.

Разговор о литературе и искусстве социалистического реализма на грузинской земле преисполнен особого смысла.

Мы гордимся тем, что основоположник социалистического реализма в советской и мировой литературе — великий Максим Горький как писатель был тесно связан с Грузией. Первое его художественное произведение, как известно, было опубликовано в тифлисской газете «Кавказ». Мы гордимся также и тем, что основоположник социалистического реализма в советской поэзии — Владимир Маяковский родился и рос, как поэт и гражданин, под солнцем Грузии.

В этот час незримо присутствуют здесь великие Горький и Маяковский: так и кажется, что мы слышим их сердцебиение, их голоса. На нас смотрят из прошлого живые образы Руставели и Толстого. На нас смотрит настоящее и будущее. И перед ними мы словно держим экзамен. Если нет у каждого из нас такого живого ощущения прошлого, настоящего и будущего, то и нет ответственности ни перед прошлым, ни перед настоящим, ни перед будущим.

Выступая недавно на партийном собрании в Союзе писателей Грузии, я сказал, что волновался и ловил себя на мысли, что я иду на встречу с моими самыми любимыми, самыми уважаемыми учителями. И это понятно. Человек не может не волноваться, когда он идет на такую памятную встречу. Признаться, с теми же чувствами я поднимался сегодня на эту трибуну. Я нахожусь среди своих учителей, писателей великой Страны Советов. На ваших произведениях воспитывались многие поколения строителей коммунизма.

Не случайно, что на этот форум советских писателей мы пригласили также и других представителей творческой интеллигенции республики, ибо разговор, который будет вестись, одинаково важен как для писателей, так и для художников, композиторов, деятелей театра и кино.

Наша встреча проходит в замечательное время в истории нашего народа, нашего государства, нашей партии — идет победоносный четвертый, определяющий год пятилетки, который ознаменован триумфальными победами КПСС и Советского правительства как во внутренней, так и во внешней политике Страны Советов.

Мы все свидетели новых побед стран социализма, триумфа советской Программы мира, провозглашенной на XXIV съезде КПСС.

Наш форум проходит в дни, когда приближается славное десятилетие со дня исторического октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, значение которого трудно переоценить.

Вот уже почти 10 лет мы работаем по-новому. После октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, положившего начало новому этапу в истории КПСС, ЦК КПСС, его Политбюро и лично Генеральный секретарь ЦК нашей партии тов. Л. И. Брежнев подлинно ленинским курсом, с истинно ленинской прозорливостью ведут нашу партию, наш народ и наше государство к сияющим вершинам коммунизма.

Десять исторических лет, прошедших после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, составили эпоху, не знающую себе равных по масштабам и размаху коммунистического строительства в нашей стране, эпоху строительства материально-технической базы коммунизма невиданными темпами, эпоху формирования коммунистических общественных отношений, эпоху невиданных успехов в воспитании нового человека — строителя коммунизма.

Истекшее десятилетие было эпохой блестящего осуществления ленинской стратегии и тактики как во внутренней, так и во внешней политике.

Истекшее десятилетие войдет в историю человечества как эпоха вступления строительства социализма в новый этап — этап развитого, зрелого со-

циализма. Вступление в эпоху зрелого, развитого социализма означало крупные сдвиги в экономике, политике, культуре.

Построение развитого социализма в нашей стране было всемирно-исторической победой новой исторической общности людей — советского народа и является общенациональной гордостью народов СССР, гордостью всех братских коммунистических и рабочих партий мира, гордостью рабочего класса планеты.

Грузинская ССР, как и все другие братские республики, всегда ощущала благотворное влияние той новой атмосферы, того нового климата в партии и государстве, который был создан после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС. Однако весь революционный дух этого нового этапа в истории КПСС стал особенно осязателен в нашей республике после известного постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии. Это необходимо подчеркнуть, ибо оно имеет принципиальное значение как для истории Компартии Грузии, так и для истории литературы и искусства республики.

Однако пока все это не история, а современность. Интенсивно протекает в республике живой диалектический процесс претворения в жизнь указанного постановления.

За 50 с лишним лет Советской власти Грузия из отсталой колониальной окраины Российской империи превратилась не только в высокоразвитую индустриально-аграрную республику, но и республику передовой социалистической культуры. Достаточно отметить, что за этот период промышленная продукция республики выросла в 193 раза, продукция сельского хозяйства — в семь раз, объем капиталовложений — в 420 раз. Небывалого расцвета достигла культура Советской Грузии в годы Советской власти. Теперь в Грузии издается 140 газет, тираж которых за годы Советской власти вырос в 26 раз, 139 журналов, тираж которых увеличился в 100 раз. Ныне в республике только книг издается более 2.250 названий с общим годовым тиражом 17 млн. экземпляров. А до революции в Грузии в среднем выпускалось книг 150 названий в год.

За годы Советской власти возродилась грузинская нация, ее экономика и культура; у нас сформировался качественно новый тип человека — тип советского человека — патриота и интернационалиста, строителя коммунизма.

Советская Грузия превратилась в классический пример республики дружбы народов. Даже за последние 20 лет развития республики, которые мы часто подвергаем справедливой партийной критике, было очень многое сделано во многих областях нашей жизни, особенно в укреплении дружбы и братства народов СССР.

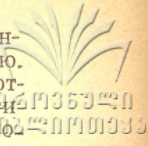
Сегодня наша республика, как и все республики Страны Советов, — республика зрелого, развитого социализма.

Следует сказать, что борьба Компартии Грузии за претворение в жизнь идей и духа октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС в Грузии по настоящее время проходила через два этапа. Первый этап — от октября 1964 года до принятия решения ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии, второй этап начинается после принятия этого решения. При этом следует сказать сразу же, что ошибки, допущенные в первом периоде борьбы за претворение в жизнь решений октябрьского (1964 г.) Пленума, не дали возможности трудящимся республики полнее почувствовать все блага нового этапа в истории КПСС, начавшегося с октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС.

После принятия постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии трудящиеся республики под руководством Компартии Грузии, под непосредственным руководством Политбюро ЦК КПСС и лично Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева делают все для того, чтобы дух октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, все его блага максимально ощущались в каждой сфере нашей жизни. Можно прямо сказать: решение по Тбилисскому горкому партии — конкретизация решений октябрьского Пленума ЦК по Грузинской организации.

Закономерно возникает вопрос: чем были вызваны негативные явления, проявившиеся в различных сферах жизни республики за последние годы до принятия решения по Тбилисскому горкому партии? Они явились продолжением тех негативных явлений, которые зародились в так называемое «великое десятилетие», когда наиболее полно проявили себя элементы волонтаризма и субъективизма не только в республике, но и в стране. Несмотря на то, что октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС взял курс ясный, подлинно ленинский курс на искоренение волонтаризма, субъективизма и прочих негативных явлений, в нашей республике многие руководители, находясь в плену инерции, медленно или вовсе не перестраивались. Некоторые руководящие товарищи делали вид, что ничего особенного не случилось, ничего не произошло, что все, мол, в порядке. Особенно старались те, кто считал, что сор из избы не следует выносить.

Горькая правда нашей действительности состояла в том, что в течение почти двух десятилетий допускались серьезные ошибки в хозяйственном и культур-

ном строительстве республики, что кое-где насаждались отклонения от ленинских норм и принципов в руководстве экономикой, культурой, партийной жизнью. Темпы роста совокупного общественного продукта и национального дохода отставали от запланированных, от Директив XXIV съезда по девятому пятилетнему плану. Замедление темпов развития основных отраслей народного хозяйства — промышленности и сельского хозяйства — обусловило снижение удельного веса и их продукции в общесоюзном балансе. Грузия по важнейшим показателям экономического и культурного развития с передовых позиций переместилась на последние (XIII, XIV, XV) места в Союзе.

В промышленности планы постоянно корректировались в сторону их уменьшения, чем замедлялись темпы развития народного хозяйства. Но на это никто внимания не обращал, выполнением и перевыполнением сокращенных планов не только бравировали, но и ухищрялись даже получать премии, хотя многих «победителей» следовало, попросту говоря, судить.

Не компетентность руководства сельским хозяйством, не управление происходящими процессами на основе глубокого научного анализа, а слепое следование им вызывали ненормальные явления. Приусадебные подсобные хозяйства проявляли тенденции мелких хозяйств товарного производства.

Плохо обстояли дела и в области капитального строительства. Срывались планы жилищного строительства. Союзное правительство выделяло средства, местные власти не обеспечивали их освоения. Только за последние 10—15 лет таким образом мы потеряли около 35—40 тысяч квартир. Если бы не эта негативная тенденция, в республике жилищная проблема давно была бы в основном решена. Вот какие возможности были упущены. Сегодня только в Тбилиси около 50.000 семей не имеют элементарных жилищных условий и десятилетиями ждут получения квартир.

Вспомните одного из писателей-гуманистов XX века Антуана де Сент-Экзюпери. Он сказал великие слова: Я не знаю другой роскоши, кроме человеческих отношений. В известном смысле слова именно эти отношения были травмированы и обесценены. Морально разлагались люди, в том числе и отдельные коммунисты.

Едва ли не самые низкие в Советском Союзе темпы роста национального дохода и производительности труда обусловили медленные темпы роста материального благосостояния трудящихся республики, реальных доходов населения. В том числе средняя зарплата в республике была почти самой низкой в Союзе. Вместе с тем, как ни странно, в Грузии был самый высокий в стране уровень потенциального потребления. Огромные средства хранились в личных сейфах, лежали без движения, не обращались, и тем самым наносился ущерб нашей экономике: Личные доходы определенной части населения росли, однако не за счет общественных фондов, а из сомнительных источников. Известная категория лиц обогащалась незаконно.

Изучение причин, породивших ряд негативных явлений в экономике и культуре республики, показывает, что они были следствием определенной недооценки и идеологической работы, которая во многих организациях длилась многие годы. Это значительно снижало эффективность идейно-политической работы, ослабляло ее научные основы.

Главной причиной крупных недостатков в идейно-политической жизни партийной организации республики был некоторый отход от ленинских принципов в идеологической работе, нарушение этих принципов во многих сферах жизни. ЦК КП Грузии, обкомы, некоторые горкомы, райкомы партии, первичные партийные организации не всегда давали острую партийную, классовую оценку ошибкам, упущениям, недостаткам, конфликтам, диспропорциям в жизни общества, нередко уходили от острых проблем, старались выдавать желаемое за действительное, хотели быть «добрыми» за счет народа, государства, партии.

На пленумах ЦК КП Грузии и партактивах республики приводились факты, которые не могли не вызвать нашей озабоченности. Так, например, на одной из тбилисских фабрик в сетях комбинаторов и взяточников оказались десятки членов партии и комсомольцев, т. е. орудовавшие там антиподы нашего общества сумели разложить многих честных людей. Таких фабрик по республике было не так уж мало.

Протекционизм получил распространение в республике. Он проникал в кадровую политику, в экономику, культуру, литературу и искусство.

Имели место факты взяточничества в вузах республики. В Тбилисский медицинский институт, да и во многие другие вузы многим абитуриентам невозможно было поступить без взятки, без протекции. Теперь арестованы бывший ректор мединститута, секретарь парткома, некоторые профессора и ведется следствие.

Много было подобных фактов. Эти отдельные штрихи о многом говорят. Они дают некоторое представление о том, что означали для нас субъективизм, волюнтаризм и прочие негативные «измы» за последние годы.

Без острой классовой, партийной и политической оценки каждого факта и явления мы не могли навести порядка в этих и во многих других сферах нашей жизни. А между тем принципы партийности и классовости подменялись порой обывательским лозунгом — «живи и давай жить другим!».

Кое-где развращались нравы, и в глазах определенной части населения критерии оценки коммуниста и настоящего человека изменялись. Не случайно в условиях отклонения от ленинских норм и принципов партийной жизни и партийного руководства подкуп, взяточничество, делячество, коррупция проникли и в кадровую политику. Ничего общего не имел с ленинскими принципами такой «метод», когда на руководящие посты иногда назначались недостойные люди по рекомендации случайных лиц. Многие партийные организации будто не замечали, что отдельные люди жили не по средствам, обзаводились домами и дачами, покупали автомашины, вели праздный образ жизни. В те годы больше всего, больше, чем экономика, пострадали психика и мировоззрение отдельных людей. Наше слово порой расходилось с делом: мы говорили о высоких идеалах коммунизма, о чистоте и кристальности советского человека, а на деле сталкивались с грубейшими нарушениями правил социалистического общежития и элементарных норм морали.

Негативные явления в жизни республики, о которых выше шла речь, вызвали аналогичные негативные явления и в духовной жизни республики. Кое-где стали процветать делячество, панибратство, групповщина, круговая порука, появилась тенденция разделения на сферы влияния отдельных группировок журналов, редакций, издательств.

Группировки появляются там и тогда, где и когда отсутствует ленинский дух творчества, атмосфера партийности и высокой гражданственности, где нет здоровой партийной критики и самокритики.

Нездоровое положение сложилось в некоторых творческих союзах и учреждениях искусства, в руководстве которыми не было обеспечено необходимого партийного влияния. Замечалось значительное сужение партийного ядра в среде творческих работников и даже в руководстве творческих союзов и организаций.

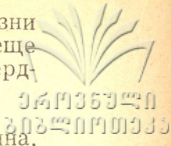
Кое-где появились рецидивы попыток рассматривать художественное творчество в отрыве от политики, от ее сегодняшних актуальных проблем; дали о себе знать чуждые нашей действительности настроения отдельных деятелей литературы и искусства. Это, в первую очередь, явилось результатом отсутствия серьезной партийной заботы о воспитании художественной интеллигенции. Так, с большими препятствиями был пущен в производство фильм «Отец солдата», тогда как фильмы, о которых зритель давно забыл, как грибы размножались под маркой студии «Грузия-фильм».

Вообще не увидел света фильм талантливого режиссера О. Иоселиани «Апрель» (1963 г.), остро бичующий мещанское благополучие и бытовое обращение, уже в те годы заметно распространившиеся в республике, а его второй фильм «Листопад» был подвергнут резкой критике, как произведение, якобы искажающее нашу действительность.

Надо сказать, что передовая творческая интеллигенция старалась отобразить борьбу трудящихся с негативными явлениями. Так, например, писатель Гурам Панджидзе в романе «Камень чистой воды» попытался идти против течения, однако его обвинили в том, что он якобы также искажает действительность, и критиковали не только в периодической печати, но даже на последнем съезде Компартии Грузии. В действительности же все обстояло иначе. В те годы применялась и политика замалчивания, приглушения, замазывания острых проблемных произведений искусства. Такое отношение к произведениям литературы и искусства, пренебрежение к их гражданской направленности, активной позиции создавало нездоровую обстановку в некоторых областях грузинского искусства. А райкомы, горкомы, обкомы партии и их бюро не оказались на высоте требований партии.

Такова краткая предыстория тех негативных явлений, которыми было порождено некоторое притупление чувства партийности, классовости, народности у отдельных деятелей литературы и искусства, такова предыстория некоторого ослабления процесса воплощения образа коммуниста в произведениях грузинской литературы и искусства за последние годы.

Искусство принадлежит народу, и оно создается во имя коммунизма, поэтому мы должны говорить правду народу и партии о состоянии дел в литературе и искусстве.

Чуждые советскому обществу тенденции в социально-экономической жизни республики оставили глубокие следы в сознании людей. И эти наслоения еще долго будут давать о себе знать в борьбе партийных организаций за умы и сердца наших современников.

Перелом в сознании людей совершить труднее, чем в экономике. Недавно я беседовал с одним литератором. Я спросил его: «В чем причина, почему так трудно создаются образы коммунистов в литературе?» Он сказал: «В последние годы на многих руководящих должностях сидели члены партии, я подчеркиваю: члены партии, потерявшие лицо коммуниста, считающие себя коммунистом лишь по партбилету, сами никак не отвечающие нашему представлению о коммунисте. Подобные, с позволения сказать, коммунисты, а их было не так уж мало, подорвали не только свой авторитет, но и авторитет настоящих и честных коммунистов.

Все это разочаровало в некоторой степени нас, художников, и не только художников. В этих условиях, будучи верным художественной правде, трудно было создать полнокровные образы коммунистов»

Что можно сказать по этому поводу? Все, что он говорил, почти так и было в нашей действительности, в жизни нашей республики, однако все это лишь частично объясняет положение дел.

Товарищи, глубоко владеющие основами марксизма-ленинизма, методом социалистического реализма, основами марксистско-ленинской диалектики и умеющие творчески их понимать, сознавали, что все это временное явление и оно нетипично для социализма.

Мужество художника-коммуниста — не в бегстве от метода социалистического реализма (это удел трусов и слабовольных). Мужество и смелость в том, чтобы в самом, казалось бы, безвыходном положении не изменять самому себе, не изменять идеалам коммунизма. К чести наших литераторов надо сказать, что многие из них, и их было большинство, оказались настоящими зрелыми художниками, подлинными бойцами партии и лишь некоторые смалодушничили.

К сожалению, стало обычным явлением допущение методологических ошибок в литературных журналах и в печати, тем самым наносился ущерб не только методу социалистического реализма, но и всей нашей социалистической действительности. В некоторых кругах процветало нигилистическое отношение к достижениям культуры социалистического реализма, кое-где и кое у кого социалистический реализм считался чуть ли не старомодным.

Выход из такого состояния экономики и культуры на основе диалектического анализа положения в республике указали ленинский ЦК КПСС, его Политбюро и лично Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Подлинно ленинским ориентиром для Компартии Грузии стало решение ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии.

Глубоко научный анализ недостатков в партийно-политическом руководстве экономикой, культурой, идеологией республики, изложенный в этом постановлении, был воспринят груздящимися Грузии как еще одно проявление заботы Центрального Комитета партии об их благе, об их будущем. Задача состояла в том, чтобы народному хозяйству вернуть былые позиции и штурмовать новые рубежи, виновных наказать, заблудших вернуть на путь истины, потерявшим бегу вернуть ее и совместно со стойкими, непоколебимыми, принципиальными членами общества повести их на штурм новых высот.

Пленум и партийные активы, проведенные ЦК КП Грузии в конце 1972 и в 1973 гг., со всей большевистской принципиальностью вскрыли причины негативных явлений, бытующих в республике, и наметили научно обоснованные пути их преодоления, успешного решения задач, поставленных в исторических решениях XXIV съезда КПСС, Директивами девятой пятилетки.

Нелицеприятный, по-большевистски, по-ленински откровенный разговор, шедший на этих пленумах и активах, показал, что взят единственно правильный курс. Полные решимости преодолеть недостатки, рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция пошла за партийной организацией республики, дружно взялись за дело, с большой энергией и энтузиазмом включились в борьбу за подъем народного хозяйства.

Сегодня мы уже можем говорить о некоторых успехах. В начале года, по итогам Всесоюзного социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта, за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1973 год Грузинская ССР вместе с семью другими братскими союзными республиками удостоилась Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ВЛКСМ.

В этой борьбе за поднятие и дальнейшее развитие народного хозяйства и культуры республики нас вдохновляет поистине отеческая забота, которую про-

являют Центральный Комитет КПСС, Советское правительство, лично Леонид Ильич Брежнев, что еще раз выразилось в историческом для Грузии документе — постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию народного хозяйства Грузинской ССР».

Это постановление является классическим примером научного анализа, фундаментальной базой планирования развития народного хозяйства республики, экономической и не только экономической программой строительства коммунизма в нашей республике на ближайшее десятилетие, полностью отвечающей требованиям Программы КПСС. И поэтому понятно, что все внимание партийной организации республики ныне сосредоточено на выработке подлинно марксистско-ленинской стратегии и тактики в области претворения в жизнь указанного постановления Коммунистической партии и Советского правительства.

В области народного хозяйства генеральным направлением для нас является повышение интенсификации и эффективности производства, снижение себестоимости продукции, рост производительности труда, повышение качества товаров. Предметом особой заботы для нас является улучшение системы планирования как краткосрочного, так и долгосрочного — вплоть до 90-х годов и до конца текущего столетия.

В области промышленности в республике ныне осуществляются крупные мероприятия по реконструкции и модернизации промышленных предприятий. Мы планируем эффективное применение в наших условиях передового опыта по реконструкции и модернизации, накопленного на Урале и в других республиках, городах и областях Страны Советов.

В сельском хозяйстве республики также идет процесс интенсификации всего производства. Строятся крупнейшие комплексы по ускоренному развитию животноводства.

В центре нашего внимания стоят проблемы дальнейшего улучшения специализации сельского хозяйства республики. Основное внимание будет сосредотачиваться на развитии субтропического сельского хозяйства, особенно чаяводства, дальнейшее мощное развитие получит виноградарство.

Намечена большая программа полного освоения Колхидской низменности, орошения засушливых земель Восточной Грузии. Одним словом, в наши дни будут сбываться многие вековые мечты грузинского народа.

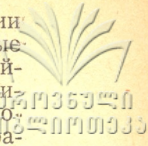
В области капитального строительства у нас также намечаются крупные комплексные мероприятия. Можно смело сказать, что следующая пятилетка, десятая пятилетка развития народного хозяйства Грузинской ССР, будет пятилетней новостроем коммунизма в Грузии. Достаточно отметить, что будет построено десятка крупных промышленных предприятий. Небывалых темпов достигнет жилищное строительство. Сейчас закладываются основы индустриального домостроения. Строятся крупнейшие домостроительные комбинаты как в Восточной, так и в Западной Грузии.

Меняется сознание людей, повышается их ответственность, укрепляются дисциплина, организованность, общественный порядок, сокращается преступность, особенно его особо опасные виды, взяточничество, спекуляция и т. д. Антиподом общества объявлен бой не на жизнь, а на смерть!

Курс, взятый ЦК Компартии Грузии на безусловное претворение в жизнь решения ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии, общая тенденция оздоровления общественно-политического и морально-психологического климата в республике, тенденция оздоровления всей экономики и культуры, особенно мероприятия, намеченные последними пленумами ЦК КП Грузии, республиканским парламентом, посвященным проблемам дальнейшего улучшения идеологической работы, региональным совещанием идеологических работников республик Закавказья, нашли живой отклик, полное понимание и горячую поддержку со стороны деятелей литературы и искусства.

Заметно изменились стиль и методы руководства литературой и искусством. ЦК Компартии Грузии постарался создать новую атмосферу, новый климат во всех творческих организациях, министерствах и ведомствах, занимающихся проблемами литературы и искусства.

Работа ЦК Компартии Грузии по созданию оптимального климата для творчества проводилась в следующих основных направлениях: во-первых, памятуя, что политику осуществляют во имя людей и через людей, мы стали проводить подлинно ленинскую политику в области подбора, расстановки и воспитания кадров в сфере культуры. Были заменены многие руководители ведомств, занимающихся проблемами культуры и имеющих право соприкосновения с процессами развития литературы и искусства. Были заменены также некоторые редактора литературной периодики, журналов, газет, а также издательств. Обновлено руководство многих творческих союзов.

Следует прямо признать, что Центральный Комитет Компартии Грузии ранее не осуществлял через соответствующие райкомы, горкомы и первичные организации творческих союзов надлежащего руководства процессом дальнейшего развития литературы и искусства. Часто первичными партийными организациями творческих союзов, соответствующими партийными органами руководили люди, не совсем компетентные в области управления процессами литературы и искусства, что создавало благодатную почву для некоторых элементов волюнтаризма, субъективизма, известного отступления от принципов социалистического реализма, а если хотите, кое-где, в некоторых кругах, для дискредитации и компрометации партийных принципов руководства литературой и искусством.

Сейчас Центральный Комитет партии совместно с другими партийными комитетами, секретарями, совместно с творческими союзами, терпеливо, шаг за шагом преодолевая все наследию недавних лет, старается создать оптимальную атмосферу для плодотворной творческой деятельности каждого члена союза, каждого его руководителя.

Компартия Грузии свою основную задачу видит в том, чтобы установить подлинно ленинскую атмосферу в творческих союзах, в отношениях между партийными органами и деятелями литературы и искусства.

Теплота и человечность, ленинская забота о писателях, о людях искусства насильно должны пронизывать все наши документы и директивы, все наши постановления и указания.

Забота о литературе и искусстве прежде всего предполагает высокую компетентность, высокую квалификацию, высокий профессионализм со стороны партийных работников, призванных руководить литературой и искусством.

Партийные работники по своей эрудиции, общей культуре должны внушать доверие деятелям литературы и искусства, иначе они никогда не пойдут за горьковскими руководителями, руководящими кое-как.

Живым олицетворением, классическим примером партийного руководства литературой и искусством нам служит великий Ленин. Надо брать пример с Ленина, советоваться с Лениным, учиться у него.

Когда мы говорим о ленинской заботе о деятелях литературы и искусства, мы должны помнить и о ленинской принципиальности, партийной принципиальности в вопросах литературы и искусства.

История знает много трогательных примеров дружбы основоположников и классиков марксизма-ленинизма с деятелями литературы и искусства. Навсегда вошла в историю дружба Маркса и Гейне, Ленина и Горького. Но как Маркс, так и Ленин всегда были взыскательными ценителями, беспощадными критиками их неправильных взглядов. Дружба не мешала им быть принципиальными и непримиримыми к ошибкам и отклонениям.

Вы все знаете переписку Ленина с Горьким. В одном из писем Ленин упрекает Горького в том, что его мировоззрение, его ошибки порождены той атмосферой, в которой находится Горький, мировоззрением тех людей, которые окружали его, его некоторой оторванностью от рабочего движения, от жизни. Этот ленинский урок мы всегда должны помнить.

Мы рады, что появились новые тенденции в литературе и искусстве республики, в работе других творческих союзов, новыми штрихами обогатилась творческая лаборатория каждого писателя, артиста, музыканта, живописца, много нового и интересного в жизни с точки зрения психологии творчества, социологии литературы и искусства и т. д.

Наши научные центры должны исследовать и показывать, каково конкретное значение процессов, происходящих в республике. Необходимо дать конкретный, подробный анализ сдвигов, имеющих место в творческой жизни республики. Сегодня об этом рано еще говорить, однако уже сейчас можно констатировать, что, во-первых, складывается новая атмосфера полного взаимопонимания, доверия и благожелательства в творческих союзах, идет процесс преодоления групповщины и других негативных явлений.

Во-вторых, возрастает уверенность в собственных силах каждого деятеля литературы и искусства, уверенность в торжестве справедливости. Сейчас идет процесс восстановления доверия, и этот процесс будет усиливаться тем успешнее, чем интенсивнее будет протекать работа по полному восстановлению ленинских норм и принципов партийной жизни и партийного руководства.

В-третьих, осуществление ленинского курса руководства хозяйственным и культурным строительством за последние два года привело к полному повороту к принципам социалистического реализма в литературе и искусстве республики.

В феврале прошлого года виднейшие представители грузинской советской литературы и искусства обратились ко всем деятелям культуры с призывом приложить все силы для создания глубокой и высокохудожественных произведений о рабочем классе, о колхозном крестьянстве, интеллигенции, коммунистах и комсомольцах, о наших современниках — строителях коммунизма.

Инициативу видных представителей литературы активно поддержали творческие союзы и общества, министерства и организации культурного фронта.

В разных районах Грузии, на стройках Ингурской и Жинвальской ГЭС, Алазанской оросительной системы, в колхозах и совхозах находятся ведущие грузинские писатели и художники, направленные туда в длительные творческие командировки.

Появились первые итоги этих творческих командировок. Опубликовано много интересных произведений о наших днях, о нашем современнике.

Такое единодушие творческой интеллигенции с рабочим классом, колхозным крестьянством не может не радовать. Все это, разумеется, хорошо, все это следует приветствовать.

Мы сегодня уже имеем право подвести определенные итоги того творческого подъема, которым наша литература и искусство ответили на трудовой энтузиазм народа. Имеются в виду не только итоги творческих командировок. Так, на примере нашей республики можно отметить явное усиление активности писателей. В газетах и журналах появляются стихи, очерки, рассказы, публицистические статьи, отвечающие призыву — внести свой вклад во всенародную борьбу за обновление и возрождение, за искоренение недостатков во всех сферах жизни, за успешное выполнение заданий пятилетки.

Вышли в свет сборники очерков и стихов, сери книг грузинских писателей, посвященных героям пятилетки.

Недавно к слету передовиков промышленности и сельского хозяйства республики с участием победителей в социалистическом соревновании Союзом художников Грузии была организована тематическая выставка «Слава труду!», на которой были представлены произведения тех художников, которые побывали в творческих командировках.

Очевидно, многие из вас знают, а грузинские писатели, конечно, прекрасно помнят, что в конце минувшего года у нас в Тбилиси был проведен пленум правления Союза писателей Грузии на тему «Рабочий класс в грузинской советской литературе».

Для всех нас особенно знаменательным было то, что в работе этого пленума приняли участие вместе с грузинскими писателями представители нашего славного рабочего класса, партийные работники, читатели.

Это хорошо, когда писатели, композиторы, художники ищут настойчиво практические контакты с массами, по примеру москвичей и ленинградцев даже заключают социалистические договора с трудовыми коллективами. Но лишь тогда, когда эти мероприятия будут избавлены от формализма, кампанейщины, мы сможем с уверенностью ждать на страницах книг, на полотнах и в кинолентах живой образ настоящего героя современности — человека труда.

Мы оптимисты. Наш оптимизм зиждется на реальных успехах литературы и искусства. Много новых веяний в художественной жизни республики. Лучшие наши писатели все смелее вторгаются в жизнь. Наш оптимизм зиждется не только на интуиции, он основан на научном прогнозе.

Не может быть такого, чтобы проблемы, которые решаются ныне Компартией Грузии, те глубинные процессы, происходящие в социальной жизни республики, те гигантские успехи, достигнутые в коммунистическом развитии в масштабах страны, которые вызывают восхищение всего содружества социалистических стран и прогрессивного человечества, оставили равнодушными наших писателей, деятелей литературы и искусства.

Наши научные прогнозы таковы, что у нас будет большая литература, большое искусство наших дней, появятся шедевры литературы и искусства, отражающие современность с позиций социалистического реализма.

У нас — пора больших ожиданий в литературе и искусстве.

Товарищи!

Все проблемы, возникающие в связи с высокохудожественным и высокоидейным воплощением образа коммуниста в произведениях литературы и искусства, трудно охватить не только в одном докладе, но и в многотомных сочинениях.

Но есть проблемы, на которых невозможно не остановиться.

Обсуждая проблемы создания образа коммуниста в литературе и искусстве, мы обсуждаем по существу проблемы мирового масштаба.

Мы живем в эпоху бурного развития идейной жизни, в эпоху великих битв идей. Все народы мира, все партии мира, все социальные группы мира, каждый житель планеты размышляют над проблемой — какой должна быть наша планета, наша жизнь? На какие идеалы должно ориентироваться человечество? Все ищут лучшего решения этой проблемы.

Многие философы предсказывают через миллиарды лет гибель нашей планеты, другие говорят о том, что космическая катастрофа планеты — далекое будущее, но она может наступить гораздо раньше, ибо в самом человеке заложено мефистофельское, разрушительное начало, которое может превратить в пепел всю человеческую цивилизацию. Поэтому современный мир серьезно задумывается над проблемами завтрашнего дня, над проблемами будущего человечества.

Где выход? Человек задает себе стародавний вопрос: «Камо грядеши? Кювадис?».

У каждого свой ответ на этот вечный вопрос.

Вспоминаю одну недавнюю встречу с австрийским фермером. Эта встреча совпала с мировым энергетическим кризисом. Все переживали его последствия, и, разумеется, и этот австрийский фермер — обладатель угодья площадью 25—30 га и использующий наемный труд, типичный классический частный собственник. Тем не менее он сказал, что спасение Европы — в создании объединенной Европы, объединяемой Европы, которая нуждается в строгом порядке. Речь идет не о порядке руководителей — болтунов буржуазного типа, пояснил фермер, речь идет о порядке советского типа; добавил он и тут же отметил, что его идеал — сочетать частную собственность... с советскими порядками. Ему нравится коммунистический порядок, однако не нравится, что этот порядок отнял бы у него частную собственность. Интересно, что фермер, находясь в кризисном состоянии, ищет выхода из него, и выход он находит... в коммунизме.

Этот факт интересен тем, что показывает великую притягательную силу коммунизма для всех классов, для всех социальных групп в мире, и каждый из них старается приспособиться к коммунизму. Часто это приспособление носит очень наивный характер, часто оно принимает вид «солидной», «серьезной» буржуазной философии, но факт всегда остается фактом: коммунизм имеет великую и непреодолимую притягательную силу, поэтому, изображая людей — носителей идеологии коммунизма — коммунистов в своих произведениях, деятели литературы и искусства должны чувствовать особую ответственность не только перед советским народом, не только перед партией, но и перед всем человечеством.

Тот, кто более или менее разбирается в научных законах общественного развития, не может не видеть, что единственный путь человечества в будущее — это коммунизм. Спасти цивилизацию может только прогресс, прогресс, который несет человечеству коммунизм. Именно поэтому особое значение не только для Советского Союза, не только для стран социализма, но и для судеб всей человеческой цивилизации имеет тот факт, как советские литераторы и деятели искусств воплотят в своих творениях образ коммуниста. Созданные ими образы коммунистов должны вдохновлять и звать вперед, звать в лучшее будущее, в коммунистическое завтра человечества!

В недавнем прошлом очень часто наблюдался в жизни республики такой парадокс, когда отдельные товарищи, претендующие на утонченность, изощренную образованность, часто соприкасающиеся с произведениями литературы и искусства буржуазного Запада, но не имеющие достаточной марксистско-ленинской закалки, как правило, попадали под влияние эстетических концепций буржуазного Запада. Безусловно, следует изучать и буржуазную культуру, и добуржуазные культуры, однако с той целью, чтобы взять все рациональное из этих культур и отбросить все отжившее свой век, все гнилое. Однако, к сожалению, порой наши литераторы, вместо того чтобы критически изучать буржуазную культуру, сами невольно становятся ее апологетами.

Некоторые не только не опасаются попасть под влияние буржуазной культуры, но, наоборот, даже кичатся этим, т. е. своей политической нереальностью. Это своего рода «внутренние эмигранты» от литературы и искусства.

Мы всегда должны помнить, что одним из источников отклонений от позиций социалистического реализма являются так называемые «инакомыслящие» в СССР — ревизионисты, ренегаты, отщепенцы типа Солженицына, Сахарова.

Чалидзе и прочих. Так называемая литература «самиздата» порождает болото социальной жизни, является рассадником цветов зла.

Отравленным источником отклонений от принципов социалистического реализма являются ревизионисты и оппортунисты от литературы и искусства. Мы имеем прежде всего в виду ревизионистов и ренегатов типа Роже Гароди, бывшего члена руководства Компартии Франции, автора теории о так называемом «безбрежном реализме», что есть не что иное, как отход от принципов социалистического реализма.

Одним из источников отклонения от принципов социалистического реализма мы считаем авантюристические наскоки китайских маоистов на принципы марксистско-ленинской эстетики. Говоря о политике, осуществляемой в области культуры в КНР, нельзя не вспомнить гениальный ленинский труд «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Нигилистическое отношение в КНР к литературе и искусству прошлого, к классикам мировой культуры, в том числе к Бальзаку, Пушкину, Толстому, Бетховену, Моцарту и другим, напоминает нам известные в прошлом у нас в собственном отечестве лозунги типа «Долой Пушкина с корабля современности!» или «Илья Чавчавадзе — буржуазный писатель!» и т. д. Отброшенные на свалку истории реакционные лозунги и немарксистское отношение к культуре прошлого вновь взяты на вооружение в КНР.

У нас, у коммунистов, свое эстетическое кредо. В нашем культурном строительстве мы опираемся на общие принципы марксистско-ленинского мировоззрения. Мы ведем непримиримую борьбу против чуждых нам концепций как буржуазной, так и псевдомарксистской идеологии, против всевозможных отщепенцев, купленных за звонкую монету.

Один из самых излюбленных приемов борьбы наших идейных противников **против нас** — это противопоставление идеологии духовной культуре и ее составным элементам — науке, морали, искусству, борьба за их «деидеологизацию», за их «освобождение» от классовой ориентированности. Это несостоятельный прием.

Любая идеология в классовом обществе носит классовый характер, выражает интересы того или иного класса. Идеология есть система идей, идеалов, целей, ценностей, есть система взглядов на мир, на место человека в этом мире, на его назначение, есть система ответов на вопросы о том, что есть мир и что есть человек, что он должен делать в этом мире, к чему он должен стремиться, какие ценности должен уважать превыше всего, как он должен устроить свою общественную и личную жизнь.

Мы открыто и прямо заявляем, что наше мировоззрение, наша философия, наша мораль, наше искусство, вся наша духовная культура насквозь идеологична, т. е. целиком и полностью выражает наше представление о мире и человеке, о законах развития общества, о правде и справедливости, о добре и зле, о красоте и безобразии, о назначении человека и о его высших целях, о справедливом, свободном и прекрасном обществе. Наш общественный строй, наша культура и есть воплощение нашей идеологии, наших идей и идеалов.

Если у нас и есть недостатки (а они у нас, к сожалению, есть), то причина их, конечно же, не в том, что наш общественный строй и наша духовная культура «слишком» идеологичны, как пытаются нас уверить наши зарубежные (и не только зарубежные) «друзья» и «советчики», а, как раз наоборот, в том, что наши идеи и идеалы, т. е. именно наша идеология, еще не полностью воплощены в жизнь.

Высокую идеологическую роль искусства, его роль в идеологической борьбе и в идейно-воспитательной работе, в строительстве духовной культуры мы видим именно в том, чтобы оно максимально способствовало воплощению в жизнь своими средствами наших целей и идеалов и, если хотите, проводило бы в жизнь нашу идеологию.

В чем же можно видеть смысл и назначение литературы и искусства, как не в высоком служении человеку, его свободе и духовному развитию, правде и справедливости, добру и красоте!

Если не ошибаюсь, Отрога-и-Гассет, один из столпов теории буржуазного искусства, всерьез утверждает, что литература имеет не большее воспитательное значение, чем, скажем, физика или математика. Как можно согласиться с подобной трактовкой вопроса?!

Мы боремся за искусство полнокровное, за эстетические ценности, полные высокого духовного смысла и содержания, причем боремся и отстаиваем ценности, создаваемые не только советскими авторами, но и всем развитием художественной культуры человечества. Конечно, у нас есть свои критерии, свои принципы отбора подлинных художественных ценностей, принципы, сформулирован-

ные В. И. Лениным в его учении о партийности, классовости и народности литературы и искусства, в его теории диалектического развития культуры — в борьбе двух культур в каждой буржуазной национальной культуре, о социалистической культуре, как творческом развитии всего прогрессивного и ценного, что создано всей предыдущей историей, о ее расцвете, взаимообогащающей и сближающей национальные культуры. И именно эти принципы и критерии дают нам возможность давать правильную оценку подлинным и мнимым художественным и эстетическим ценностям, рассматривая их в контакте диалектического развития общества и его материальной и духовной культуры.

Нельзя противопоставлять или отрывать друг от друга разные аспекты и функции литературы и искусства, нельзя лишать их ни одной из ценностей, которые они способны приносить людям, — социально-политической, идейно-воспитательной, познавательной, этической, эстетической, эти аспекты искусства надо рассматривать как диалектические аспекты целого, единого сплава.

Специфическая задача искусства, как уже было сказано, — раскрытие ценностей жизни человека, создание новых ценностей и ориентирование человека на эти ценности.

Именно в силу этого оно может играть большую и важную роль в классовой борьбе, в решении задачи соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического строя, воспитания человека и формирования его духовного мира, в строительстве духовной и материальной культуры, в развитии национальных культур, их взаимообогащении и сближении.

Именно поэтому, товарищи, ваши герои, герои литературы и искусства социалистического реализма, должны воспитывать в людях коммунистическую убежденность, непоколебимую веру в наши идеалы и готовность отстаивать эти идеалы до конца. Эти герои должны воспитывать в людях честность, принципиальность, которые помогут в борьбе со всеми проявлениями чуждой идеологии и морали, борьбе со всеми недругами за рубежом и со всеми недостатками в нашей среде.

Литература и искусство должны воспитывать в людях любовь к Родине, патриотизм и интернационализм. Они должны воспитывать в людях доброту и гуманность, сочетающиеся с гражданской активностью и бескомпромиссной принципиальностью.

Философия всепрощения, примиренчества, невмешательства и равнодушия должна быть изгнана вовеки и навсегда. «Заговору равнодушных» мы должны противопоставить «безумство храбрых».

Мы, коммунисты, — люди, настроенные критически и самокритически. Мы даже к нашим учителям — писателям и мастерам искусств — относимся с критических позиций, ибо среди учителей имеются хорошие и плохие. На всю жизнь освещает нам дорогу хороший учитель. Он ведет нас не только к вершинам знаний, но и к вершинам жизни.

В народе всегда был культ духовного наставника, учителя. Они всегда были олицетворением моральной чистоты, нравственной возвышенности, высокой эрудиции, неповторимого таланта.

Многие из вас знают знаменитую поэму А. Церетели «Воспитатель». Главный герой поэмы, узнав о том, что он воспитал недостойного ученика, вместо того чтобы наказать его, застрелился сам, чувствуя великую ответственность перед народом, перед нравственными законами, которые он сам считал святыми и прививал другим.

Поймите нас правильно, мы не за то, чтобы самоубийством кончали все, кто не воспитал достойных учеников, вовсе нет, мы — за высокую ответственность воспитателя в обществе.

Я был однажды на выставке известного грузинского художника, фамилии я сейчас, пожалуй, не назову. Меня заинтересовал тот факт, что на выставке были представлены в основном портреты представителей интеллигенции, но не было ни одного портрета рабочего и колхозника. Когда я спросил его, почему он не рисует представителей рабочего класса и колхозного крестьянства, он ответил: «Ищу сложных людей, неповторимых, одухотворенных и увлеченных своим делом, а подобные лица я нахожу среди интеллектуалов, а вот, к сожалению, среди колхозников и рабочих не нахожу таких лиц».

Я поспорил с ним и сказал, что все зависит от умения видеть. Если вы легко замечаете вдохновение на лицах артистов и художников, это вовсе не потому, что вдохновение чуждо рабочим и колхозникам и является лишь прерогативой художников и людей интеллектуального труда, вовсе нет. Дело в том, что для художников образы деятелей литературы и искусства более знакомые, близ-

кие, родственные по своей природе. Помимо этого, у художников вдохновение, одухотворенность проявляются более броско и ярко, ибо неукротимая творческая энергия, щедрость таланта всегда дают о себе знать более заметно не только внешне, но и внутренне, тогда как у рабочих и колхозников, в силу известных причин, все это проявляется иначе, специфично. Тут то, что ищет художник, не лежит на поверхности, тут следует глубже проникать в характер будущего персонажа.

Чтобы раскрыть всю красоту души трудового человека, его благородство, доброту, человеколюбие и трудолюбие, мудрость его натуры, нужны большой талант, большой интеллект, прекрасная душа художника, и нам кажется, что рабочие и колхозники, коммунисты если в творчестве того или иного художника не занимают достойного места, то лишь потому, что тот художник не готов видеть прекрасное в истинно прекрасном в жизни.

Поймите нас правильно.

Нам доставляют огромную радость и большое эстетическое удовлетворение высокохудожественные произведения о людях интеллектуального труда, воссоздание образов артистов, художников, писателей, ученых. Они украшают нашу жизнь, делают ее более прекрасной.

За это большое спасибо мастерам литературы и искусства.

Однако наряду с ними мы хотели бы видеть высокохудожественные образы наших рабочих и колхозников, коммунистов, выписанные с такой же любовью и мастерством, как и портреты других наших современников.

Рабочие, колхозники, коммунисты должны быть главными героями произведений литературы и искусства.

Именно об этом идет речь.

Все, что было создано на нашей земле, в нашем обществе за годы Советской власти, — это дело рук нашего рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции и прежде всего их лучших представителей — коммунистов, авангарда нашего общества — КПСС. Коммунисты — люди, олицетворяющие собой высший философский концепт Человека, коммунисты, воплотившие в себе все самые заветные, самые прекрасные, самые высокие идеалы человечества, коммунисты, являющиеся олицетворением высшего проявления человеческого интеллекта, лучших человеческих чувств, в том числе чувств эстетических, коммунисты, олицетворяющие высшие проявления гуманизма, патриотизма, интернационализма, свободы, дружбы и братства, любви, являющиеся творцами всего прекрасного на земле, люди, творящие по законам красоты, часто, очень часто остаются вне поля зрения грузинских литераторов. Это странно и удивительно.

Человек — это высшая должность на земле, — говорил Горький. Нет более высокой должности, чем быть коммунистом на земле.

Человек — венец природы, — говорили древние философы. Нет более прекрасного венца природы, чем настоящий коммунист.

Трудовой героизм — это высший продукт общественного интеллекта. Следовательно, коммунисты, герои труда, молодежь, идущая по призыву партии на ударные стройки пятилетки, — вот главная тема творческого исследования. Я не оговорился, именно исследования, так как образ человека труда сегодня много сложен, глубинен и необычайно интересен. И упрощенческий, примитивный подход к этой теме может свести на нет самые благие намерения художника.

Видимо, было бы правильно особо поощрять тех писателей, которые создают в своих произведениях образы коммунистов. Думаем, что было бы целесообразно, если бы ЦК КП Грузии, Совет Министров Грузинской ССР, Министерство финансов республики изыскали резервы и учредили ежегодные премии для деятелей литературы и искусства, создающих высокохудожественные образы коммунистов.

Литература и искусство играют большую роль в становлении каждого человека, в формировании его сознания, его убеждений, в его нравственном воспитании.

Мы с гордостью можем отметить, как велик вклад, который сегодня вносят в дело воспитания советского человека произведения Михаила Шолохова, Константина Федина, Николая Тихонова, Леонида Леонова, Константина Симонова, Валентина Катаева, Бориса Полевого, Георгия Маркова, Вадима Кожевникова, Даниила Гранина, Алексея Арбузова, Виля Липатова и других русских писателей. Однако в нашей общей духовной сокровищнице сегодня значительное место занимают ценности, созданные писателями всех народов нашей страны.

В какой советской республике не знают и не любят имена Миколы Бажана и Олеся Гончара, Ивана Мележа и Янки Брыля, Константинэ Гамсахурдиа и

Пауля Куусберга, Николая Слущиса и Чингиза Айтматова, Эдуардаса Межелайтиса и Расула Гамзатова, Сильвы Капутикян и Мирзы Ибрагимова, Сулеймана Рустама и Геворга Эмина, Кайсына Кулиева и Давида Кугультинова и многих других. Вот целое созвездие талантов, создающих бессмертные образы коммунистов в литературе. Список этот можно продолжить, но дело не в перечислении фамилий, а в том новом социально-историческом явлении, которое называется ленинской национальной политикой, в ее победоносном осуществлении в нашей стране.

Интернациональный дух советской литературы, дух межнационального братства и дружбы народов, который ее вдохновлял и вдохновляет, имеет огромное значение в воспитании масс в духе коммунистических идеалов.

Каждый из народов нашей страны с законной гордостью может припомнить первые ростки содружества с другими народами в глубине веков. Имена Пушкина и Лермонтова, Руставели и Низами, Шевченко и Саят-Новы, Донелайтиса и Саломеи Нерис, Райниса и Абая — лишь некоторые из высочайших вершин этого бессмертного духа.

И столь же несомненна, сколь незабываема, особая универсальная роль русского народа и русской литературы, русского языка и русской культуры в стимулировании, осуществлении и победоносном завершении освободительного движения и интернационального сплочения всех участвующих в этом движении народов и народностей. Вспомним в связи с этим хотя бы слова Ильи Чавчавадзе: «Русская литература сыграла руководящую роль на пути нашего прогресса и оказала огромное влияние на все, что составляет наши духовные силы, она наложила свой отпечаток на ум, на наши мысли, на наши чувства и вообще определила само наше направление и движение».

Как видим, патриотизм и интернационализм завещаны нам нашими великими предками, заветы патриотизма и интернационализма начертаны на наших знаменах.

Но не забудем, что подлинное и масштабное взаимовлияние и сближение культур стало возможным лишь на новом — советском, социалистическом этапе развития наших народов.

Закономерно, что у истоков и во главе литературного потока, воспевшего и воплотившего в себе коммунистический интернационализм, были зачинатели новой революционной социалистической литературы.

Александр Блок говорил: «Ненавидеть интернационализм — не знать и не чувствовать силы национальной». Да, именно так и произошло: истинно национальными оказались писатели, подобно Блоку, услышавшие «музыку революции» и гармонию «Интернационала».

Согласно гениально простой ленинской формулировке — «интернациональная культура не безнациональна».

Новое общество, его культура, литература и искусство развивались по законам диалектики. И вот настала пора и назрела неодолимая потребность — как бы в ответ на тепло и жар литературы русской — послать и ей, а через нее и многим другим народам, лучи своих собственных национальных культурных и духовных сокровищ. Таково было веление времени.

Инициатором и организатором воплощения в жизнь этого веления времени и на этот раз оказался Максим Горький. Мы как раз на рубеже 1973 и 1974 годов могли бы отметить сорокалетие приезда в Грузию знаменитой горьковской бригады выдающихся русских писателей. Бригаду эту возглавлял наш земляк Петр Павленко, с детства хорошо знавший Грузию, а входили в нее уже испытанные друзья грузинского народа и ценители ее культуры — Николаи Тихонов, Юрий Тынянов, Ольга Форш, Виктор Гольцев и др. Переводы из грузинской поэзии, сделанные в результате этой поездки, открыли новый этап в истории духовного, культурного, поэтического сближения и взаимообогащения русского и грузинского народов. А через два-три года ряды поэтических друзей Грузии пополнились еще такими блистательными мастерами русской и украинской поэзии, как Николай Заболоцкий, Павел Антокольский, Микола Бажан и др. Их совместный поэтический подвиг привел к невиданному феномену взаимного поэтического обогащения народов. И грузинский народ свято чтит имена пионеров этого движения. Недаром двое из них — Николай Семенович Тихонов и Микола Платонович Бажан являются лауреатами нашей республиканской премии Шота Руставели.

Мы упомянули только русских и украинских друзей, а горизонты нашей дружбы необозримо и охватывают все республики нашей страны. И если Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов шлют нам братский привет через Кавказский хребет, то сколько имен нужно назвать, чтобы охватить семью наших братьев в Арме-

нии и Азербайджане? А Белоруссия и Казахстан? А республики Средней Азии и Прибалтики? А наши молдавские друзья или друзья из автономных республик? Этот процесс несет в себе высокий художественный заряд, способствует взаимобогащению в области воплощения образа коммуниста в литературе и искусстве.

Придавая большое государственное значение дальнейшему развитию и укреплению дружбы братских литератур, мы создали при Союзе писателей Грузии Главную редакционную коллегию по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей.

Недавно в Москве прошли торжества, посвященные великому грузинскому поэту Галактиону Табидзе. Это был не поэтический вечер, а живой интернационализм в действии.

В этот памятный вечер мы все чувствовали поэтический жар русского сердца, бессмертного сердца русских поэтов. Так и струилась теплота из их сердец, наполняя наши души огнем дружбы и братства. В тот вечер мы почувствовали жар сердец всех братских народов Страны Советов, так тепло принявших и обласкавших нашего родного и дорогого Галактиона, в чьем творчестве так всемерно и рельефно, так самобытно и оригинально прозвучала великая песнь революции, великая песнь песней коммунизма.

Товарищи! В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду партии Л. И. Брежнев выдвинул и подчеркнул важнейшее положение о том, что «за годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ. В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, героические отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества».

Мы часто говорим, что наша республика — республика многонациональная. Здесь бок о бок живут и трудятся представители более 70 национальностей. И естественно, что интернациональное воспитание рассматривается нами как одно из главных направлений в идеологической работе.

В своей практической деятельности мы исходим из того, что национальное самосознание не может питать одна лишь гордость за культурное наследие прошлого, каким бы славным оно ни было, ибо в таком случае мы воспитываем в себе ничлиность «квасных патриотов». История ведет себя благородно, поднимая иногда на пьедестал даже то, что было обыденным для современников. Но ведь долг современников — трезво оценивая это наследие, не упиваясь реликвиями, думать о том, как наши сегодняшние дела будут выглядеть завтра, перед судом потомков. Патриотизм в «шорах», не оглядывающийся вокруг себя, бесстыден. Рожденное социалистическим строем патриотическое и интернациональное самосознание стало не теорией, а действительностью, и завоевания эти надо отстаивать всеми средствами. Национальная ограниченность многолика в своих проявлениях. Она часто, например, скрывает свое лицо и под «невинной» маской провинциализма. Дескать, провинциализм — не такой уж большой грех. Позиция эта вредна. Одним словом, бациллы национализма, да и шовинизма, очень живучи, так как они способны приспосабливаться к обстановке. Причем болезни «шовинизма» могут быть подвержены представители и больших и малых народов, что выражается в отношении к своему так называемому национальному меньшинству. Только интернационализм обеспечивает полный расцвет каждой отдельной нации. Наглядные примеры этого являет сегодняшний день нашей многонациональной Родины.

Надо со всей откровенностью подчеркнуть и то, что в диалектическом процессе расцвета и сближения наших братских культур мы продвинулись бы еще дальше, если бы всегда правильно понимали эту диалектику, если бы у нас не было порой ошибочных толкований отдельных аспектов проблемы соотношения национального и интернационального в развитии культуры, и в первую очередь культуры художественной.

Не секрет, что известные формулы о расцвете и сближении наций и национальных культур и о национальной форме и интернациональном, социалистическом содержании искусства, несмотря на их, казалось бы, очевидность, нередко становятся предметом схоластических споров и разного рода кривотолков.

В свете ленинской диалектической теории развития культуры совершенно ясна абсолютная точность формулы расцвета и сближения наций и национальных культур — расцвета на основе их сближения и взаимообогащения и сближения и взаимообогащения на основе их расцвета. Культура любого народа может расцветать, лишь отбрасывая устаревшие элементы, развивая и приумножая все прогрессивное в своей культуре, а это прогрессивное не может не быть одновременно и национальным, и общечеловеческим.

Движение национальных культур наших народов к единой коммунистической культуре означает не их взаимное абстрактное уподобление, не нивелировку их своеобразия, как это пытаются представить наши идеологические враги, а именно их расцвет, взаимообогащение и сближение.

Аналогично обстоит дело и с формулой о национальной форме искусства и интернациональном содержании. Нельзя абстрактно противопоставлять ни национальное интернациональному, ни форму и содержание. Если подходить к этой формуле механически, если считать форму чем-то отдельным от содержания, то она, эта формула, конечно, покажется неправильной.

Разве можно найти такой элемент культуры, форма которого была бы только национальной, а содержание только интернациональным? Разве в национальном языке художественной литературы, например, как в ее форме, нет ничего интернационального? Или разве можно найти хоть один элемент содержания художественного произведения, который был бы только интернациональным? Если же мы вспомним марксистско-ленинское учение о диалектике формы и содержания, об их взаимном переходе друг в друга, о том, что каждая форма держательна и каждое содержание оформлено, существует и выражается только в форме и благодаря форме, то смысл этой формулы станет совершенно понятным и правильным.

Товарищи! ЦК КП Грузии хотел бы на данном форуме услышать большой партийный и литературный разговор о проблеме: «Художественный образ коммуниста и классовость в грузинской советской литературе и искусстве».

Надо прямо сказать, эта проблема достаточно глубоко не разрабатывалась ни научными центрами республики, ни нашими критиками-литературоведами и искусствоведами. Редко появляются статьи, эссе, этюды, исследования на указанную тему. А между тем вряд ли существует более актуальная и почетная тема для исследования, для критического анализа.

То же самое можно сказать о таких проблемах, как художественный образ коммуниста и партийность грузинской литературы и искусства, художественный образ коммуниста и народность грузинской литературы и искусства.

Партийность, классовость, народность — краеугольные камни метода социалистического реализма. Только в их диалектическом единстве, в их триединстве — залог успеха любого произведения литературы и искусства. Народность находит свое высшее проявление в классовости и партийности.

Ленин в своем знаменитом труде «Материализм и эмпириокритицизм» говорил, что современная философия так же партийна, как и 2000 лет назад. То же самое можно сказать о литературе и искусстве. Они так же партийны сегодня, как и 2000 лет назад.

Следует сказать, что партийность партийности рознь. Литература и искусство социалистического реализма — литература и искусство коммунистической партийности, коммунистической — пролетарской классовости, коммунистической народности.

Ленин учит, что в битвах идей — в классовых битвах, в партийных битвах середины не бывает. Тот, кто не стоит на коммунистических позициях — партийности, классовости и народности, тот, безусловно, льет воду на мельницу буржуазной идеологии.

Нет внеклассового, надклассового или дендеологизированного искусства. Это абсурд.

Надо быть коммунистом до мозга костей, чтобы понять все значение метода социалистического реализма. Человек, далекий от марксистско-ленинского мировоззрения, никогда не сможет сказать, что метод социалистического реализма является его творческим методом. Это будет неискренне.

Часто бывает так, что позиция некоторых беспартийных писателей бывает, с точки зрения партийности, классовости и народности, более приемлемой, нежели позиция некоторых членов КПСС — деятелей литературы и искусства. Чем это объяснить? Дело не только в партийном билете, а в мировоззрении, мироощущении, в общественной позиции писателя и художника.

В любой жизненной ситуации нам светят путеводной звездой бессмертные образы основоположников марксизма-ленинизма.

Когда мы говорим о правдивом образе коммуниста в художественных произведениях, перед нами встают героические образы первых коммунистов земли, образы гениальных вождей — Маркса, Энгельса, Ленина.

Образ вождя, воссозданный Горьким, эпохальная поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин» — настольные книги каждого партийного работника.

Незабываемый образ Маркса воссоздал поэт-академик Георгий Леонидзе. Можно привести много подобных примеров.

Грузинская советская литература и искусство дали классические примеры воплощения образа коммуниста в литературе и искусстве. Я имею в виду прежде всего романы Константина Лордкипанидзе «Заря Колхиды», Константинэ Гамсахурдия «Похищение луны» и «Цветение лозы». Есть и другие произведения. Однако этого мало. Нужны новые произведения. Нужны образы коммунистов 70-х годов.

Грузия — многонациональная республика, и естественно, что здесь рядом с грузинскими деятелями литературы и искусства над воплощением образа коммуниста трудятся писатели Абхазии, Аджарии, Юго-Осетии, русские, армянские, азербайджанские, курдские писатели, проживающие в республике.

Тем не менее еще непочатый край работы в области воплощения образа коммуниста в художественных произведениях.

Создание образа коммуниста в литературе и искусстве почти всегда связано с проблемами борьбы нового со старым. Важно, чтобы наши литераторы правильно интерпретировали в художественных образах диалектику этой борьбы. История нашей литературы и искусства знает периоды, когда рекомендовалось приглушить эту борьбу в произведениях, отображающих социалистическую действительность. Все это привело к тому, что наша действительность отображалась в кривом зеркале. Все эти формы извращения принципов социалистического реализма в недалеком прошлом в республике проявляли некоторые тенденции к возрождению.

Многие литераторы не проявляют желания изучать диалектику конфликтов и природу противоречий при социализме, предпочитают идти интуитивным путем. И все это оборачивается против них в их же произведениях безыдейностью, низкой художественностью, нарушением художественной правды.

Воплощение образа коммуниста в литературе и искусстве диалектически связано с проблемой положительного героя художественного произведения.

Мы много говорим о положительном герое. Ясно, что высшим проявлением положительного героя в нашем обществе является коммунист.

Часто спрашивают, можно ли наделять отрицательными чертами и в какой дозе художественный образ коммуниста? Можно ли критиковать коммунистов-руководителей в произведениях литературы и искусства, а если можно, то руководителей каких рангов и т. д.?

Следует разрядить такую обстановку, когда могут возникать подобные сомнения, необходимо очистить нашу жизнь от подобных наслоений недавнего прошлого и убедительно показать деятелям литературы и искусства, что метод социалистического реализма предоставляет художнику полную возможность критики отрицательных явлений с классовых партийных позиций.

Мы считаем, что право критики нельзя рассматривать в отрыве от понятия ответственности художника перед народом и партией. Тот, кто не разобрался в диалектике свободы и ответственности, диалектике демократии и дисциплины, тот вряд ли может разобраться в вопросе «что подлежит критике?».

Говоря о критическом пафосе социалистического реализма, следует иметь в виду не всякую критику и критиканство, не нигилизм, не поголовное отрицание всего и вся, вовсе нет! Нигилизм следует отличать от диалектического отрицания, т. е. от действия закона отрицания отрицания. Диалектическое отрицание ничего общего не имеет с нигилизмом. При диалектическом отрицании отрицается только реакционное, отжившее свой век, но, безусловно, берется при этом рациональное зерно. Мы — за такое отрицание.

Глубоко ошибается тот, кто думает, что сегодня можно надеяться только на талант, на интуицию. Разрешите спросить у таких литераторов: как вы можете отображать явления жизни, если вы не разбираетесь в законах развития жизни общества? Никакой талант не может заменить знания этих законов. В лучшем случае вы будете «открывать» то, что давно уже открыто. Чтобы сказать новое слово, надо знать, что было сказано до вас.

Чем лучше будут наши художники владеть основами марксизма-ленинизма, тем смелее они будут вторгаться в жизнь и не будут бояться после публикации своих критических произведений: а как это поймут?

Уверяю вас, критика с позиций марксизма-ленинизма — всегда приемлемая критика. Партия не допускала и не может впредь допустить лишь огульную критику нашей жизни и нашего государства с немарксистских позиций. Это не критика, а идеологическая диверсия. Критику от диверсии следует отличать.

Последние годы жизни республики нам воочию показали, что в известных условиях при ослаблении идейно-политической и организаторской работы партии могут морально и политически деградировать отдельные члены КПСС, в

том числе и секретари райкомов и горкомов, ученые, даже члены-корреспонденты Академии наук.

Спрашивают, можно ли эти и подобные им факты отображать в литературе и искусстве? Являются ли они типичными? Типизация, мол, всегда связана с обобщениями.

Я думаю, эти факты вполне можно отображать в литературе и искусстве социалистического реализма, однако не следует изменять правде жизни, следует показать объективную картину происходящих в то время в республике процессов. Если какому-то художнику захочется нарисовать жизнь республики того периода как сплошное торжество взяточников, вымогателей и комбинаторов, то это будет искажением действительности, ведь были же силы, честные люди (а их было подавляющее большинство), которые боролись с этим злом.

Каждому здравомыслящему коммунисту и в тот период было ясно, что злоупотребления и нарушения в социалистическом обществе никогда не могут одержать верх. Поэтому, если тот период будет изображаться на фоне борьбы нового со старым, борьбы добра со злом в духе диалектики развития нашего общества, с партийных позиций, никакая критика действительности, какие бы тяжелые на первый взгляд картины ни рисовал художник, не может породить негативного отношения к автору произведения, ибо критика с классовых позиций нашей действительности — это наш девиз. Подобная критика вполне отвечает ленинским принципам нашей жизни.

Говоря о художественном образе коммуниста, о типизации, о положительном герое, мы должны учитывать, что коммунисты 70-х годов XX века не так рельефно выделяются из общей массы, как это имело место в эпоху гражданской войны, в годы индустриализации и коллективизации. В эпоху, когда на историческую арену выходили коммунисты, герои типа Чапаева и Корчагина. В ту эпоху обостренных классовых битв ярко, рельефно и просто вырисовывался образ коммуниста и его черты легко было различать, как говорится, даже невооруженным глазом. Иное дело наши дни, когда нет баррикад, классовых битв, фронтов гражданской войны. Черты коммуниста, характерные для 70-х годов, не лежат на поверхности. Требуется более глубокий анализ, более глубокое исследование характера, психики коммуниста семидесятых годов XX века, который свое подлинное лицо героя, свой характер показывает в трудных битвах, развернутых по широкому фронту строительства коммунизма.

Тот факт, что коммунисты сделали себе подобными миллионные массы трудящихся, подняли их до своего уровня, не превратил самих коммунистов в менее интересных личностей, и хотя они ныне внешне не так колоритно выделяются, как это было в 20-х, 30-х, 40-х годах, тем не менее современный коммунист, как человек, стал более сложным явлением, и для его художественного воплощения в произведениях литературы и искусства требуется более глубокий подход к изучению человека, представляющего интерес для литературы и искусства, более богатая палитра, более сочные краски и мазки, более современный стиль воплощения его образа. Так что задача усложняется, и дело чести наших литераторов — во что бы то ни стало решить эту задачу, а не отклоняться от таких магистральных, генеральных тем творчества, как жизнь и дела коммуниста, нашего современника.

Я абсолютно убежден, что проблема типизации в произведениях литературы и искусства, проблема советского характера в литературе и искусстве — проблема не только литературная, но и философская, проблема весьма широкого масштаба.

Не так-то просто определить, какие типичные черты сегодня у коммуниста, что именно типично сегодня в нашей жизни.

Типичное — не всегда значит самое распространенное.

Приведу один характерный пример. Людей, подобных Рахметову, не было даже десятка во всей России. Однако не было более типичных людей для России эпохи Чернышевского, чем Рахметовы.

Да, типическим может быть и то, что только что зарождается. В нашей эпохе — это ростки коммунизма.

Типичным может быть самое распространенное: советский образ жизни, советский характер и т. д.

В литературе и искусстве типичными могут быть и отживающие свой век явления и люди.

Это антиподы нашего общества — бюрократы, взяточники, вымогатели, хулиганы, нарушители общественного порядка и т. д.

Но, как говорил Энгельс, типических героев надо изображать в типических обстоятельствах, и роль морального героя никогда не должны занимать в литературе и искусстве аморальные персонажи, как это имело место порой и в

жизни, и в некоторых произведениях литературы в недавнем прошлом нашей республики.

Интересно проследить за изменениями в общественной психологии и психике людей. Не так давно во многих городах и селах республики были люди, которые хвастались богатством, жемчугами, бриллиантами, дачами и машинками, сребролюбие и фетиш вещей и драгоценностей чуть не превратились в идеал жизни у определенной части населения. Как сказал Дидро, все хотели быть богатыми или казаться богатыми. Таковы были идеалы некоторых людей. Теперь положение изменилось. Теперь те же лица хотят быть скромными людьми, живущими на трудовые доходы, или казаться такими. В этом нетрудно убедиться.

Это внешнее проявление внутренней ломки психологии людей.

Иные нынче времена! — вздыхают те, кому негде стало демонстрировать свои богатые туалеты и украшения, добытые ворованными деньгами. Наконец-то пришел настоящий день! — говорят те, которые мечтали о торжестве жизненных идеалов нашего современника.

Подобные изменения в жизни общества сами просятся в произведения литературы и искусства. И надеемся, что наши литераторы не останутся в долгу перед народом, перед временем.

Одно из главных требований метода социалистического реализма — изображение действительности в ее революционном развитии. Писатель обязан видеть сегодняшний день с позиции будущего, с позиции завтрашнего дня, т. е. писатель должен познавать закономерности развития общества и личности человека, владеть законами диалектики мышления и действия.

Когда мы говорим о том, что писатель должен смотреть на сегодняшний день с высот завтрашнего дня, мы имеем в виду вовсе не научно-художественную фантастику, а реальную картину сегодняшнего и завтрашнего дня. Отображая сегодняшнюю реальную жизнь, художник должен уметь видеть в ней главное и второстепенное, борьбу нового со старым, т. е. выделять те тенденции и те характеры, которые имеют будущность, определяют лицо современника, делают наших современников подлинными героями нашего времени.

Когда у писателя есть ясное научное видение действительности и он обладает диалектической логикой анализа и обобщения, он никогда не будет типизировать нетипичных героев. Именно отсутствие точного ориентира, марксистско-ленинского ориентира развития общества породило в республике в недавнем прошлом явное негативную тенденцию — засилие в литературе и искусстве, в романах, повестях, пьесах случайных людей, двойников героев западной буржуазной литературы, искусства модернизма, одетых в грузинский костюм или просто говорящих по-грузински, однако людей, далеко не здешних, людей без коммунистического характера и воли, каких-то меланхолических типов, носителей не нашей идеологии и не нашей морали.

Одна из главных проблем нашего форума — проблема воплощения образа коммуниста в произведениях, отличающихся высокой идейностью и высокой художественностью. Следует отметить, что наблюдаются две негативные тенденции: некоторые горе-художники и горе-теоретики склонны считать, что не могут быть высокохудожественными так называемые «идейные» произведения, т. е. произведения, где отображаются герои нашего времени — коммунисты, рабочие, колхозники, советская интеллигенция. Такие произведения, по их мнению, являются какой-то данью, «оброком», «выкупом», «кальмом» перед политикой. И полагают, что, написав одно-два таких произведения на так называемые «политические» или «актуальные» темы, они тем самым вольны изображать что угодно и как угодно.

Это не что иное, как литературное кокетничанье с политикой, что ничего общего не имело и не может иметь ни с серьезной политикой, ни с серьезной литературой. Это лицемерие! Да, это литературное и политическое лицемерие! Против такого лицемерия должна восставать наша коммунистическая совесть.

Искренность художника — важнейший фактор успеха художественного произведения. Лицемерие порождает только фальшь, а все это ведет к деградации литературы и искусства. Мы не можем мириться с рецидивами лицемерия, фальши и обывательщины.

Лучшие произведения литературы и искусства социалистического реализма невозможно создавать без искренности. Искренность — второй талант художника.

Вторая негативная позиция заключается в том, что есть категория литераторов, которая полагает, что высокохудожественные произведения могут быть созданы лишь в том случае, если художник пишет не на политические, актуальные, а на так называемые «вечные» темы или на темы, далекие от политики.

Абсурдно утверждать, что можно создавать безыдейные высокохудожественные произведения или высокоидейные, но низкохудожественные произведения.

Разрывать идейность и художественность в литературе и искусстве невозможно, ибо в литературе и искусстве идея реализуется через художественные образы, а художественные образы без идеи мертвы. То есть речь идет о том, что без идейного и художественного единства вообще нет произведения литературы и искусства. А то, что порой называют «высокоидейным», но малохудожественным произведением, это лишь плакат, схема или голая риторика, что не имеет ничего общего с произведением литературы и искусства. А то, что называют порой «безыдейным», но зато высокохудожественным произведением, не что иное, как голое эстетство, лигатурищина, безвкусица, создаваемая бойким пером, с позволения сказать, писателя, «не одну собаку съевшего» в создании подражательных, дилетантских, халтурных произведений. Халтура, претендующая либо только на идейность, либо только на художественность, — обыкновенная серая халтура.

Мы надеемся, что на данном форуме станет предметом суждения такая тема, как «Образ коммуниста и проблема единства формы и содержания в произведениях литературы и искусства». Гарантией правильного решения этой проблемы может быть только овладение нашими литераторами марксистско-ленинским учением о единстве формы и содержания в художественном произведении.

Единство формы и содержания — краеугольный камень учения о литературе и искусстве не только социалистического реализма, но и всего реалистического искусства вообще. Нельзя отрывать идейность от художественности. Это абсурд.

Прошло два года с тех пор, как ЦК КПСС принял решение о литературно-художественной критике. Некоторые сдвиги в улучшении постановки критики в республике налицо, уже второй год издается альманах «Критика». Однако уровень литературно-художественной критики, идейно-политическая закалка и профессиональное мастерство критиков все еще не отвечают требованиям партии.

Тот факт, что образы коммунистов редко появляются в романах, в повестях, в поэмах, в стихах, на холсте, на сцене, на экране, говорит о том, что литературно-художественная критика порой сдает позиции, не направляет литературный творческий процесс в нужное русло, не влияет на творческий процесс с высоких коммунистических, партийных, классовых, народных позиций.

Задача нашей партии, наших научных центров — дальше развивать марксистско-ленинское учение о литературе и искусстве.

Ленин говорил, что Маркс, в отличие от Гегеля, не оставил систематического изложения логики. Однако он оставил нам логику «Капитала». То же самое можно сказать о марксовской эстетике. Маркс и Энгельс, в отличие от Гегеля, не оставили нам систематического изложения «Эстетики». Однако они оставили нам эстетику «Капитала», эстетику всех своих великих произведений.

По свидетельству Луначарского, Ленин говорил: «Какая увлекательная область история искусства. Сколько здесь работы для марксиста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством» (см. сборник «Ленин о литературе и искусстве», изд. «Искусство», М., 1967, стр. 524).

Тем не менее в трудах Маркса—Энгельса—Ленина имеется исчерпывающее изложение основ марксистско-ленинской эстетики, которая находит дальнейшее творческое развитие в решениях КПСС по вопросам эстетики, литературы и искусства, в научных трудах классиков марксизма-ленинизма, многих деятелей КПСС и Советского государства, в живом творческом процессе наших ученых и мастеров литературы и искусства.

Однако современный уровень развития марксистско-ленинской эстетики как науки, литературоведческих и искусствоведческих наук не может удовлетворить сегодняшних требований партии.

Наши литературоведы и искусствоведы, социологи, психологи, занимающиеся проблемами литературы и искусства, вносят недостаточный вклад в дело научного изучения проблемы создания полнокровных, полноценных, живых образов коммунистов в произведениях литературы и искусства, плохо изучают и обобщают достигнутые в этой сфере успехи и мало делают для настроя армии искусств на создание образа коммуниста.

Научные центры как Академии наук, так и ведомственные научные центры, занимающиеся проблемами литературы и искусства, больше внимания должны уделять проблемам воссоздания образа коммуниста в литературе и искусстве.

Следует отметить, что в республике, чего греха таить, да и в Союзе плохо развивается социология литературы и искусства. Между тем изучение практики воплощения образа коммуниста в произведениях литературы и искусства, с точки зрения социологии искусства, открыло бы широкие горизонты дальнейшего развития литературы и искусства социалистического реализма. В этом деле

свое веское слово должны сказать Академии наук, другие научные центры республики, призванные заниматься этими проблемами.

Руководство литературой и искусством представляет большой интерес как проблема, как объект науки партийного строительства. Однако интенсивная научная работа в данном направлении также не ведется. То же самое можно сказать о науке управления. Между тем в эпоху развитого, зрелого социализма возрастание руководящей роли партии является объективной закономерностью. Для того чтобы эффективнее проявлялась эта закономерность в нашей действительности, необходимо развивать и совершенствовать теорию и практику управления сферой культурного строительства, литературой и искусством в частности.

Наши литературоведческие, искусствоведческие, гуманитарные науки о человеке должны не только давать глубокую, полную, развернутую картину современного состояния литературы и искусства, но и заглядывать в будущее. Необходимо в современном литературном процессе острым взглядом художника, высоким интеллектом и интуицией ученого подмечать зримые черты будущего.

У нас в республике мало исследований по таким проблемам, как социалистический реализм в эпоху развитого, зрелого социализма, научно-техническая революция и возрастание роли литературы и искусства в обществе и т. д.

Любая легенда, самые фантастические произведения меркнут перед нашей действительностью. Недаром в одной из наших песен поется о том, что мы рождены, чтоб сказку сделать былью. И мы, советские люди, под руководством славной ленинской партии блестяще осуществляем эту историческую миссию.

Что может быть более почетным для советского художника, чем отдавать весь жар своей души, весь талант воплощению в своих произведениях образов этих людей, изменяющих облик земли, творцов новой жизни!

Товарищи!

Одним из серьезных завоеваний после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС является новая атмосфера, созданная в стране, атмосфера творчества и созидания, атмосфера доверия и уважения, атмосфера, исключая чувство страха перед завтрашним днем. Эта новая атмосфера является гарантией того, что ошибки прошлого никогда не повторятся.

Процесс все углубляющейся демократизации нашего общества открывает новые горизонты свободы творчества наших художников, новые горизонты нравственного и художественного совершенствования личности художника, качественного роста нашей литературы и искусства.

Для тех, кто не овладел творчески марксизмом-ленинизмом, всегда возникает проблема свободы творчества. Это дало о себе знать особенно в годы проявления элементов волонтаризма и субъективизма.

Наша свобода — олицетворение высшего философского концепта свободы. Все формы свободы, существовавшие в истории человечества до коммунистической свободы, были формами свободы господства меньшинства над большинством, имущих классов над неимущими. Причем свобода одних была построена на рабстве других. Только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла свободу народу, свободу творить и созидать во имя народа. В нашем общенародном государстве высшим проявлением народности является пролетарская классовость и коммунистическая партийность.

Буржуазной свободе грабить и убивать, эксплуатировать и унижать мы противопоставляем коммунистическую свободу жить, творить, трудиться и созидать для счастья и процветания всего народа, коммунистическую свободу служить интересам Общества и Человека.

У нас полная свобода жить и трудиться по-коммунистически, полная свобода дружбы и братства всех народов и наций, полная свобода пользоваться правами, предоставленными нам самой демократической в мировой истории Конституцией.

Великий Ленин и Октябрь принесли нам подлинную свободу. Нам нравится наша свобода, мы благодарим ЦК КПСС, его Политбюро и лично Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева за такую свободу, за новый климат и атмосферу в нашей партии и государстве, исключая страхи и сомнения перед завтрашним днем и вселяющие в наши сердца уверенность в собственных силах, глубочайший коммунистический оптимизм за наше будущее.

Кое-кому кажется, что им не хватает свободы. А в действительности им не хватает знаний революционной теории. Им кажутся несовместимыми понятия социалистический реализм и свобода творчества. Однако здесь ни практически, ни теоретически никакого несоответствия нет. В буржуазном понимании свобода творчества — это требование хаоса и анархии. Свобода творчества для коммунистов — это свобода творчества для людей, понимающих под сво-

бодрой «осознанную необходимость» (К. Маркс). Абстрактной свободы не бывает. Людям, находящимся на других идеологических позициях, никогда не понять ни философских, ни эстетических ценностей коммунистической свободы творчества.

Самое великое завоевание Великой Октябрьской социалистической революции — это советская демократия. И именно потому не удивительно, что нет такой буржуазной партии в мире, которая не нападала бы на советскую демократию, нет также такой ревизионистской и реформистской партии в мире, которая также не нападала бы на советскую демократию.

Она самим фактом своего существования устрашает наших врагов, и наши враги, зная, что вся сила и жизнедеятельность нашей системы зиждется именно на советской демократии, стараются оклеветать ее, нанести рану в самое сердце нашему государству.

Только политически близорукие люди не могут видеть исторического процесса дальнейшей демократизации нашего общества, диалектического развития и совершенствования его демократических институтов.

Демократия — это власть народа, и в нашей стране абсолютно и безраздельно властвует народ, Его Величество Народ и только Народ.

Социалистическое общество — динамичное общество, общество поступательно развивающееся по всем законам диалектики, и нет в мире такой силы, которая могла бы приостановить его необратимое поступательное движение к вершинам демократической жизни.

Однако социалистическая демократия отличается от всех форм демократии тем, что она ежечасно, ежедневно развивается согласно объективным законам общественного развития.

Рождаются новые формы и методы осуществления демократии. Творчество народных масс, используя ленинский арсенал демократизма нашего общества и диалектически применяя его, рождает новые формы и методы осуществления полного народовластия в нашем социалистическом государстве.

Мы, марксисты-ленинцы, понятие о демократии никогда не отождествляли и не отождествляем с всего лишь односторонним подходом к правам трудящихся.

Диалектика прав и обязанностей, диалектика свободы и дисциплины, диалектика свободы и организованности составляет ядро нашей советской демократии. Нет прав без обязанностей и нет обязанностей без прав. Личность не может быть ни в одном обществе, тем более в социалистическом обществе, носителем только лишь прав или только лишь обязанностей. Всякая организация строится на диалектическом единстве таких противоположностей, как права и обязанности, демократия и дисциплина. Эти противоположности — ядро любой организации. Тем более социализм и коммунизм, несущие в себе высшую организацию общества, немислимы без диалектического сочетания в каждом гражданине страны единства прав и обязанностей.

Наивысшее проявление демократии мы видим в пропорциональном усилении как прав, так и обязанностей каждого члена общества, рабочего, колхозника, интеллигента, директора, председателя колхоза, министра, секретаря райкома, горкома, обкома, ЦК, депутата, председателя горисполкома, райисполкома, облисполкома, председателя Совета Министров или Президиума Верховного Совета.

Дальнейшее развитие демократии и свобод мы видим в дальнейшем развитии внутрипартийной демократии, дальнейшем развитии самой партии и массовых организаций трудящихся — Советов, профсоюзов, комсомола и т. д.

Дальнейшее развитие демократии мы видим в усилении прав, функций, обязанностей и ответственности творческих союзов писателей, художников, композиторов, кинематографистов, журналистов, театральных деятелей, повышении роли и авторитета каждого писателя, поэта, драматурга, критика, композитора, живописца, скульптора, представителя сценического искусства, мастера советского экрана.

Одним словом, внутренняя и внешняя организация каждой личности, надевание ее политическими правами и конституционными свободами, высшая организация всех партийных, государственных, хозяйственных институтов сверху донизу — в этом и только в этом гарантия успеха.

Демократия — это не только право критики. Демократия — это инструмент совершенствования положения на всех участках нашей жизни, которые подлежат критике. Нельзя понимать демократию таким образом, что одна часть общества имеет право критиковать, а другая часть — только слушать эту критику и исправлять положение.

Мы идем по пути дальнейшей демократизации каждого трудового коллектива, каждого ведомства и министерства, каждого творческого союза, каждого Совета и партийной организации — в этом генеральное направление дальнейшей демократизации нашего общества.

Мы, коммунисты, доверяем народу, мы преданы народу, мы дорожим народом, мы любим народ.

Мы, коммунисты, — как указывал Ленин, — меньшинство в народе, и никогда не могли бы управлять им, если бы не пользовались уважением и доверием народа.

Мы, коммунисты, гордимся тем, что мы — не только партия рабочего класса, но и партия всего народа. Такой партией может быть только Коммунистическая партия. Мы гордимся ленинской партией, она — ум, честь и совесть нашей эпохи.

Никаких отступлений от наших святых целей и идеалов, никаких уступок чуждой идеологии — таков наш непоколебимый принцип, и сегодня мы стоим на нем и отстаиваем его не менее твердо и решительно, чем в годы революции и гражданской войны, в годы борьбы за создание Советского государства и утверждение советского образа жизни, в годы борьбы с фашистской нечестью.

Именно поэтому в материалах XXIV съезда нашей партии литература и искусство рассматриваются не только как средство культурного развития, но и как мощное оружие в идеологической борьбе.

Именно в этом смысле сегодня, как никогда, актуально звучит мудрое ленинское указание о том, что литература (искусство) является частью общепартийного дела, одной из его важнейших частей. Именно поэтому имеют для нас огромное политическое значение те идеи и положения, которые заключены в документах XXIV съезда КПСС, документах всемирно-исторического значения, определяющих путь развития современного искусства, его задачи, его цели.

«С продвижением нашего общества по пути коммунистического строительства возрастает роль литературы и искусства в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений, духовной культуры, — говорил Л. И. Брежнев в докладе на XXIV съезде КПСС, — естественно поэтому, что партия уделяла и уделяет большое внимание идейному содержанию нашей литературы и нашего искусства, той роли, которую они играют в обществе».

Партия, как отмечал один из великих писателей XX века, наделила всеми правами наших писателей, всех деятелей литературы и искусства, отняла только одно право — право плохо писать, и за это, прежде всего, партии должны быть признательны вы, деятели литературы и искусства Страны Советов.

И мы знаем, что вы признательны ей. И эта признательность находит выражение, прежде всего, в создании вами лучших произведений, шедевров литературы социалистического реализма.

Грузинская советская проза, поэзия, драматургия, критика, грузинский театр, кино, музыка, живопись, скульптура дали классические примеры воплощения образа коммуниста в художественных произведениях.

Перед нами открываются новые горизонты. Много надежд мы связываем с этой дискуссией.

Наша сегодняшняя дискуссия, наш большой партийный разговор о литературе и искусстве, в котором принимают участие, помимо политических работников, представители рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, нашей славной Советской Армии, целое созвездие талантов — деятелей литературы и искусства, мне представляется как большой роман-эпопея, созданный нами всеми в дружном соавторстве, и поэтому разрешите мне мое выступление считать всего лишь незначительным прологом этой эпопеи.

Могут спросить, что за роман-эпопея с прологом, без эпилога? Смею вас заверить, что через определенное время, когда мы подведем итоги в работе, которая будет развернута по претворению в жизнь идей этого форума, мы напишем эпилог, т. е. соберемся снова и скажем, что нового внесло данное совещание в жизнь деятелей литературы и искусства республики, какими новыми идеями, каким новым опытом обогатило оно нашу творческую практику, какие новые горизонты открыло оно перед нами.

Было бы неплохо ежегодно проводить в Тбилиси подобные дискуссии на тему — образ коммуниста в литературе и искусстве.

Можно эти традиционные в будущем встречи назвать «Тбилисскими апрельскими чтениями». Знаменательно, что они будут совпадать с днем рождения В. И. Ленина.

Мы — партийные работники, политики, и поэтому вы должны нас понять; мы требуем более тесной связи между литературой и политикой, без этого немыслимо художественное, духовное развитие нашего общества.

Мы призываем деятелей литературы и искусства повышать свою ответственность перед народом, перед партией, перед современностью и будущим, а повышение ответственности возможно лишь укреплением своих политических позиций в обществе на фундаментальной основе классовости, партийности, народности — этого ядра ленинского учения о литературе и искусстве.

Товарищи!

Эпоха зрелого, развитого социализма — эпоха научно-технической революции выдвигает перед нами новые проблемы дальнейшего расцвета литературы и искусства социалистического реализма.

Мы вступаем в новую полосу развития советской культуры.

Компартия Грузии ясно представляет те возросшие задачи, которые стоят перед ней в свете решений XXIV съезда КПСС, решения по Тбилисскому горкому партии, основополагающего решения об ускоренном развитии народного хозяйства Грузинской ССР. ЦК Компартии Грузии заверяет ЦК КПСС в том, что деятели литературы и искусства республики будут создавать произведения, достойные нашего народа и нашей эпохи — эпохи развернутого строительства коммунизма.

Нет сомнения в том, что четырежды орденоносная Советская Грузия, ее мастера художественного слова, кисти и резца, театра и кино сделают все для того, чтобы воссоздать образ коммуниста в высокоидейных, высокохудожественных произведениях, и, будучи верны великим традициям реалистического искусства, новаторски будут развивать и совершенствовать революционный метод социалистического реализма и тем самым сделают шаг вперед в художественном освоении действительности, шаг вперед в художественном развитии человечества.

Звезда счастья и побед нашей литературы и искусства все ярче горит с космических высот, освещает нам путь в нашем дерзновенном проникновении в поистине бескрайние космические дали человеческой души.

Больших успехов вам, дорогие товарищи, прославленные мастера литературы и искусства, в вашем многотрудном творческом дерзании во имя создания новой коммунистической культуры, новой коммунистической эпохи, во имя счастья и блага Человека, во имя народа, во имя коммунизма!

Имя Геворга Эмина, как и его стихи, хорошо знакомо русскому читателю благодаря переводам, выполненным с армянского языка такими замечательными поэтами, как Илья Сельвинский, Борис Слуцкий, Юрий Левитанский, Ирина Снегова и другие. Знают и любят поэзию Эмина и у нас, в Грузии. Она не нуждается в характеристике, находя кратчайший путь к сердцу любителей Седьмой Музы. Поэтому лучше всего не говорить о ней, а предоставить нашим читателям возможность в июньском номере, наряду со стихами поэтов других братских народов Советского Союза, познакомиться с новой поэтической подборкой видного представителя современной армянской поэзии.

Геворг ЭМИН

Мое кредо

Я люблю языки всех народов и стран,
Я людей полюбил, все, что в них
человечно,
Я простить не могу, что какой-то смутьян
Разделил навсегда языки и наречья.

Есть преданье — в далекие те времена
Люди все на одном языке говорили;
Чтоб построить Дом Счастья,
сошлись племена
Для великих свершений и дружных
усилий.

Но разгневался бог.
Он проклятьем грозил,
Страшной карой, суровости верен
всегдашней,
Создал он языки, племена разделил
И покончил навек с Вавилонскою башней.

Я люблю языки всех народов и стран,
Все, что в них человечно, и честно,
и смело.
Я холстом Рафаэля пленен, и туман
Застилает глаза мне при смерти Отелло.
По Шотландии с Бернсом брожу
я вдвоем,
С Уитменом в Нью-Йорк прихожу
на рассвете...
А как только фашисты ворвались
в мой дом,
На войну я пошел с малым томиком
Гете.

Полюбил все народы я с давней поры,
Их картины, их песен полет
вдохновенный,
И волнует мне душу напев Анкары,
Как старинная память турецкого плена...

Мне ли наш богатейший язык не любить!
Речь Месропа Маштоца¹ мне с детства
знакома.
Языки всех народов все ж хочу я учить,
Чтобы в каждой стране быть отныне
как дома.

По-английски пока говорю я с трудом.
Не от скуки с грамматикой занят беседой,
А затем, чтоб с Шекспиром, его же
стихом,
Я над Макбетом мог бы гордиться
победой.

Мне с Сервантесом речь по-испански
вести,
Вместе с ним встать за право
и честь человека,
И с Хикметом султанскую нечисть
смести,
Победив мракобесие каждого века...

Перевод с армянского Николая БРАУНА

¹ Месроп Маштоц — создатель армянского алфавита (IV век).

Двадцатый век

...Двадцатый век.
Я добывал огонь,
Я из пещеры лез на небоскребы.
Теперь огонь
Я прячу под ладонь
И, атомы разъяв,
Страшусь их злобы.

Двадцатый...
Свет неона.
Бред Нерона.
Тер-зоря¹, освенцимы,
Бухенвальды —
Весь ужас и позор,
Перед которыми
Бессильно гаснут
Свечи Торквемады.

Двадцатый век...
Плечо Брижитт
Бардо
Над койкою
больного раком.
И джаз,
И свистопляска
твиста
Рядом.

Двадцатый...
Нервогетрика,
Спазмы,
Желчь...
Двадцатый век...
Смертельны
Снег и дождь...

Двадцатый век.
Уставший от трудов,

С судьей в обнимку
Виски пьет палач.
И лжи парад,
И правда
Без суда
Распята на крестах.
радиомачт.

Двадцатый век.
Освобожденные наций,
Эпоха небывалых
революций.
Век скоростей.
Высот.
Полярных станций.
Простор Вселенной.
Узость резерваций...

Двадцатый век!
Мне очень дорога
Твоя борьба,
Размах
И жажда света.
Ты будешь веком
Счастья и добра,
Двадцатый век,
Я верю в это!

Перевод с армянского Давида САМОЙЛОВА

●
В наш трудный век, —
и старик и юнец, —
Со словами орудуйте вы не вслепую:
Один и тот же идет свинец
На типографский шрифт
и на пулю.

Буна сера², Инесса

Эту землю увидел я в радостный час
Не из праздного интереса.
Виноград и вино — и у нас и у вас...
Буна сера, Инесса.

И у нас и у вас сиянье одно,
Небеса огневого замеса.
Выльем горькое-сладкое наше вино.
Буна сера, Инесса.

Нет для Евы наряднее платья, — ей-ей, —
Нагота — золотая завеса.
Надкуси это яблоко да побыстрей.
Буна сера, Инесса.

Не спешу с признаньем: «Твоя краса...».
Не спеши сказать мне: «Повеса».
Слишком все глубоко, чтоб уйти
в словеса.

Буна сера, Инесса.

Эти алые губы — что вишня в вине,
Как гранат по кромке надреза.
Почему ты так поздно встретила меня?
Буна сера, Инесса.

¹ Тер-зор — место гибели многих тысяч армян в 1915 году.

² Буна сера (молдавск.) — добрый вечер.

Все хорошее поздно приходит, и ты
Опоздала — кончается пьеса.
Слышишь, поезд зовет меня из темноты?
Буна сера, Инесса.

Вновь открыта дорога осенним дням,
В ветре привкус сырого железа.
А удастся ли снова встретиться нам?
Ла ревидери¹, Инесса.

Перевод с армянского Льва ОЗЕРОВА.

Привет тебе, Радость, —
Если ты не мгновенна,
Если ты — не одна, не случайна,
не мнима!
Ведь цветок-одиночка — еще не весна.

На меня не вседневной пыткой
внесносной, —
Если как испытание ты мне дано!

Привет, Мечта, —
Если ты дерзновенна,
Если ты не проста, не легко исполнима,
И дорога твоя крута и трудна!

И Несчастью — привет, — если так уж
случилось,
Если с ним разминуться не удалось мне:
Пусть придет — но однажды,
Пусть будет одно...

Привет тебе, Бедствие, —
Если ты ополчилось

Перевод с армянского Льва ШЕРЕШЕВСКОГО.

Содеяв однажды некое злодеяние
И по этой причине стыдись показаться
миру,

Всю ночь бессонно мучается сова —
стонет сова,
плачет сова,
шепчет какие-то мне слова.
И вот я не сплю и думаю о том
всю ночь...

Пока не проступит в окне синева,
Пока не начнет понемногу светлеть,
И я засыпаю с третьими петухами...

Чем ей помочь?
Встать и узнать причину ее страданья?
Сказать слова состраданья и оправданья?
Рассеять ее сомненья, утешить в горе,
И миру о том стихами поведать вскорее?..
Но разве своих печалей мне не хватает?

Что же мне делать и чьей мне болью
болеть?
Чью мне вину искупить своими стихами..
Мне, поэту,
Из всех несчастных несчастнейшему
поэтому,

Стонет сова,
Умоляет сова,

Вместо всех покинутых женщин
покинутому,
Осужденному к каторге — вместо всех
осужденных.

Что ж из того, что я родился поэтом?
Я ведь и сам, увь, человек;
Да еще и смертный при этом!

Ах, лошади,
Как вы красивы, лошади,
Как естественны и человечны лица
Кобылицы или коня.
Во всяком случае,
Вы явно разумнее
Меня и этой красивой женщины,
Которая мучает
Себя и меня.

Ах, лошади,
Вот стоите вы в поле,
Друг против друга,
Под летним небом,
В котором совсем недавно
Прогрохотала гроза,
Как спокойно и кротко
Смотрят на мир
и в глаза друг другу

Ваши большие и влажные,
Умные ваши глаза!
Вы молчите,
Не ссоритесь,
Друг друга не упрекаете,
Не выясняете отношений.
И не даете волю
Ни тонкой иронии,
Ни грубым словам...
Ах, лошади,
Милые мои лошади,
Если б вы знали,
Как порой
Я завидую вам!

¹ Ла ревидери (молдавск.) — до встречи, до свидания.

041036940
303301101033

Монолог из поэмы „Лаура и Петрарка“

Словно вопроса тихий печальный знак,
Смотрит вселенная,
Сумрачна и понура...
Где ты?
Забыла?
Покинула?
Как же так?
Аве, Лаура!
В холод такой
Лишь одна любовь горяча,
И нет у земли надежнее караула
Сколько же еще может гореть свеча?
Аве, Лаура!

В средневековую черную эту тьму
И меч мой и крест —
Стрела Амура.
Если не ты —
Молиться тогда кому?

Аве, Лаура!

Кровь моя убыстряет безумный бег.
Занавес поднят, кончена увертюра.
Разве ж и любовь —
Предательство в этот век?

Аве, Лаура!

Что мне думать о смерти,
Если в доме
Есть хлеб и вино
И любить мне покуда
И работать покуда дано!

Та лоза винограда,
Что под осень хоронят у нас
И которая снова
Воскресает в положенный час.

Хлеб тот праведный самый,
Чье зерно умирает в земле,
Чтобы снова воскреснуть
Караваем на нашем столе.

Та любовь, что, как смертью,
Иногда потрясает наш дом,
Но зато уже смерти
Не подвластна бывает потом.

Та строка, что со смертью
Не смирится, извечно жива,
Да и смертному мигу
На бессмертье дарует права...

Что мне думать о смерти,
Если хлеб и вино на столе?
Что убить она может
Из того, чем я жил на земле!

Перевод с армянского Юрия ЛЕВИТАНСКОГО

Стихи в грядущем подадут вам весть
О том, что я когда-то жил на свете.
Быть может, в том бессмертие и есть?
Но это — половинное бессмертье!

Грядущие друзья с других планет,
Грядущие печаль, борьба, работа?

А мне о вас расскажет ли хоть кто-то,
Читатели моих грядущих лет,

Грядущая любовь в грядущем дне,
Грядущие неведомые люди,
Грядущий мир, где уж меня не будет, —
О, кто же, кто о вас расскажет мне?..

Что совершил я?
Видишь, брызги пены...
А мог бы людям
Подарить моря...

Что выиграл я?
Жалкий холм в тумане...
Масис моих деяний —
Где же он?

Что я оставил?
Искру во вселенной...
А мог бы — Солнце!
Может, прожил зря?

О, я осуществил бы все дерзания,
Когда б не повседневные терзания,
Искания, метания, задания,
К которым человек приговорен.

Перевод с армянского Елены НИКОЛАЕВСКОЙ

Владислав ШОШИН

Песня вольных сванов

Лунным кувшином безмолвие льется,
Облако — буйвола шкуры черней.
Сваны, неужто герой не найдется
Встать над отчаяньем наших камней?

Сваны, вставайте в рассветном тумане,
Сваны, вставайте в закатном огне!
Деспоту сердца Дадешкелиани
Мы воздадим по заслугам вполне!

Чтоб опьянеть, нам довольно и рога,
Если душа вдохновеньем полна,
Гордость нам взнуздывать хватит и бога,
Так подчинится ль тирану страна?

Вотчина деспота — мрачный Эцери
Ос кровожадных выводит в глуши,
Деспоту нужно воздать в полной мере —
Дело идет о спасенье души!

Шерсть подымается дыбом кабанья,
Падает замертво рыба на дно,
Если проклятый Дадешкелиани
Топчет наш край с сатаной заодно.

Видишь — насуплены белые горы,
Слышишь — дрожит нетерпенье клинка,
Пусть освежат нас родные просторы,
Холод кольчуги и звон родника!

Диким недаром мы вскормлены мясом,
Сердцем орлиный мы слышим полет,
Встанет Тетнульд, весь грозой опоясан,
Нашей дорогой наш враг не пройдет!

Ужас нагнется к его изголовью,
Пули в сто пальцев над ним засвистят,
Пусть проржавеет земля его кровью,
Хворостом кости его захрустят.

Молнией гнев из души нашей рвется,
Чтоб не ослепнуть, скрывайся от нас!

Только ослепнуть навеки придется
В нашей победы решительный час.

Ястребом гнев наш падет с поднебесья,
Ястреба тень твою солнце затмит,
Вздогнешь — но поздно, на что
ни надейся,
Камнем твой в пропасть обрушится мир.

Крови дорогу в забвенью укажет —
Черной реке — наш блестящий клинок,
Враг бездыханный у ног наших ляжет —
Черные маки зажгутся у ног.

Княжеской власти над сердцем не надо,
Вольному ль сердцу томиться в грязи?
Башни, что встали над нами из ада,
Рухнут — в могиле обломки грязи!

Мокнут вершины во мгле часовыми,
Путь каменист и шагать далеко,
Только идем мы — свободы во имя,
Значит, идти нам, как песне, легко.

Видим — возносит рогами олений
Радость народа зарю в небосвод,
Слышим — по башенным мертвым
ступеням
Мох, как забвение князю, ползет.

Листья осушат глаза нашим вдовам,
Слезы побегом взойдут молодым,
Вспомнит нас колокол в небе медовом —
Что из того, что уйдем мы как дым?

Кровь оживет наша в маке пурпурном,
К людям воротятся радости все —
Ясное солнце в зените лазурном,
Ласточки в выси, фиалка в росе.

Сваны, вставайте в рассветном тумане,
Сваны, вставайте в закатном огне!
Деспота сердца Дадешкелиани
В ад снаряжайте на черном коне!

Памяти Георгия Леонидзе

Годы разлуки — хребтами меж нами,
Слезы разлуки — как дождь проливной.
О, моя Грузия!
Лишь за хребтами
Все ты цветешь заповедной весной.

Солнце встает, как надежда во мраке,
Бодро ложится рюкзак на плечо,

И пламенеют высокие маки,
Что не сорвал я на спуске с Бечо.

Ушба слепит неземной белизною;
Счастья кукушка сулит на сто лет,
Бурный поток под корой ледяною
Бьется, кипит — и выходит на свет.

Он говорит мне твоими устами,
Но для меня ты — Нестан за стеной,
Годы разлуки — меж нами хребтами,
Слезы разлуки — как дождь проливной.

Как я сквозь ливень приду к тебе
ясным —
Нищим усталым на праздник князей,
Как буду ждать с нетерпением
напрасным
В путь безвозвратный ушедших друзей?

В путь одинокий — по каменным тропам,
Где проводник не поможет идти,

Цепьobeliskов спешит по окопам,
Словно надеясь догнать их в пути.

Где же их юность со стройностью
турьей,
Где ледоруб их, упавший в Куру?
Ищущий бурю — обнимется с бурей,
Смятый тоской — не собрат на пиру.

Годы разлуки — хребтами меж нами,
Слезы разлуки — как дождь проливной...
О, моя Грузия!
Лишь за хребтами
Все ты цветешь заповедной весной.

Реваз АСАЕВ

У мирного очага

Утро...
Я снова на площади Красной;
Вновь прохожу вдоль Кремлевской
стены.

Мерно куранты звучат и согласно
В тысячеверстных далях слышны.

И величаво, гостеприимно
Катит над миром волны свои

Светлая музыка нашего гимна,
Гимна народов Советской земли.

Звезды Кремля...
В их негаснущем жаре,
Преодолев рубежи и снега,
Греется ветер двух полушарий
Гостем у мирного очага...

Перевод с осетинского Юрия ГОРДИЕНКО

Вишня

Вишня вся усыпана цветами.
Ветерок качнул ее — и вот
Кажется: легко и гибко в танце
Девушка любимая плывет.

А когда в зеленых волнах света
Ветви тень рисуют на стене,

Кажется, руками милой это
Вышитое сюзане.

Уж давно луна из сада вышла.
Длится ожидание мое.
Но любимой нет. И только вишня
Предо мною в образе ее.

Перевод с осетинского Дмитрия КОВАЛЕВА

БОЛЬШАЯ и МАЛЕНЬКАЯ Ескаферины

●
Р о м а н
●

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утром Реваза разбудил шум реки.

У Сатевелы странный нрав — горные реки больше шумят в ночной тиши, а она, наоборот, с наступлением сумерек утихает. Укроется покрывалом из легкого тумана и заснет, а на рассвете, когда над Хемагальским хребтом встанет утренняя заря, она начнет швыряться волнами и, разогнав туман, сломя голову помчится вперед, оставляя позади пороги и водовороты.

В предутреннем тумане он медленно, неуверенными шагами прошелся по холодной от росы траве, чувствуя, как во всем теле появляется удивительная легкость, а ноги наливаются силой. Потом он вдруг пробежал от веранды до калитки, как делал это лет двадцать назад, и, остановившись, огляделся вокруг — не смотрит ли на него кто-нибудь.

Нигде не было видно ни души.

Он легко перепрыгнул через забор, закурил и стал по тропинке спускаться к Сатевеле.

Реваз помнил, что во времена его детства эта тропинка была куда шире. Сейчас по ней, кроме Александре Чапичадзе, Абесалома Кикнавелидзе да Гуласпира Чапичадзе, никто и не ходит.

А раньше, когда он был еще босоногим мальчишкой, вся деревня делилась на семь больших участков, каждый из которых принадлежал одной фамилии, и от них к Сатевеле вели семь дорог, по которым хемагальцы на арбах возили на мельницу зерно. Потом деревня стала постепенно пустеть, но те дороги, превратившись в тропинки, еще жили. Они шумели, пели и сплетничали. А потом незаметно исчезли и тропинки, они словно взлетели и растаяли в воздухе. Осталась только та, по которой иногда проходят Абесалом, Александре и Гуласпир, да и она так быстро зарастает травой, что вот-вот ее невозможно будет различить. Скроется из глаз и она.

Летом вода в Сатевеле холодна как лед, а на берегу прохладно. Реваз закатал штанины до колен и вошел в реку. Расстегнув рубашку, он наклонился и несколько раз плеснул себе в лицо водой. Так он в детстве умывался в Сатевеле. Двадцать лет тому назад, вот так же, задрвав штанины, он рано утром

поднимался по Сатевеле до мельницы Абесалома Кикнавелидзе, руками лова прятывающую в камнях рыбу, и почти всегда возвращался домой с целой связкой в руках.

А тут он еле выдержал в воде две минуты. Не попадая зуб на зуб, он выскочил на берег и стал на большом камне, чтобы погреться на солнышке.

На другом берегу Сатевелы, на склоне, покрытом ореховыми деревьями, тропинок уже тоже не видно, так все густо заросло деревьями и переплелось лианами. На самом верху, где раньше Чапичадзе сеяли кукурузу, теперь растет трава по колено. Видно, не дошла еще до нее очередь у хемагальской скотины.

Так и не согрившись, Реваз снова вошел в воду и, перейдя реку вброд, стал подниматься по тропинке, ведущей к кладбищу.

...Могилу матери он с трудом нашел по маленькому деревянному крсту.

«Здесь поконится Мелик —

Шарангиа-Чапичадзе».

Реваз очистил могилу от опавших листьев и травы, размял руками комья земли и обложил могилу камушками. Потом он притащил большой камень из разрушившейся церковной ограды и положил его в головах материнской могилы.

Кругом беспризорные, заросшие мхом могилы, и среди них, как попрошайка с протянутой рукой, стоит полуразрушенная церковь с проваленной крышей. Могилы всех Чапичадзе, Кикнавелидзе и Джиноридзе заброшены. От снега и дождя поржавели железные ограды, ветер повалил их, покорежил, разломал, а сами могилы покрылись толстым слоем прелых листьев, старой травы и мха.

Как это кладбище напоминает сегодняшнее Хемагали!

Наступил полдень. В это время дня даже около Сатевелы жарко, а на Хемагальском кладбище прохладно. Тень от огромных лип закрывает все кладбище. Иногда, словно чтобы нарушить тишину, они качнут своими ветвями, и стая воробьев с криком и гомоном бросится в сторону разрушенной церкви.

Так и не узнав в жизни радости, сошла в могилу мать Реваза Мелик.

Хотя нет, однажды ее сын порадовал.

Как-то летом он пригласил в Хемагали своих друзей, среди которых оказались четыре девушки. Мелик очень понравилась одна из них — Русудан. Она была стройная, с очень белым лицом и угольно-черными глазами. Из всех четырех только она не была пострижена под мальчишку. Говорила Русудан мало и робко и все время смущенно улыбалась. Когда девушки стали крутить патефон и демонстрировать модные танцы, Русудан ушла в кухню помогать Мелик. Не пошла она с ними и в поле за цветами, когда ребята отправились на рыбалку. Она посвятила Мелик в городские новости и даже умудрилась связать Александре небольшой кисет для табака.

— Мама, тебе очень нравится Русудан?

— Очень, очень нравится, сынок. Хорошая девушка.

— Ну, значит, решено. Она — моя невеста. Только отцу пока ничего не говори.

...Через год Русудан окончит Академию художеств, и они смогут пожениться.

Этот год Мелик проведет в заботах, готовясь к радостному событию в семье, а потом? Потом Реваз заберет родителей к себе в Тбилиси. Зимой они будут была стройная, с очень белым лицом и угольно-черными глазами. Из всех четверых них роковым. Назначенная на будущий год свадьба отложились почти на шесть лет, а Реваз уехал на фронт, не успев повидать родителей и попрощаться с ними. Случилось так, что Мелик не только сына, но даже письмаца от него не дождалась.

Все ночи напролет в доме Александре горели свечи. Мелик мучилась бессонницей, а словно одеревеневший Александре часами лежал навзничь на тахте. «Как далеко ты от нас уехал, мальчик мой. Под гору покатились камень нашей судьбы, в обратную сторону завертели колеса нашей мельницы...»

Длинными зимними ночами Мелик пряла и вязала носки, а днем ходила по соседям, надеясь случайно узнать что-нибудь о сыне, но ее горю никто не мог помочь.

Узнав, что солдатам приходится спать в мороз прямо под открытым небом, на снегу, Мелик украдкой от мужа стала ложиться на балконе.

Александре сердился:

«Что это на тебя нашло, мать! Наши мужчины всегда были воинами! В какие только переделки они не попадали, а возвращались домой победителями. Ну возьми себя в руки и не делай так, чтобы у твоего сына появились новые заботы. Куда это годится? Не гневи бога, подумай о нашем мальчике...»

И он силой заводил очоленвшую Мелик в дом.

Но никакие уговоры не действовали, и Мелик снова и снова проводила ночи напролет в молитвах с сыне, соблюдала все посты, да и вообще почти ничего не ела, и вконец истаяла женщина.

Умерла она странной смертью.

На дворе был май, а двадцатого мая Ревазу исполнялось двадцать пять лет. Александре не вспомнил о дне рождения сына, и Мелик была за это на него очень сердита.

Она испекла хачапури, зарезала петуха поупитанней и открыла специально для этого дня предназначенный чурч. На обед Мелик пригласила Гуласпира Чапичадзе и Абесалома Кикнавелидзе.

— Ну, что вы, мужики, притихли? — накинулась она на мужа и гостей. — Выпейте за здоровье моего парня, ведь сегодня его день рождения. Моему Резо сегодня двадцать пять исполнилось.

В ту ночь Мелик легла рано и предалась нахлынувшим на нее воспоминаниям. Она то истово молилась, надеяя своего сына самыми ласковыми именами, то начинала ругать его: «Что с тобой случилось, неужели ты не можешь выбрать минутку, чтобы написать матери хоть два слова. Твои товарищи шлют чуть ли не каждый день домой письма, а я от тебя и одного не могу дождаться... На войну ты ушел, не попрощавшись со мной, а теперь ничего не пишешь. Неужели тебе так некогда, сынок?».

Заснула она поздно, а заснув, услышала голос сына. Да, в свой день рождения Реваз звал мать... Он вроде бы зовет издали, а голос слышится совсем близко; это, услышав упреки матери, он поспешил к ней и уже дошел почти до самого Хемагали. Возвратившийся с войны смертельно уставший Реваз медленно, с трудом переставляя ноги, шел по склону. Дойдя до Сатевелы, он остановился и, глядя в сторону своего дома, стал звать мать.

И мать вскочила с постели и, как безумная, выбежала во двор.

Стояла тихая майская ночь, слышался только отдаленный шум реки. Долго стояла Мелик, всматриваясь в темноту, в тщетной надежде еще раз услышать голос сына.

Осторожно, боясь, как бы не разбудить Александре, Мелик вошла в дом, оделась и через заднюю дверь снова вышла во двор. Сглядевшись по сторонам, она заспешила к реке.

Спокойно несла свои воды Сатевела, ни на том, ни на другом берегу никого не было видно.

Еле волоча ноги и не переставая шептать молитвы, вернулась Мелик домой.

И после того каждую ночь, как только она засыпала, она видела один и тот же сон:

По крутизне к Сатевеле спускается Резо, уставший и изможденный... Попадая к самой воде, он в нерешительности останавливается и кричит:

«Я не могу перейти реку, мама, помоги!»

...В ту памятную июньскую ночь шел дождь.

До полуночи Мелик молчаливо сидела на веранде, глядя в темноте на Хемагальские горы. И только она на минуту прикрыла глаза, как увидела сына. Он показался ей еще более уставшим, чем всегда, за спиной у него была тяжелая котомка. Вот он спустился к реке и остановился. Нет, не остановился, а упал, как подкошенный, и слабым, едва слышным голосом позвал:

«Помоги мне, мама!»

И Мелик вскочила, громко топая ногами, сбегала по лестнице и, несмотря на сильный дождь, заторопилась к реке, ведь у Сатевелы ее ждал сын. Да, измученный Реваз был не в силах перейти даже небольшую речку и звал на помощь мать. И на зов сына, как на крыльях, летела Мелик.

Она бегом спустилась по склону, услышала шум Сатевелы и увидела сына. Он лежал по ту сторону реки на большом камне и ждал мать. И вот она пришла.

Вдруг Мелик поскользнулась и ударилась затылком о камень...

Утром ее нашел педший на мельницу Абесалом Кикнавелидзе. Мокрый камень, как подушка, лежал у Мелик под головой, она улыбалась и широко открытыми глазами смотрела куда-то на другой берег реки.

...Реваз сидит у могилы матери и смотрит вниз на Хемагали...

На мельнице Абесалома Кикнавелидзе Реваз решил передохнуть. Ее запахнутая настежь дверь скрипела при малейшем дуновении ветерка. Реваз вошел внутрь. Почему-то эта мельница напоминала ему разрушенную хемагальскую церковь: почти всю осоку, которой была крыта крыша, унес ветер, с северной стороны из стены повываливались доски, пол и все вокруг было усыпано опавшими листьями, тут и там виднелись кучи золы и птичий помет...

Услышав чье-то пение, Реваз вышел из мельницы и еще издали узнал Гуласпира, который с большой корзиной за плечами, тихо напевая, спускался по склону. Он возвращался из города и, видимо, был слегка под хмельком.

...И двадцать лет назад Гуласпир с такой же корзиной ходил в Хергу. Она была известна одна, скрытая от постороннего глаза, тропинка, по которой он с полной корзиной за спиной рано утром незаметно выбирался из деревни, а возвращался домой уже главной дорогой, всегда с покупками и навеселе.

Гуласпир вечно жаловался на боли то в ноге, то в сердце, то у него ломило суставы, но каждую пятницу и воскресенье он нагружал доверху корзину и направлялся в город на базар. Ранней весной он торговал ореховыми, яблоневыми и грушевыми саженцами, летом — яблоками и грушами, осенью — инжиром и орехами, иногда ему удавалось выпросить у Кесарии несколько кругов домашнего сыра. Гуласпир уверял всех, что это отец с детских лет приучал его торговать, а потом он уже не смог отвыкнуть.

Гуласпир тоже издаലെка узнал Реваса. Приблизившись, он сбросил на землю пустую корзину, тыльной стороной ладони вытер губы и расцеловался с соседом, которого очень давно не видел. Потом похлопал его по спине, тряхнул за плечи и внимательно оглядел с головы до ног.

— Ты немного изменился, Александрович!

Это «Александрович» неприятно резануло Реваса, и он сухо сказал:

— Постарел я, дядя Гуласпир!

— Нет, этого я не говорю! Тебе до старости еще далеко. Не то что ты, я еще не постарел.. Ты мне лучше скажи, ты надолго приехал?

— На недельку-то останусь.

— Как это ты решился, ведь для такого человека, как ты, провести неделю в деревне — настоящий подвиг, Александрович!

На этот раз Реваса не на шутку рассердило это «Александрович», и он недоброльно посмотрел на Гуласпира.

Тот отодвинул в сторону свою корзину и, сняв архалук, расстелил его на траве.

— Отдохни, дорогой, только садись на архалук, а то, Александрович, ты же знаешь хемагальскую траву!

Реваз поднял архалук и положил его на корзину, а сам сел прямо на траву, поджав ноги по-турецки.

— Ты что, не боишься, Александрович?

— Меня зовут Резо. Вы что, мое имя забыли, дядя Гуласпир?

Гуласпир сел рядом с Ревазом и достал из кармана брюк кисет.

— Да, тебя зовут Резо, а я называл тебя Резико. С тех пор, ого, сколько воды утекло! Сейчас другие времена! Много чего изменилось, да и ты тоже, я-то ведь вижу.

Реваз протянул Гуласпиру сигарету.

— Да, тебя зовут Резо. — Гуласпир закурил и пододвинулся к Ревазу. — Когда ты еще за подол матери держался, я тебя, как и отец, называл Резико. Потом ты шагнул за ворота своего дома и начал ходить в школу Екатерины. Тогда я подумал, что ты уже вырос и можешь обидеться, если тебя звать по-старому, и ты для меня стал Резо. После окончания школы ты поступил в Тбилиси в институт, и, когда летом приезжал в деревню, для меня ты уже был Ревазом. Потом ты окончил институт, стал работать, как говорила Екатерина, в хорошем месте и превратился в Реваса Александровича. Да, Реваса Александровича Чапчадзе... Так что не обижайся! Я сказал, как было на самом деле. Тебе приятно будет, если деревенский мальчишка станет называть профессора Резико? Конечно, нет!... Оказывается, этот тбилисский табак и вправду хорош. Ты все-таки хочешь, чтобы я звал тебя Резо, да? Ну, пусть будет по-твоему! И вот еще что, берегись этой травы, Резо, я вижу, ты забыл, какая она опасная.

Реваз вытянул ноги и уселся поудобнее.

— Моего отца в городе не видели?

— А как же, конечно, видел. У него там кое-какие дела, и он немного задержался, вернется попозже. Я собирался к тебе зайти, но мы вот встретились... Тбилисский табак что-то чересчур крепкий, — закашлявшись, сказал Гуласпир и далеко отбросил наполовину недокуренную сигарету.

— Это болгарский.

— Видно, болгары народ крепкий. Их табак, как наша махорка.

Гуласпир откашлялся, достал свой кисет, набил трубку и протянул кисет Ревазу.

— Ну-ка, теперь попробуй наш деревенский табак. Бумага внутри. Твой отец так радуется, словно его сын воскрес из мертвых, и блюда-то продал за бесценок.

— Продал блюда? — удивленно спросил Реваз.

— А что, он должен был их подарить? Да чтобы выточить одно блюдо, нужно не меньше десяти дней. А ты ведь знаешь, что блюда твоего отца блестят, как зеркало. Те три он делал целый месяц, а продал за гроши.

Реваз нахмурился, несколько раз подряд жадно затынул и раздавил бокорок ногой, Гуласпир понял, что Александре втайне от сына пошел на рынок торговать, и прикусил язык.

— Тетя Екатерина в деревне?

Было ясно, что Реваз специально перевел разговор на другое, но Гуласпир, вместо того чтобы обидеться, обрадовался и с готовностью переспросил:

— Большая Екатерина? Твоя учительница?

— Да. А какая еще Екатерина может быть?

Гуласпир своими серыми глазами хитро посмотрел на Реваза и ухмыльнулся.

— У самой большой Екатерины есть еще Екатерина. Ты ее не видел, Эку?

— Нет.

— И не слышал, что у тети Екатерины такая большая дочь?

— Нет, не слышал.

— Ничего себе, хорошенькое дело! Твоя дочка в седьмом классе, да?

— Да, она уже семиклассница.

— А Сандро в пятом, верно?

— Сандро в шестой перешел.

— Так вот, все это я знаю от Екатерины, — грустно, с обидой в голосе сказал Гуласпир, — Я твоих детей всего раз в жизни-то и видел. Тогда твоему сыну было два годика. А теперь он уже в шестом классе? Татиа, оказывается, в седьмом... Кажется, Екатерина была у вас в прошлом году?

— Да, летом. Она приехала к нам прямо с вокзала и сказала, что в тот же вечер должна возвращаться домой. Она приезжала всего на один день.

— На один день? Она так сказала? — удивился Гуласпир. — Да Екатерина пробыла в Тбилиси месяц. Ровно месяц. В прошлом году весной вдруг откуда ни возьмись налетел сильный ветер и сорвал со школы крышу, разнес дранку по штучке, а потом пошли дожди, и школу стало заливать. Екатерине пришлось распустить ребят на месяц раньше положенного срока. В районе она не смогла добиться помощи. Ей сказали, что ремонт школы на тот год не был запланирован. Что Екатерине оставалось делать? Она собралась и поехала в Тбилиси. Там ее тоже достаточно помучили, но она своего добилась. Вон, видишь, это новая крыша нашей школы. Видишь, да?

В лучах заходящего солнца ярким пятном выделялась крытая черепицей крыша хемагальской школы...

Екатерина провела в Тбилиси целый месяц и даже на одну ночь не осталась в доме Реваза? У него словно что-то оборвалось в душе, и краска бросилась ему в лицо.

— А она твоему отцу сказала, что, мол, Александрович ей очень помог, — подливал масла в огонь Гуласпир.

«А разве я не помог бы? Но Екатерина ни словом не обмолвилась о школе. Она была очень внимательна к детям, сказала, что ей понравился наш дом. Вместе с Русудан она обошла огород и сад и даже пообещала прислать саженцы и семена. А после обеда ушла, сказав, что приехала в город только на один день. И пробыла месяц? Екатерина обманула меня?»

«Нет, не тот разговор я завел с Ревазом. А мы ведь давно не виделись», — подумал Гуласпир и вроде бы нашел выход из положения.

— В этом году очень уж жарко. Твоя семья в Тбилиси?

Реваз ответил нехотя и таким тихим голосом, что Гуласпир ничего не понял.

— Да, нынче лето чересчур жаркое, проклятие какое-то! Если здесь все так выжгло, представляю, что творится в Тбилиси! — грустно сказал Гуласпир и, словно еще сильнее почувствовав, что очень жарко, расстегнул на рубашке пуговицы.

Реваз промолчал.

— Да, в Тбилиси летом очень душно! — как бы в подтверждение собственных слов сказал Гуласпир. — Будет душно, конечно, ведь земля совсем не дышит! Слыханное ли дело, чтобы кругом был один асфальт. Во дворах — асфальт, на площадях — асфальт, на крышах домов — тоже асфальт!

Гуласпир сделал движение ногой по траве:

— Если вот это не придет на помощь, только дерево ничего не сможет сделать... Ты свою семью не вывез на море?

— Они в Цихиджвари, — проговорил Реваз, и у Гуласпира отлегло от сердца: наконец-то заговорил!

— В Цихиджвари? Это далеко отсюда?

— Выше Бакуриани. Километрах в десяти.

— Что-то не слышал! Это что, новое дачное место?

— Деревня. Там летом очень прохладно. Мы туда ездим уже пять лет подряд.

— Ну, что ж, это вы хорошо придумали. — На губах Гуласпира появилась язвительная улыбка. Он выбил о колено потухшую трубку и набил ее снова.

Реваз почувствовал насмешку соседа и обиделся: ни к чему Гуласпиру лезть не в свое дело. Он хотел было ответить ему соответствующим образом, но, увидев ухмыляющееся лицо Гуласпира, не произнес ни слова.

— Лес наверняка будет в Цихиджвари, — с наивным видом сказал Гуласпир.

— Да, там густой лес.

— Хорошее, видно, место! Если около деревни есть лес, значит, деревня что надо! И поля тоже есть?

Это было уже слишком, и Реваз ничего не ответил, а Гуласпир поддакнул самому себе:

— Да, конечно, будут поля в Цихиджвари. Ну, какая же это деревня без полей!

...В Цихиджвари кругом зеленеет трава, есть и поле, и густой лес, и холодная вода в родниках, поэтому семья Чапичадзе последние годы каждое лето проводит там. А Гуласпиру бы только позубоскалить! Цихиджвари действительно хорошая деревня и от Тбилиси недалеко. Выехав из города утром, Чапичадзе к обеду уже бывают на месте. Они снимают квартиру у одной крестьянской семьи, в добротном двухэтажном доме. Хозяева живут на первом этаже, а семья Реваза — на втором. У хозяйки две дойные коровы, так что Татиа и Сандро все лето пьют парное молоко, которое не сравнить с тем, что продается на тбилисском рынке. Через неделю детей уже не узнать, так они поправляются, да и Русудан тоже. Сандро с Татией бегают по высокой, до колен, траве, и скоро их тела и лица покрываются золотистым загаром. Русудан, прячась от солнца, прикрывается зонтиком, но это не помогает, и она тоже загорает. В Цихиджвари сам воздух пропитан солнцем, и тот, кто приезжает туда отдыхать, свежее и здоровее прямо на глазах...

— Пошли, — вставая, сказал Гуласпир, взял архалук под мышку и поднял корзину. — А то Кесариа испугается, если я не приду засветло.

Они стали медленно спускаться.

«Гуласпир на что-то обиделся, а то не прервал бы разговор так внезапно. Про Кесарию он нарочно придумал. Сколько раз он возвращался домой за полночь, но жена его не пугалась».

По узкой тропинке Гуласпир идет впереди, Реваз за ним.

Солнце вот-вот скроется за горами Хемагали. Подул прохладный ветерок.

Они подошли к Сатевеле, и Гуласпир по выступавшим из воды камням стал перебираться на другой берег. Реваз разулся и, закатав штанины брюк, пошел прямо по воде.

«В твои годы я делал то же самое», — подумал Гуласпир и улыбнулся. Ревазу такой виноватой улыбкой, что тому стало жаль старика.

Они стали медленно подниматься в гору, то и дело останавливаясь, чтобы Гуласпир мог передохнуть.

Одолов подъем, они оказались на поляне, на том самом месте, где односельчане обычно собираются на посиделки. Возвращаясь из города домой, Гуласпир любит посидеть здесь немного, чтобы дать отдохнуть уставшим ногам и выкурить трубочку, но сейчас на это нет времени. Кесариа, наверное, заждавшись, стоит у калитки, не спуская глаз с улицы. Гуласпир не только не передохнул на привычном месте, но, казалось, у него откуда-то появились новые силы, и он пошел быстрее. Реваз, опустив голову, шагал следом за ним.

Сколько же времени соседи не виделись? Хотя разве они просто соседи? Для Гуласпира Реваз как сын. Он его и раньше любил не меньше Алмасхана, а теперь, после гибели сына, Реваз стал Гуласпиру особенно дорог.

Узнав, что Резо в Хемагали, Гуласпир ушел из города пораньше и поспешил домой. Встретившись, они расцеловались и немного поболтали о том о сем, помянув и тбилисскую жару, и поля Цихиджвари, и школьную крышу. Оказалось, говорить больше не о чем, и они долго шли молча, думая каждый о своем. Гуласпиру-то в общем не было никакого дела до тбилисской жары и асфальта, у него другие заботы и волнения, о которых он не мог сказать даже такому близкому человеку, как Реваз. Вот-вот их дороги разойдутся, и Гуласпир пошел медленнее. Реваз любит ходить быстро, а для подъема он давно выработал размеренный пружинистый шаг. Гуласпир же прошел несколько шагов в гору и выдохся. А этот подъем с подъемом на Цихиджвари не сравнить! Ревазу стало жаль старика, он понял, что тому трудно было подниматься даже

с этой густой и легкой корзиной и что еще там, у мельницы Абесалома Ник навелидзе, он должен был взять ее у Гуласпира.

Они остановились посреди поляны.

...Днем раньше Гуласпир, Александре и Абесалом сидели вон там, на восточной стороне дуба, похожем на кресло. Вдруг с реки потянуло ветерком, и Александре встал.

— Мне что-то стало холодно, черт возьми! — сказал он.

Гуласпир, увидев, что Александре собрался уходить, легко, как молодой, вскочил с места и, улыбаясь, хлопнул его по плечу:

— Давайте сыграем в футбол! Сразу согреемся!

Александре подмигнул Абесалому, кивнув в сторону Гуласпира, — мол, плохи его дела, и спросил:

— Что ты сказал, молодой человек?

— Я сказал, давайте сыграем в футбол и сразу согреемся! — храбро повторил Гуласпир и побежал. Добежав до края поля, он обернулся и крикнул старикам: — Ни шагу с места, я сейчас же принесу мяч.

— Он, бедный, видно, свихнулся, — с жалостью сказал Александре и стал набивать трубку. Едва он кончил это делать, как появился Гуласпир. В руках у него был настоящий мяч, красный футбольный мяч.

— Вы двое — против меня. Западные ворота ваши. восточные — мои, — сказал Гуласпир и положил мяч на землю. — Ну, не испугались, старички?

Он отошел от мяча шагов на десять, потом сорвался с места и, подбежав к мячу, сильно ударил по нему ногой. Описав дугу, мяч со всего маху угодил прямо в голову Абесалому, и тот, оглушенный, упал на дубовый корень, а мяч покатился к реке. «Догони!» — крикнул Гуласпир Александре, но тот не двинулся с места. Да и как бы он смог догнать катившийся под гору мяч! «Эх ты, настоящее старье!» — не удержался Гуласпир и сам поспешил вдогонку за мячом, но, пробежав немного, остановился и в сердцах махнул рукой.

— Потеряли, — с грустью сказал он, возвратившись к друзьям, и показал рукой в сторону реки. — Скатился мяч, в Сатевелу.

У него к глазам подступили слезы.

— Чуть не убил человека, а теперь мяч жалеешь? — возмутился Абесалом и, шатаясь, пошел прочь.

Гуласпир, не обращая внимания на слова Абесалома, опять показал в сторону реки.

— Наверное, Сатевела уже далеко унесла наш мяч, а потом он попадет в Квирилу... Ты же знаешь, Александре, что Квирила впадает в Риони? И вот поплывет наш мяч по Риони. А что ему помешает? И окажется он прямо в Черном море. Оно играючи понесет его дальше, в Дарданеллы. Но Дарданельский пролив, дорогой мой Александре, немного узковат. Увидит наш мяч турок, выловит его и с божьей помощью продаст за хорошую цену... А нам останется только воспоминание.

Гуласпир говорил так убедительно, будто воочию видел, как все это происходило на самом деле.

Абесалом отошел уже довольно далеко, но Гуласпиру было видно, как он то и дело прикладывает руку к голове.

— Твоему другу правда было больно или он фокусничает? — как будто между прочим спросил Гуласпир Александре и снова посмотрел в сторону Сатевелы. — Какой хороший мяч потеряли! Эх, попадет он в руки турку! — грустно сказал он, и в это время красный мяч упал к его ногам.

Оказывается, внук Абесалома Коки купался в Сатевеле и в кустах нашел злополучный мяч Гуласпира.

— Возьми его себе, — сказал Гуласпир, сунув мяч мальчику под мышку. Коки растерянно посмотрел сначала на Александре, потом на Гуласпира, и вдруг глаза его радостно заблестели.

— Ну, что же ты? Теперь он твой. Беги с ним домой. Вон идет твой дедушка. Догоняй его.

Гуласпир шлепнул Коки по одному месту, и того как ветром сдуло. На полдороге он остановился, но Гуласпир опять громко крикнул, чтобы он догонял деда, и Коки снова бросился бежать.

— Ты посмотри на Абесалома, Лексо, он, кажется, и вправду плохо упал, — озабоченно сказал Гуласпир и вдруг вскочил. — У Кесарии, помнится, было какое-то снадобье. Я сейчас принесу.

...Видно, лекарство Кесарии не принесло облегчения Абесалому, иначе он встретил бы около дуба возвращавшегося из города Гуласпира. У Гуласпира на глазах выступили слезы.

...От развилки одна тропинка ведет к дому Александре Чапичадзе, а другая — к дому Гуласпира Чапичадзе.

В конце поляны для посиделок на корявых ветвях трех старых дубов чиркали воробьи. Уж не прилетели ли они сюда с хемагальского кладбища из той наполовину развалившейся церкви?

Пусто кругом, и старые дубы грустят о прошлом.

Бывало, по воскресеньям молодежь здесь гоняла мяч, пела и плясала, а старики, усевшись в тени дубов, попыхивали трубками и степенно беседовали. Шумело, пело и веселилось все вокруг, и дубы весело шелестели листьями, а воробьев тогда не было и в помине.

Да, было время! Собирались на этой полянке молодые и старые, жена-тые и холостые, Кикнавелидзе и Чапичадзе, устраивали всякие соревнования, играли в лело, подшучивали друг над другом. Какой тогда стоял тут шум и гам. А вечером устраивали большой хоровод, пели и плясали.

Гуласпир считался в те времена хорошим футболистом и первым танцором в деревне. А вот теперь поднялся в гору и устал.

— Пошли ко мне, — сказал Гуласпир Ревазу, беря его под руку.

— Сейчас отец должен вернуться. Он обидится, если не застанет меня дома.

— Ну, ладно. Но к ужину приходите вместе. Александре я уже предупредил.

Гуласпир поудобнее пристроил за спиной корзину и, тяжело ступая, продолжил путь. Он, не оглядываясь, миновал поляну, свернул к дому и исчез из виду.

«...Собственно, Гуласпир не сказал мне ничего обидного. Он просто интересовался, где находится Цихиджвари и есть ли там поля, лес... Но ведь в его голосе явно чувствовалась насмешка, и улыбался он как-то хитро. А потом это — Александрович... профессор... Нет, он определенно издевался надо мной, потому-то я и разозлился и отвечал ему неохотно. Только всего и было. Но ничего плохого я ему не говорил. А он, почувствовав, что обидел меня, замолчал. Потом, вдруг спохватившись, что его ждет Кесария, заторопился домой. И всю дорогу он молчал, правда, когда мы переходили Сатевелу, он вроде бы что-то сказал, но я не расслышал... Да, сильно постарел и сдал Гуласпир. Как неуверенно он переходил реку: несколько раз попробует, надежно ли лежит камень, и только потом наступает на него. А какой гордый! Боялся оступить, но помощи не просил. А разве ему нужно было меня просить? Я сам должен был шутя помочь, мол, ты, дядя Гуласпир, по камням, а я рядом по воде. Это было бы здорово! В гору он шел очень медленно и все-таки дышал тяжело. Как же он ходит в город? Трудно ему. Трудно, а все равно идет. Все носит на рынок фрукты. Он, как и мой отец, мастер на деревянные блюда из липы. Они с Кесарией сидят на лобно и пхали¹, а из молока делают сыр на продажу. У Гуласпира есть небольшой виноградник, и он делает прекрасное вино, которое легко пьется и после которого на другой день не болит голова, сколько бы его ни выпил. Сам Гуласпир пьет мало. Ему для себя хорошего вина жалко, он предпочитает его продавать в городе. Как только Гуласпир с бурдюком за спиной покажется на рынке, покупатели тут как тут. Они не пробуют его вино на вкус и не торгуются с ним. И куры есть у Кесарии. Когда яиц наберется штук сорок, Гуласпир перекладывает их мхом, берет корзину на плечо и — в город. Закончив свои торговые дела, он идет по магазину, чтобы купить Кесарии платье. Раньше он приносил ей из города материи, а уж она сама себе шила. С годами Кесария стала так плохо видеть, что с трудом может вдеть нитку в иголку, о каком уж тут шитье можно говорить? Потому и покупает теперь Гуласпир для Кесарии готовые вещи. Если он еще найдет дешевенькие туфли на низком каблуке, то совсем хорошо. Жена будет одета. На оставшиеся деньги Гуласпир покупает кукурузу и пшеницу. Никак у него не получается, чтобы кукурузы хватило от урожая до урожая. Раньше у Гуласпира лошадь была, крепкая такая. Ее Хабардой звали. Деревенские ребятишки, бывало, поймают ее и тайком от Гуласпира целый день гоняют на ней по берегу Сатевелы. А ей хоть бы что, будто и не уставала совсем, хотя вся бывала взмыленная. Обычно Гуласпир связывал мешки с кукурузой и, как хурджин, закидывал на спину Хабарде, и она, словно не чувствуя тяжести, легко доходила от города до Хемагали. Гуласпир никогда не садился на навьюченную лошадь, а, довольный, вел ее под уздцы. Потом Хабарда состарилась, ослепла и, совсем одряхлев, околела. Другой лошади Гуласпиру купить не удалось, а кукурузу и пшеницу покупать надо, как и раньше. Вот и таскает Гуласпир на плече из города в Хемагали мешки по полпуда. Больше-то не в силах донести старик...»

¹ Лобно и пхали — грузинские блюда из овощей и трав.

В доме горела лампа. Около открытой двери кухни на низенькой табуретке сидел усталый Александре. Увидев вошедшего во двор сына, он поднялся.

— Ты у соседей был?

— Нет, на Сатевеле.

На Сатевеле? Как же так? Александре шел домой как раз берегом реки, но сына не заметил. Правда, устав, он решил немного отдохнуть и присел на камень. Глаза у него тут же стали слипаться, он задремал, и, если бы камень не был такой холодный, Александре, наверное бы, заснул.

На подъеме он шел медленно, но и тогда сына не увидел.

Сейчас в Сатевеле много рыбы, но давно уже некому ловить ее для Александре... Раньше Реваз никогда не возвращался с реки с пустыми руками, но сегодня ему было не до рыбы, и поэтому, увидев отца, он смутился. Вода в Сатевеле ледяная, и с непривычки в ней легко простудиться. Сначала станет холодно, по телу пробегут мурашки и лоявится зуд, а потом начнется жар, да такой, что света белого не взвидишь. При крапивнице так бывает... Уже лет десять не ступал Реваз ногой в Сатевелу. Если бы он сегодня пробыл в воде подольше, то река сделала бы свое черное дело. Потому и вернулся он домой с пустыми руками, а отец понял, чего боялся его сын, и не сказал ни слова.

Александре подоил корову и, привязав ее на длинной веревке к столбу кухни, оставил во дворе. Она улеглась подальше от дома на землю и стала жевать траву, временами облизывая стоявшего перед ней теленка, а тот от счастья замирал.

В кухне около медленно горевшего огня стояла кринка с молоком.

Корова у Александре молочная, и трава в Хемагали сочная, питательная, так что у Александре из восьми литров молока получается больше килограмма сыра. Молоко, густое, чуть желтоватое, заквашивается быстро, и сыр из него всегда очень вкусный. На рынке горожане узнают хемагальский сыр по цвету и раскупают его моментально.

Отец с сыном вошли в кухню, оставив дверь чуть приоткрытой, чтобы не было жарко, и сели поближе к огню. Реваз — на треногую табуретку, а Александре — на низенькую скамеечку. Александре пододвинул к себе кринку с молоком, да так осторожно, что молоко в ней даже не кольхнулось, и, степенно закатав рукава, опустил пальцы правой руки в сосуд, провел ими по стенкам, проверяя, заквасилось ли молоко, и потом стал постепенно погружать в него всю руку, собирая в кучку сыр. Затем он поудобнее поставил кринку, запустил в нее и левую руку, вынул сыр и положил его на блюдце.

...Мелик так же доставала сыр. Сев на такую же низенькую скамеечку, она осторожно придвигалась к горшку с молоком, и обе ее руки (а они у нее были маленькие, просто крохотные) скользили внутрь горшка, словно лаская его стенки. Около матери, тоже на маленькой скамеечке, устраивался Реваз, как зачарованный глядя на ловко снующие мамины руки. Достав сыр, она, прежде чем положить его в специальную деревянную форму, отламывала основательный кусок для Реваза.

У только что вынутого сыра совершенно неповторимый вкус.

Александре же не дал сыну попробовать сыра, а прямо выложил его на блюдце и поставил на шкаф. Сыворотку он вылил в старый таз, что валялся в углу кухни, и к нему сейчас же подкралась кошка. Вот напьется она сыворотки и сыр уже не тронет.

Александре снова уселся на скамеечку, достал из кармана кисет и стал набивать трубку, бормоча что-то себе под нос.

Под ногами у Реваза валялся совок. Он поднял его...

— Я сам, — будто для себя проговорил Александре. Он рукой взял из очага уголек и, несколько раз подбросив его на ладони, большим пальцем правой руки прижал к трубке. Потом, прищурившись, посмотрел на сына — не обиделся ли он на то, что отец отказался от его услуги.

Реваз, опустив голову, сидел на своей табуретке.

«Да, нехорошо получилось. Обиделся он и потому сидит с таким видом!»

Кошка напилась сыворотки, и живот у нее раздулся. Прожорливая кошка у Александре. Ей сколько ни налей, все вылакает, хоть целый таз. И где столько помещается, ведь она такая маленькая? Наевшись, кошка подползет к хозяину, устроится около его ног и, вытянув шею и глядя на него хитрыми глазками, потрется головой о его колено.

— Делаешь вид, что очень любишь меня и не можешь без меня жить, да прощай!

А кошка еще сильнее вытягивает шею и еще смелее трется о колено хозяина. ... Вот и сейчас она тут как тут, но Александре ногой отшвырнул ее в угол. Кошка, жалобно мяукнув, сердито глянула на хозяина и бросилась вон из кухни.

— Пошли! — позвал Александре сына. Выйдя во двор, он пустил теленка в загон.

— Пошли! — сердито повторил Александре.

Он не в настроении, потому что ждал с сыном невестку и внуков, а тот взял и явился один. Александре только поинтересовался, где изволил быть его невестка, и больше ни о ней, ни о внуках разговора не было.

Но разве Александре не было известно, где они? Он прекрасно все знал. Завтра Реваз встанет чуть свет, напрямую перейдет Хемагальскую гору и кратчайшим путем доберется до платформы как раз к приходу боржомского поезда. От Боржоми до Бакуриани поезд тащится как улитка, поэтому ему лучше нанять машину, и тогда к обеду он попадет в Цихиджвари. Ведь Русудан, Татиа и Сандро ждут его не дождутся.

Реваз вышел из кухни, прикрыв за собой дверь, и увидел, что Александре стоит около калитки. Во дворе тишина, только слышно, как смачно жует свою жвачку корова.

... Когда отец с сыном, перейдя поле, вышли к дому Гуласпира Чапичадзе, в глаза им неожиданно ударил яркий свет от висевшей на столбе веранды лампы.

Никогда еще не видел Александре во дворе Гуласпира такой иллюминации. Он догадался, что это было сделано в честь его сына... Потому что Александре... Нет, для Александре никогда еще сосед не зажигал во дворе лампы. Странный человек этот Гуласпир! И где только он нашел такую огромную?

Радостный Гуласпир встретил гостей у калитки и дружески похлопал Александре по плечу:

— Ну, как дела, старина? А говорил, что не приедет? Вот видишь, приехал же! Что теперь-то скажешь?

Потом он шутливо обратился к Ревазу:

— Ты не скучаешь здесь? Что-то ты неважно выглядишь.

Он усадил Александре и Ревазу на веранде, а сам поспешил в кухню.

На веранде был накрыт стол человек на десять. Видно, Гуласпир ждал еще гостей.

— Что вы сидите молча? — Гуласпир, громко тоная, поднялся на веранду и поставил на стол кувшин с вином. — Не скучайте. Моя дражайшая половина сейчас пожалует.

Он взял в руки кувшин и украдкой взглянул на Александре.

— Ты не обижайся на меня, но я вскрыл твой чур.

— Да он только называется моим... — нехотя, словно через силу, сказал Александре.

— Неужто ты обиделся? На самом деле обиделся? — с возмущенным видом спросил Гуласпир. — Если не нас, то кого ты собираешься угощать этим вином? Сейчас мы его попробуем...

Гуласпир наполнил стаканы. Вино было очень светлое и прозрачное, как слеза.

Александре залпом осушил свой стакан и, передав его Гуласпиру, сказал, что пойдет в кухню помочь Кесарии.

Гуласпир опешил. Ему показалось, что Александре что-то скрывает от него, но он сделал вид, что ничего не замечает, и принес из комнаты нарды.

— Ну, молодой человек, не забыл в городе, как играть в нарды?

Он раскрыл доску и расставил на своей стороне черные шашки.

— Белыми играет гость. Первый ход твой. Одну партию успеем...

Скрипнула калитка, и во двор вошел Абесалом Кикнавелидзе. Реваз сбегал по лестнице, чтобы встретить его.

— Оказывается, иногда и Гуласпиру можно верить, — улыбаясь, сказал Абесалом.

— Ты лучше оставь Гуласпира в покое, а то ведь ты меня знаешь! — отозвался с балкона Гуласпир и, увидев, что Абесалом пришел один, возмущился:

— А где невестка?

— Она уложит детей спать и придет.

— Детей? — удивился Гуласпир. — Хороши детки, лбы здоровые. Что, если мамочка не сплет им колыбельную, сами не заснут? А Эка? Большая Екатерина?

— Моя невестка зайдет за ними.

Абесалом медленно поднялся по лестнице, прислонил к столбу веранды свою палку и, сняв брошенный на плечи белый башлык, отдал его Гуласпиру. Заслонившись рукой от света лампы, он посмотрел на Реваза.

— Ты немного изменился, парень!

Абесалом взял Реваса за плечи и, притянув к себе, обнял. Он сел за стол, а Реваса усадил рядом.

...У Абесалома на глаза навернулись слезы. Вдруг одна крупная слезинка скатилась по его щеке и повисла на белой бороде. У Реваса защемило сердце, и его захлестнула волна жалости к старику. Он наклонился к Абесалому и, слегка коснувшись рукой его груди, заглянул в глаза.

— А ты держись же молодцом, дядя Абесалом.

Абесалом Кикнавелидзе совсем другой человек, не чета Гуласпиру. Он не называл его, как Гуласпир, Александровичем, а просто сказал: — Ты немного изменился, парень. — Старик так обрадовался Ревазу, что даже прослезился... Он всегда был мягким и добрым. Маленького Реваса он частенько брал с собой на рыбалку или, посадив его и сына позади себя, катал на лошади...

Реваз спросил о Леване.

— Вроде бы, как и ты, живет в Тбилиси, — грустно сказал Абесалом, — Почему-то у него здесь ни к чему не лежала душа. Вот и мыкается теперь в городе. Сколько раз он пытался уговорить свою жену переехать к нему, но она не согласилась. И правда, хоть бы у него там было где жить, а то снимает какую-то комнатку! Невестка сказала, что не может души в ней своих детей, и не поехала в город. Теперь то Леван сюда приезжает, то Дудухан к нему ездит. Вот так и живут...

...В детстве Реваз с Леваном росли как родные братья. Учились в одной школе, джигитовали на неоседланных лошадях на берегах Сатевель, голыми руками ловили в реке рыбу. У Левана улов всегда был больше, но он обязательно делился с Ревазом... Теперь Леван живет в городе, но ни разу не навестил своего друга.

— Кого я вижу! Мальчик мой дорогой! — вскрикнула наконец появившаяся из кухни Кесариа и обняла подошедшего к ней Реваса, а потом притянула его своими маленькими исхудальными руками и поцеловала в глаза, лоб и щеки. Она погладила поредешую шевелюру Реваса, потом немного отодвинула его от себя и, снова обняв, расцеловала еще раз.

— Мальчик мой, как я по тебе соскучилась!

И морщинистые щеки Кесарии покраснели от слез и заблестели в свете лампы.

— А ты что стоишь, как чужая? — попрекнула Кесариа стоявшую рядом Эку. — Поцелуй его, дочка, ведь он же твой родственник. Это наш Резо.

Эка шагнула к Ревазу и протянула ему руку.

— Это дочь Екатерины! Поцелуй ее! Теперь ты ведешь себя как чужой.

Реваз поцеловал Эку в щеку, и она от смущения залилась краской. Реваз тоже смутился, но не покраснел.

Дочь Екатерины? Но насколько Ревазу известно, Екатерина никогда не была замужем. Он наклонился к Абесалому и прошептал:

— Откуда взялась у Екатерины такая взрослая дочь?

Абесалом оглянулся и, убедившись, что, кроме них с Ревазом, на веранде никого нет, тоже шепотом ответил:

— Эка — племянница Екатерины. Только ты смотри не проговоришься. Она считает ее своей матерью. Саломэ помнишь?

Конечно, Реваз помнил младшую сестру Екатерины — веселую и бойкую Саломэ. Она любила гонять с мальчишками в мяч, чудесно играла на гитаре и сочиняла частушки, состязаясь в этом с ребятами. Екатерина часто сердилась за это на сестру, но та продолжала свое и была очень довольна собой. В шестнадцать лет Саломэ вышла замуж за некоего Шарангия из села Шиндиси, и с тех пор Реваз ее никогда не встречал.

Шарангия, как говорили, оказался хорошим человеком, и хозяйство у него было отличное. Вскоре после свадьбы началась война, и он ушел на фронт, а через некоторое время у Саломэ родилась девочка.

Однажды Саломэ получила известие о том, что ее муж погиб под Керчью. Горевала она недолго, и когда дочке исполнилось всего три месяца, снова вышла замуж — за друга своего мужа, работавшего шофером на грузовой машине. Оставаться в деревне им нельзя было, и они переехали в город. Екатерина очень рассердилась, сказав, что сестра опозорила ее на весь мир, поехала к Саломэ, прокляла ее и отняла у нее дочь. «Такая легкомысленная женщина, как ты, не сумеет воспитать ребенка», — заявила она, увезла девочку в Хемагали и удочерила ее. Мать звала ее Мадонной, но Екатерина стала называть Экой, а соседки — маленькой Екатериной.

Дудухан в это время разговаривала с Ревазом, а Кесариа что-то шептала младшей Екатерине. И только большая Екатерина сидела молча, изредка поглядывая то на Ревазу, то на Александре. Она чувствовала — старик только делает вид, что ему весело, оттого что он сидит рядом с сыном, а на самом деле ему грустно. Похоже, что он сердит на сына, потому что он не обменялся с ним ни словом и ни разу не взглянул в его сторону.

«Видно, дома у них произошел какой-то разговор. Реваз сидит рядом с отцом сам не свой. Тосты не поддерживает, к отцу не обратился ни разу... С родным отцом сидит, как чужой».

Большая Екатерина уверена, что чутье ее не обманывает, и ей больно за Александре: ведь всего дня на два приехал к нему сын, повидается и уедет...

— Ну-ка, давайте веселиться как полагается! — воскликнул Гуласпир и затынул:

**Моя мучительница, моя погубительница,
Моя ближайшая соседка...**

Он сделал маленькой Екатерине знак рукой, чтобы она продолжала.

**Ты, которая меня огнем опалила,
Скажи, как его гасить...**

— Ну, старики, давайте, поддержите! Пойте тоже! — пробубнил хозяин дома, стараясь развеселить своих гостей.

**Милая, твое белое платье
Несли воды реки.
Хотел бы я знать,
Кто целовал тебя, пока ты спала.**

На этот раз Гуласпир не подал знака маленькой Екатерине, и она смущенно умолкла. Песня прервалась, и присутствующие загрустили.

— Вы слишком высоко взяли, — сказал Александре, чтобы как-то исправить положение.

— Да, очень высоко, — подтвердил Абесалом.

«Высоко? Но Гуласпир ведь нарочно начал таким высоким голосом. Да, нарочно! Бесконечная тишина и безмолвие доконали его. Лет десять так громко не пели и не смеялись в доме Гуласпира Чапичадзе...»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Уже месяц, как мы врозь. Ты — в деревне, мы — в Тбилиси. Дети по тебе очень скучают, особенно Сандро. К товарищам ходить не хочет, а во двор его и палкой не выгонишь. Придет из школы, позанимается, а потом сядет у окна и делает вид, что рисует, а сам смотрит на улицу, и я чувствую, что он ждет тебя.

Сегодня за Татией зашла подруга, и они решили идти в кино. Сандро отказался составить им компанию.

У нас уже созрел инжир, но ни Дареджан, ни дети даже близко к нему не подходят.

Уже девять часов. Идет дождь, а Татиа еще не вернулась.

В ту ночь, когда ты уехал, мне не пришлось спать. Дети все время метались во сне, да и с Дареджан творилось что-то неладное. На следующий день я не пошла на работу. С утра дети были в школе, Дареджан на рынке, а я просто места себе не находила. Вышла на улицу, но, не встретив никого из знакомых, вскоре вернулась домой. Я выдвинула все ящики твоего стола, и сама не знаю, что в них искала... Не помню, сколько прошло времени, прежде чем вернулась Дареджан, потом пришли из школы Татиа и Сандро. Они были не в духе, и я буквально силой заставила их пообедать. Потом они зашли в свою комнату и притаились, как мыши. Наконец стемнело, и мы все легли спать. Я у себя свет не погасила, лежу, ворочаясь в постели, в голову лезут всякие мысли. Вдруг мне почему-то захотелось посмотреть на детей. Прихожу к ним в комнату, а у них тоже горит свет. Татиа спит, а Сандро нет.

— Сандро, ты почему не спишь? У тебя болит что-нибудь?

— Нет.

— А в чем дело?

— Так, что-то не спится.
— У тебя, случайно, нет температуры?
Я положила ему руку на лоб, но он был холодный.
— Надо спать, сынок! Татиа, наверное, уже десятый сон видит!
— Хорошо, мама, — прошептал Сандро и повернулся лицом к стене.
Я потянула ему одеяло, выключила свет и прислушалась. Скоро он задышал ровно и глубоко.

... Я вернулась в свою комнату и тоже легла. Не знаю, спал Сандро или нет, но утром он поднялся раньше Татии.

Отправив детей в школу, я пошла в техникум.

Я была в дурном расположении духа, и, видно, на работе догадались, в чем дело, потому что все были ко мне очень предупредительны, и это меня еще больше раздражало. Директор даже сказал мне, что у меня усталый вид и мне не мешало бы несколько дней отдохнуть дома. Мне не понравилась такая забота о моем здоровье. Может быть, он считает, что мне вообще лучше бросить работу, сидеть дома и заниматься хозяйством и детьми? Нет! Это не для меня. Если я засяду дома, я сойду с ума! Я художница, люблю работать со студентами, люблю свою работу и ни за что ее не брошу.

Домой вернулась рано. Думаю, что мои сослуживцы после моего ухода вздохнули с облегчением. Татиа и Сандро уже пришли из школы. Дареджан собрала на стол, и мы сели обедать. Я даже выпила стакан вина. Потом я прилегла отдохнуть и заснула, а когда проснулась, настроение у меня было еще хуже, чем раньше. Я даже не поинтересовалась, приготовили ли Татиа и Сандро уроки. Вечером за Татией зашла подруга и опять стала звать ее в кино. Я ее не пустила, и она, надувшись на меня за это, заперлась в своей комнате. Ничего, решила я, переживет! Сандро, как всегда, уселся у окна и, делая вид, что рисует, стал ждать отца... А его отец в Хемагали о детях и не думает. Это так, не отрицай! Как бы ты ни старался убедить меня в обратном, для меня все ясно, как божий день, и мне очень обидно! Тебя не трогает, что происходит с твоими детьми, а я вся извелась. В этом и заключается разница между матерью и отцом! Не смеяйся, я говорю серьезно!

Поведение Дареджан меня удивляет. Откуда только в ней взялось столько спеси? И потом она бросает на меня такие укоризненные взгляды, точно это я виновата в том, что ты уехал в деревню. Если ей у нас не нравится, пусть возвращается к себе домой, как-нибудь и без нее обойдемся! Татиа и Сандро уже большие, и я одна смогу с ними справиться. И они уже должны сами за собой смотреть. А Дареджан может убираться на все четыре стороны. Чего она дуется? Мне не до ее капризов! Напиши ей письмо, чтобы она ехала в деревню.

Поужинали мы в полном молчании, и Сандро занял свой пост у окна. По-дождав немного, я повела его в ванную, вымыла и уложила в постель. Я совсем забыла, что на завтра была суббота и он должен был идти в школу. После дождя немного похолодало, и я решила, что если утром будет ветер, то я оставлю Сандро дома.

Спала я хорошо. Вообще последнее время мне ничего не снится. Сегодня на работу я явилась раньше всех и старалась казаться веселой. Я чувствовала, что мои сослуживцы удивлены такой переменной во мне, а именно этого я и хотела и была очень довольна собой. Директору я дала почувствовать, что вовсе не устала, а могу работать в полную силу, как раньше. Не знаю, это его радует или нет. Главное, что я взяла себя в руки. Сердце-то у меня побаливает, но это, кроме меня, никого не касается. О себе я сама как-нибудь позабочусь; успокоюсь, подлечусь немного, и все пройдет. Тогда и настроение исправится. Пусть каждый сам думает о своем здоровье. Я не хочу, чтобы меня жалели, и моих слез никто не увидит. Сегодня в филармонии закрытие летнего сезона. Я послала нашего сторожа за билетами, и мы с Татией пойдем на концерт польского эстрадного оркестра. Сандро придется остаться с Дареджан. Я не могу отказаться от той жизни, к которой привыкла, только потому, что мой муж уехал в Хемагали ковыряться в земле. Я еще молодая женщина и хочу развлекаться. Сегодня на концерте будет много моих друзей и знакомых, не могу же я не пойти. Посмеюсь немного, отдохну. Если ты не веришь, что мы с Татией пойдем на концерт, то очень ошибаешься. Да, да, ошибаешься! Так вот, до конца моей работы осталось два часа, а я сейчас же отправлюсь домой. Хотя нет, не домой, а в парикмахерскую. Сделаю маникюр, прическу и еще успею немного отдохнуть перед концертом. Да, так я и сделаю. Нужно привести себя в порядок, чтобы хорошо выглядеть вечером».

... Русудан посмотрела на первую страницу тетради. Целый час сидит она за столом, а в дневнике записано всего несколько слов: «У нас уже созрел инжир, но ни Дареджан, ни дети даже близко к нему не подходят... Не знаю, спал Сандро или нет...» За целый час она так больше и не прикоснулась к дневнику. Да, Русудан долго мысленно разговаривала с Ревазом. Написать-то она ничего не на-

писала, но высказала ему все, что хотела и это главное. После этого она почувствовала облегчение. В тот день она, правда, ушла из техникума на два часа раньше и забежала в парикмахерскую. Немного поколебавшись, Русудан решила на модную укладку, но краситься не стала. Волосы у нее красивого светлого каштанового цвета, и краситься ей ни к чему, хотя многие ее друзья убеждены, что она не обходится без химии. Ну и пусть думают! У Русудан еще нет ни одного седого волоса, видно, в мать пошла. Текле поседела только в пятьдесят лет. А ровесницы Русудан красятся уже лет по десять.

Русудан положила карандаш и тетрадь в ящик стола и задвинула его.

Она подошла к зеркалу. Из него на нее смотрела молодая Русудан, кокетливая и похорошевшая. Прическа сделала ее выше и придала лицу какое-то новое выражение.

Завтра в техникуме все будут удивлены ее преображением. Прическа, конечно, всем понравится, и разговоры будут только о том, почему она до сих пор так не причесывалась.

В комнату вошла Татиа. Пора было уходить. Русудан была уже готова. Она отдала последние распоряжения Дареджан, и мать с дочерью вышли из дома.

...Сегодня я вернулась из техникума поздно, уже стемнело. Еще от ворот я увидела стоявшего у окна Сандро. Заметив меня, он спрятался.

Я очень медленно поднялась по лестнице и, едва перешагнув через порог, отдала портфель Дареджан и села в кресло...

— Где дети? — почему-то с тревогой в голосе спросила Русудан.

— Они пообедали, и Сандро в своей комнате делает уроки, — спокойно сказала Дареджан.

— А Татиа?

— Татиа? Она пошла с подружкой в кино.

— Почему ты ее отпустила?

— Вы сами разрешили ей пойти.

— Я? Я разрешила? — удивилась Русудан.

— Вчера вечером, когда мы пили чай.

— Ах да, правильно. Я разрешила, — вспомнила Русудан. — Но только на шестичасовой сеанс.

— Они и пошли на шесть часов.

Русудан посмотрела на стенные часы. Было около восьми.

— Наверное, сейчас придут.

В комнату с книгой в руке вошел Сандро.

— Подойди ко мне, — ласково сказала ему Русудан.

Она провела пальцами по его взъерошенным волосам, поцеловала в лоб, потрепала по плечу и улыбнулась.

— Мне не нравится, что ты все время торчишь около окна. И потом, почему ты рисуешь на подоконнике? Разве у тебя нет стола? Или он для тебя стал маленьким? Тогда вот, пожалуйста, стол твоего отца свободен. Садись и рисуй...

Сандро замер и ничего не ответил. Ему почему-то стало жаль мать, и он крепко, как бывало в детстве, прижался к ней. Русудан догадалась, в чем дело. Она обняла сына за плечи и щекой прижалась к его щеке. Глаза у Сандро были зажмурены, и Русудан чувствовала, что стоит ему их открыть, как у него польются слезы. И она сама замерла, словно в оцепенении, а потом вдруг очнулась и почувствовала, что усталость как рукой сняло. Русудан посадила Сандро на колени, а потом, встав с кресла, подняла его на руки, и двенадцатилетний Сандро показался матери маленьким и легким. Да, это совсем крошечного Сандрикелу прижимает к груди Русудан. Если он заплачет, она даст ему грудь, он с жадностью накинется на нее, перестанет плакать и, успокоившись, замурлычет от удовольствия и будет еще долго и сильно сосать...

— Ну, довольно, — словно с упреком сказала Русудан, сажая сына в кресло. — Я ведь по глазам вижу, — продолжала она с улыбкой, — что ты не учишь уроки. Посмотри, — она показала на стенные часы, — уже девятый час.

Сандро подошел к отцовскому столу и, включив настольную лампу, раскрыл книгу.

...Среди ночи Русудан проснулась и пошла в кабинет мужа. Там горел свет, а на письменном столе лежала оставленная Сандро книга. Взяв ее, она осторожно открыла дверь в детскую — Татиа и Сандро спокойно спали.

Русудан вернулась в кабинет, села за стол и, выдвинув ящик, достала тетрадь.

«У нас уже созрел инжир, но ни дети, ни Дареджан даже близко к нему не подходят...»

Нужно, чтобы утром Дареджан собрала инжир и отнесла соседям. В прошлом году Татиа и Сандро не дали ему дозреть, зеленый ели, пусть и теперь, если им захочется инжира, собирают сами.

...Четыре часа ночи, а я сижу за твоим столом и пишу свой дневник. Сейчас действительно четыре часа ночи, но только не подумай, что мне не дают спать мысли о тебе. Нет! Просто я вчера вечером очень легко спала и среди ночи проснулась. Вот, нашла у тебя толстую тетрадь и решила вести дневник. Может быть, когда-нибудь ты его прочтешь и найдешь для себя что-нибудь заслуживающее внимания, а может быть, я пишу напрасно... Но не думаю. Ведь дневники пишут, чтобы их читали другие.

...Сегодня Сандро впервые сел за твой стол, правда, с моего разрешения. Но когда он устроился в твоём кресле и раскрыл книгу, у меня так защемило сердце... Ну, что он такого сделал? Разве все наши вещи не принадлежат нашим детям? Не обижаясь же я, если Татиа иногда возьмет мой зонтик? А увидев, что Сандро хозяйничает за твоим столом, я почему-то расстроилась. И хотела на него рассердиться, но сдержалась, пожалела его. С тех пор, как ты уехал, Сандро только и делает, что сидит смотря в окно. Все ждет тебя. Я это сразу поняла и не мешала ему... Но нельзя же, чтобы ребенок все время стоял у окна и ждал. Вчера, поздно вечером возвращаясь из техникума, я увидела его в окне. Разложил альбом для рисования на подоконнике, а сам глаз с улицы не сводит — не идет ли отец... Вот я и запретила ему подходить к окну. А знаешь, он был немало смешон за твоим огромным столом...

...Хоть бы в этой комнате пахло сигаретным дымом! Я бы представила, что ты дома и тайком от нас куришь. Но откуда взяться здесь этому запаху? И мне грустно.

Скоро рассвет... Ты тоже обычно допоздна засиживался у этого стола, загордив лампу книгой, чтобы она не освещала всю комнату. Несмотря на то, что окно ты все время держал открытым, по утрам, входя в твою комнату, я чувствовала запах дыма... Я сердилась и ссорилась с тобой, но ты не обращал внимания на мои упреки и опять курил сигарету за сигаретой... И это повторялось каждый день.

Сейчас в твоём кабинете не пахнет сигаретами и тебя нет дома... До каких пор так будет продолжаться, и сколько времени я смогу выносить такую жизнь? Ты говоришь — время покажет. Хорошо, пусть покажет. Но я чувствую, что долго так не выдержу. Поверь, что я говорю правду. Реваз!

Последнее время ты обманывал меня, и мне было очень обидно. Ты скрывал от меня, что ходил не в институт, а в министерство. Отправил меня с детьми в Гагра, обещал приехать и не приехал, сославшись на неотложные дела... Ты же заранее знал, что не сможешь провести лето с нами, но нас не предупредил, и мы понапрасну ждали тебя... Почему ты так сделал? Да и только ли это? Мне многое непонятно. Иногда я сама себе не могу объяснить некоторых твоих поступков, и у меня так тяжело на душе... Что принесет мне завтрашний день? Я боюсь его. Я просто не знаю, что ожидает завтра меня и моих детей.

Татиа совершенно распустилась. Каждый день она просится в кино, я ее не пускаю, но она так умеет меня заговорить, что я бываю вынуждена согласиться. Как по расписанию, в половине шестого за ней заходит дочка Гардахадзе, и они отправляются вместе. А разве они одни ходят? Уверена, что нет! Когда мы с Татией были в филармонии, я заметила, что один молодой человек буквально не сводил с нее глаз. Он сидел на три ряда впереди нас, и, чтобы видеть Татию, ему пришлось повернуться спиной к сцене. Я уверена, что с этим молодым человеком она и ходит в кино. А бог его знает, кто он такой? Тебя не интересует, с кем твоя шестнадцатилетняя дочь ходит в кино, да притом каждый день? И бог их знает, в кино ли они ходят? А может быть, гуляют по темным улицам или неосвещенным аллеям какого-нибудь парка? Тебя, отца шестнадцатилетней девушки, это не волнует? По твоему поведению это, действительно, незаметно. Ты спокоен, как-то удивительно спокоен! Ты с-головой ушел в план организации совхоза, заказываешь в питомнике саженцы туты, а то, что твоя дочь встречается с молодым человеком, который тебе не знаком, это тебя не касается!..

Русудан положила карандаш на стол, выпрямилась в кресле и, посмотрев в тетрадь, удивилась — ведь она не написала ни единого слова.

Она провела ладонью по лбу и, еще раз взглянув на тетрадь, испугалась.

У нее почему-то закололо сердце, перед глазами поплыли круги и руки стали ватными. Почувствовав страшную слабость, она положила голову прямо на тетрадь и заплакала.

...Кто-то тихо позвонил у калитки, но Русудан услышала. Она вздрогнула, спрятала тетради и карандаш в ящик и, открыв окно, выглянула на улицу.

У калитки стоял Реваз.

Вначале Русудан показалось, что она еще спит, но вновь раздавшийся звонок привел ее в чувство. Она быстро спустилась по лестнице и, подбежав к калитке, взглянула на мужа.

Заплаканные глаза Русудан улыбаются Ревазу, а он опустил голову, чтобы не встречаться с ней взглядом. Реваз молчит, и Русудан словно онемела... Целую ночь спорила с ним, упрекала, и вот си, как в сказке, стоит перед ней, а слова из себя не может выдавить.

Русудан хотела взять чемодан, но Реваз не позволил ей и, легко подняв большую корзину и чемодан, прошел в кухню.

Умывшись, он осторожно заглянул в комнату детей. Сандро спал, повернувшись лицом к стене, а Татиа лежала на спине, выпростав из-под одеяла руки. Сегодня воскресенье, и они отсыпятся за всю неделю... Реваз улыбнулся, глядя на детей, и тихо прикрыл дверь...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Теплым сентябрьским днем семейство Чапичадзе решило выехать на лоно природы в Арагвское ущелье, подышать свежим воздухом.

Сандро все утро не выходил из гаража, наводя блеск на машину, а потом сложил в багажник отцовские высокие резиновые сапоги, сети, свою складную удочку и мяч.

Татиа, убежденная в том, что мать уже успела рассказать о ее поведении отцу, вначале избегала его, боясь, что он будет ее ругать, но, когда он из-за чего-то подшутил над ней, Татиа стало стыдно, что она так подумала про мать. Осмелев, она решила и в тот вечер пойти в кино и шепотом попросила отца:

— Папа, ко мне должны прийти подруги. Мы вместе занимаемся. Можно, я останусь дома?

Реваз испытующе посмотрел дочери в глаза:

— Спроси у матери.

Татиа не ожидала от отца такого ответа и поджала губы.

Русудан стояла у зеркала и причесывалась, она была недовольна дочерью и сделала вид, что не заметила ее прихода.

— Мама, я останусь дома. Мне надо делать уроки...

Повязывая косынку, Русудан поправила упавшую на лоб прядь и, приблизив лицо к зеркалу, нахмурилась.

— Уроки надо было учить вчера, — холодно ответила она и выразительно взглянула на дочь. Татиа поняла, что если отцу до сих пор не было ничего известно о ее сердечных делах, то теперь мать обязательно ему все расскажет.

Русудан быстрыми шагами спустилась по лестнице, и Татиа поспешила за ней.

Реваз, Сандро и Дареджан уже сидели в машине, которую Реваз вывел за ворота. Дареджан держала на коленях корзину с едой.

— Сандро сядет рядом с отцом, — сказала Русудан и, открыв дверцу машины, жестом показала ему на переднее сиденье.

«Значит, я всю дорогу не смогу курить...» — подумал Реваз.

— Ты можешь закурить, сигаретный дым мне не помешает, — грустно улыбаясь, сказала Русудан.

Свободно было расположившемуся Сандро пришлось потесниться, чтобы у него в ногах поместилась корзина с провизией.

Мысли Русудан: «Ты можешь закурить, сигаретный дым мне не помешает! Я не должна была говорить этого с такой явной обидой! Я же решила, что он больше не услышит от меня ни одного упрека! Ведь мне неизвестно, почему он так неожиданно явился. И я не знаю, сколько времени пробудет дома... Он ничего не говорит, а я спрашивать ни за что не буду! По-моему, ему безразлично, интересуют меня его дела или нет! Сидит себе спокойно за рулем, хорошо, что хоть иногда посматривает на сына».

Остался позади Натахтари. Не впервые проезжают Чапичадзе по этой дороге, но Русудан не трогает красота Арагвского ущелья.

Асфальтированная дорога. Возделанные участки земли. Редкий лес. Арагви местами мутная, местами абсолютно прозрачная.

Русудан равнодушна к пальмам и елям. Из-за них она и полюбила Гагра и с удовольствием переехала бы туда жить. Построить бы на самом берегу моря дом, чтобы легкий ветерок с моря колыхал занавески в спальне. Ничто так не успокаивает Русудан, как море.

Как-то в их очередной приезд в Гагра, Ревазу понравился там дом на самом берегу моря, на границе между старым и новым городом. Это был типично грузинский дом, стоявший в глубине небольшого фруктового сада. Больше всего понравилась Ревазу веранда. Она шла вокруг всего дома и была такой широкой с той стороны дома, которая была обращена к морю, что осенью солнце в комнате не попадало.

Дом этот продавался, но Реваз в то время был далек от мысли делать подобные приобретения.

— Дети быстро вырастут, обзаведутся семьями, — вразумляла мужа Русудан. — А мы не вечно будем молодыми. Знаешь, как невыносима станет для нас в старости шумная жизнь города. А здесь море, покой, чистый и здоровый воздух...

— Море — мать безделья, — отрезал тогда Реваз.

Ерунда, глупость какая-то! Море еще никогда и никого не делало ленивым. Разве мало бездельников в городах, где нет никакого моря? Их и в Тбилиси предостаточно. Русудан догадалась, почему Реваз не хочет переехать в Гагра, но промолчала. Она предпочла больше не говорить об этом, потому что знала, что это бесполезно. Но Ревазу потом придется пожалеть о том, что он не послушался ее, очень горько пожалеть.

Почему именно сейчас вспомнилась Русудан эта давняя история?

...Въехали в Жинвали.

Сандро робко сказал, что хочет пить, и Резо остановил машину. Сандро помнил, что справа от дороги, около Арагви, есть родник с холодной водой, и, схватив кувшин, побежал к нему.

— Куда мы едем? — холодно спросила Русудан.

— В Пасанаури.

— Это далеко. Дети устанут...

От Жинвали до Пасанаури всего тридцать три километра, которые по асфальтированной дороге можно проехать за полчаса, но Русудан устала... Нет, не дети устали, а она, и, заметив это, Реваз сразу за Жинвали свернул с дороги и остановил машину в тени бука на самом берегу Арагви.

Русудан неохотно вышла из машины, но прохлада ущелья и гул стоявшей неподалеку мельницы подействовали на нее умиротворяюще. Она надела шлепанцы, подошла к реке, брызнула в лицо холодной водой и, постелив на камень косынку, села.

Дареджан расстелила на траве ковер, а Татиа принесла из машины сиденье и, приспособив его как подушку, улеглась в тени.

Реваз и Сандро пошли к Арагви, и Реваз прямо у мельницы забросил сети. Сандро отошел подальше и закинул удочку в том месте, где был водоворот.

Мысли Русудан: «Не позвонил, не сообщил, что придет. Нагрнул как снег на голову. Неизвестно, для чего приехал? Сколько времени останется дома?»

Ни разу не поинтересовался, как мои родители, словно они вообще не существуют на белом свете. Может быть, ему безразлично, как живут его тесть и теща? И про Звиада ничего не спросил».

Реваз почти двадцать раз закидывал сети, и все безрезультатно. Сандро тоже счастье не улыбнулось, и отец с сыном оставили свое бесполезное занятие и вернулись к мельнице. Дверь в мельницу оказалась открытой, а на ее пороге стояла девушка. Ревазу показалось, что она насмешливо улыбалась, глядя на них.

— Вы напрасно закидывали сети, — сказала она.

— А почему вы так решили? — удивился Реваз.

— Рыба не любит шума и уходит отсюда, — уверенно сказала она, показав на мельницу, а потом с улыбкой обратилась к Сандро:

— Хорошая у тебя удочка!

Сандро, крутивший в руках сложенную удочку, услышав такую похвалу, гордо поднял голову и, как ружье, приставил удочку к плечу.

На девушке было темно-красное платье в темную полоску. На ее смуглом лице выделялись ослепительно белые ровные зубы. Такие зубы обычно бывают у горянок.. И когда они разговаривают, издали кажется, что они все время улыбаются.

Реваз разложил сети на траве для просушки и велел Дареджан собирать завтрак.

Татиа вскочила и, почему-то показав Сандро язык, побежала к матери.

Девушка вошла в мельницу и закрыла за собой дверь.

Шумит бегущая по желобу вода, гудит мельница, и ее гул теряется в шуме Арагви.

Семья Чапичадзе расположилась на травке для трапезы. Дареджан послала на мельницу, чтобы она пригласила к импровизированному столу незнакомую девушку. Та, извинившись, от угощения отказалась, так как, кончив молоть, должна была спешить домой. Пришлось Ревазу проявить инициативу, и девушка постеснялась отказать ему.

Какое-то время все молчали.

— Как вас зовут? — вышла из положения Русудан.

— Джаваара.

— Джаваара, эта мельница ваша? — наивно спросил Сандро.

Джавара улыбнулась:

— Она ничья.

— Как это ничья? — включился в разговор Реваз.

— Сейчас ничья, — убедительно сказала девушка.

— А раньше?

— Раньше она была наша.

— У вас что, ее отобрали?

— Нет. Отец умер, мать стала часто прихварывать, и, когда я уезжала в город учиться, я передала мельницу деревне.

— Безвозмездно?

— Нет. За помол нам платили зерном. Три пуда пшеницы в месяц.

— А сейчас?

— Я же сказала, что теперь мельница никому не принадлежит. Нет деревни, и мельница ничья! — холодно сказала Джаваара.

— Ничья! Ничья... — прошептал Реваз и побледнел. Его неприятно кольнуло в сердце, и он встал.

— Вся деревня ушла?

— Наша деревня была маленькая. Вон ту гору видите? — продолжала Джаваара, показывая в сторону небольшой горы. — За ней, на плоскогорье, и была наша деревня в сорок дворов. Она называлась Гиоргицминда. Хорошая была деревня. Летом кое-кто из наших еще приезжает сюда, вот и я тоже, — грустно закончила она.

Прислушавшись к шуму мельницы, Джаваара подбежала к желобу и перекрыла воду. Жернов еще некоторое время продолжал вращаться, а потом затих, и Джаваара вошла в мельницу.

Мельница умолкла, и шум Арагви стал явственней. Этот рукав Арагви хоть и был маленький, но чувствовалось, что силу свою он берет высоко в горах.

Через некоторое время Джаваара вышла из мельницы с белым кулем подмышкой

— Скоро тень дойдет до реки, а чуть ниже мельницы, где вода из желоба падает в Арагви, мелко, и там водится форель, — сказала она и, подняв куль на плечо, зашагала в гору. Реваз проводил ее взглядом. Уверенным шагом поднималась она по горной тропинке, потом свернула в сторону и скрылась в кустарнике.

...Откуда-то появились хемагальские тропинки и прилепились к склону Арагви. По одной из них легким твердым шагом идет маленькая Екатерина. Она спешит домой с белым мешком на плече... Вот и хемагальская мельница без крыши. Она молчит, потому что Екатерина перекрыла воду в желобе. Мельницу закрывает тень, и целые полчища воробьев с громким чириканьем атакуют ее в поисках какого-нибудь корма...

Отец не пустил Татию в кино, и, обидевшись, она пошла к соседям.

Русудан, сказавшись усталой, легла спать.

Дареджан собрала ужин, и Реваз, Сандро и Дареджан сели за стол.

Сандро оказался напротив отца.

— А Татиа? — спросил Реваз.

— Татиа? Она вышла к Гардапхадзе, — сказала Дареджан.

— Позови ее сейчас же! А как у тебя с уроками на завтра? — поинтересовался Реваз у сына.

— Я еще вчера их приготовил.

— Почему ты ничего не ешь?

Сандро взял хлеб с сыром, но Реваз протянул ему кусок хлеба, намазанный маслом. Нельзя сказать, чтобы Сандро очень любил масло, но, не желая перечесть отцу, он откусил бутерброд и запил его чаем.

В комнату вошла Татиа.

— Ну, как поживают Гардапхадзе?

— Гардапхадзе? — удивилась Татиа.

— Да, именно Гардапхадзе.

— Их нет в Тбилиси.

— А у кого же ты была? — Реваз посмотрел сначала на Татию, а потом на Дареджан.

Татиа молчала. Увидев, что Дареджан стоит, опустив голову, она обо всем догадалась и, залившись краской, тоже опустила голову.

— Ну, отвечай! — повысил голос Реваз.

Татиа еще больше покраснела, но не произнесла ни слова.

— Садись! — сердито сказал Реваз.

Татиа послушно села, Дареджан налила ей чай, и она вышла, забыв положить сахар.

Реваз вошел в свой кабинет, включил свет и сел за письменный стол. Средний ящик оказался незапертым. Ревазу бросился в глаза конверт, на котором рукой Русудан было написано: «Последняя зарплата Реваса Чапичадзе, присланная из института». К конверту была приколота записка: «Хергский район, село Хемагали. Ревазу Чапичадзе. Вчера ваша институтская кассирша принесла твою последнюю зарплату. Высылаю тебе ее полностью. У нас все хорошо. Русудан».

Реваз закурил, встал и, открыв окно, выглянул во двор.

Свет из его комнаты освещал инжирное дерево, и Реваз увидел, как на нем блестят спелые плоды.

Он позвал Дареджан.

— Почему до сих пор не собрали инжир?

— Сандро сказал, что будем собирать, когда папа придет, — шепотом ответила Дареджан.

Мысли Реваса: «То еще инжир не успеет созреть, а он под деревьями ходит, как кот вокруг сметаны, да и Татиа тоже. Дареджан нужно было заставлять следить за ними, чтобы не наелись недозрелого инжира. Русудан пугала их, что животы разболятся. Но где там! Татиа с Сандро все же улучали момент, забрались на дерево и... Сейчас же все ягоды перезрели, полопались, а до них никто не дотрагивается... Сандро решил дожидаться приезда отца, и все с ним согласилось...».

И Ревазу вдруг стало очень жалко сына. Он ведь целый день крутился около отца. Сначала помогал в гараже, а потом в машине, сидя рядом с ним, такими преданными глазами ловил каждый взгляд отца и все время молча улыбался. И, только когда машина въехала в Жинвали, он заговорил, сказав, что хочет пить.

Реваз вошел в столовую. Дареджан убрала со стола и, видно, устав за день, уже легла. За столом сидел Сандро и что-то читал. Увидев отца, он встал.

— А ты сказал, что сделал уроки? — ласково ухрюкнул сына Реваз и взглянул на книгу. Это был «Шахматный бюллетень» с отчетом о гастингском турнире. В бюллетене разбиралась партия Ноны Гаприндашвили и Пауля Кереса. Реваз улыбнулся. Он сам любитель шахмат и знает, что эта партия продолжалась два дня и закончилась вничью. Знает он и то, что Гаприндашвили победила тогда всех англичан, участвовавших в турнире, но Ревазу не известно, что его сын посвятил гастингскому турниру свой рисунок «Королева мира побеждает рыцарей». Шахматная королева восседает на коне, в левой руке у нее букет, а в правой — меч, и, пораженные этим мечом, лежат у ног ее коня английские гроссмейстеры...

Свой рисунок Сандро отправил в газету «Лело». Через некоторое время его вызвали в редакцию и сказали, что рисунок понравился, но он до сих пор так и не был опубликован. Очевидно, ждут подходящего момента. Ждет и Сандро, а что ему остается делать!

...Приняв душ, Реваз вернулся в кабинет и застал там Сандро. Он стоял у открытого окна и смотрел во двор.

«Я чувствую, что он хочет что-то мне сказать и не решается». Ревазу почему-то вспомнилось любимое выражение его тестя: «младшие в присутствии старших молчат». Он осторожными шагами подошел к сыну и положил ему руку на плечо. Сандро локтями оперся о подоконник, опустил голову, и стало видно, как вздрагивают острые мальчишечьи лопатки. Реваз ласково погладил его по голове, и Сандро задрожал еще сильнее.

— Что с тобой, мой мальчик?

Сандро ничего не ответил и только еще ниже опустил голову.

— Скажи мне, что случилось? — повысил голос Реваз.

Сандро и теперь продолжал хранить молчание. Казалось, он плачет.

— Ты в чем-нибудь провинился?

Сандро поднял голову и хотел уйти, но отец удержал его за локоть и, сев в кресло, усадил к себе на колени, как маленького ребенка.

— Ты почему не собрал инжир, а?

И этот вопрос Сандро оставил без ответа, но, взглянув ему в глаза, отец понял, что не об этом надо было говорить сейчас... Реваз несколько раз, как бывало в детстве, подбросил сына на коленях, тому сначала понравилось, но потом, засмутившись, он встал рядом с отцом.

Мысли Реваса: «Русудан и Дареджан устали и уже спят. Татиа, рассердившись на меня, заперлась в своей комнате и, наверное, тоже спит. И Сандро пора в постель, но он почему-то не ложится, так что во всем доме бодрствуем только мы, двое мужчин. Он стоит около меня такой грустный, хочет о чем-то погово-

рвать, но не решается начать. В ответ на все мои вопросы молчит. Сандро, наверное, думает, что отец и без слов поймет его, догадается, в чем дело, но это не так-то просто».

— Я к тебе хочу, папа! — нерешительно сказал Сандро.

Реваз вздрогнул.

— А ты разве не со мной?

— Я к тебе в деревню хочу... — чуть слышно прошептал Сандро и положил руку отцу на плечо. В глазах у него стояли слезы.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Александрэ стал заранее готовиться к приезду невестки и внуков.

Начал он со двора. Подметя его, он сгреб в кучу опавшие листья и сухие ветки и сжег их. Потом он вынес на солнце матрацы, одеяла и подушки и вымыл с мылом полы в доме.

И, что главное, он распределил для всех комнаты.

Большая комната будет гостиной, там же придется и обедать.

В комнате номер один, оба окна которой выходят на балкон, будут жить Русудан и Реваз. В ней камин, белый камин со сводом и кукарекающим петухом на нем, круглый стол орехового дерева, большое зеркало и две тахты тоже из ореха. Доски для них Александрэ купил у Соломона Кикнавелидзе, заплатив за них дойной коровой. Три месяца он мудрил над ними, в конце концов, пришлось звать на помощь мастера, потому что собственная работа Александрэ не понравилась. Этим тахтам много, очень много лет, но и сейчас еще они выглядят неплохо: резные ножки, резьба с изображением оленя и косули в изголовье. У Александрэ была тахта с оленем, а у Мелик — с косулей. На эту тахту Александрэ первый раз лег с женой, на ней же родился Реваз. После смерти Мелик Александрэ ни на ту, ни на другую тахту не ложился, но постели с них не снимал. Все осталось, как при жизни жены. Когда Александрэ зажигает свет в большой комнате, он зажигает лампу и в этой комнате, а перед сном он снова на цыпочках заходит сюда и, прежде чем потушить лампу, обязательно смотрит на висящую на стене фотографию, с которой ему улыбаются девушка в белом платье и юноша в черкеске. Сняты Мелик и Александрэ были сорок лет тому назад в Херге. Эту фотографию Александрэ специально перенес в дальнюю комнату — вдруг Русудан не понравится, что, проснувшись, она должна смотреть на фотографию свекра и свекрови. Вот он и убрал ее подальше с глаз, повесив в комнате, принадлежавшей ему с внуком. Сандро очень любит эту карточку. Увидев ее впервые, он расплакался, какая, мол, у него была красивая бабушка и как жалко, что он не застал ее в живых...

В этом году на майские праздники отец привез Сандро к дедушке на три дня. После обеда Реваз ушел на Сатевелу, а Александрэ прилег в большой комнате. Сандро же прошел в переднюю комнату и, улегшись на бабушкиной тахте, стал пристально смотреть на фотографию на стене. Долго, слишком долго лежал он так затаив дыхание, и Александрэ стало жаль внука. Повернувшись к стене и делая вид, что зовет внука со двора, Александрэ громко позвал: «Сандро, Сандрикела!». Сандро неслышно встал с бабушкиной постели, прошел на веранду, спрыгнул оттуда во двор и только потом бегом поднялся по лестнице и подошел к деду.

— Принеси водички попить, внучек. Кувшин стоит в дальней комнате, в камине...

Теперь эта фотография висит в комнате Александрэ и Сандро. Проснувшись утром и глядя на нее, Сандро уже не переживает и не плачет. Он знает, что первыми должны умирать дедушка с бабушкой. Таков закон природы, так было, есть и будет. Умрут дедушка и бабушка, а потом... потом? Потом — никто! Потом смерть пусть убирается восвояси! Нечего ей здесь делать...

Татиа и Дареджан? Комната номер три. Она смежная с комнатой Русудан и Реваза. В ней два стула, два стола и два зеркала. Девушки без конца вертятся перед зеркалом, и пусть у каждой будет свое, чтобы не мешали друг другу.

Разделил Александрэ и двор. В правом углу двора растут три кипариса, под ними — круглый каменный стол и скамейка полукругом. В тени кипарисов — гамак. Это — «владения Русудан». Александрэ отвел для невестки самое укромное и тенистое место. Если ей захочется отдохнуть в тени, она может устроиться в гамаке. Если она устанет читать, лежа в гамаке, ей достаточно только протянуть руку, чтобы положить книгу на стол. Здесь же в тени и прохладе

можно и вздремнуть. После сна на чистом воздухе Русудан проснется в хорошем настроении, а кругом такая благодать и есть на что посмотреть.

В тени под кипарисами можно установить для невестки и станок для рисования (Александрэ знает, что он называется мольбертом, но это слово ему пока не пришло в голову сразу не понравилось), но она не любит рисовать на виду у всех. Стоит ей только почувствовать чей-то взгляд, как она тут же бросает работу.

Тбилиси. Зима. Вечерет. У камина в кресле с высокой спинкой сидит Александрэ и смотрит на догорающие в камине угли. Красные отсветы пламени играют на его лице.

— Вы можете немного посидеть так? — спрашивает Русудан.

— Могу, — сонным голосом отвечает Александрэ, откидываясь на спинку кресла.

Проснувшись, он увидел, что сидит у камина один. Александрэ посидел, не шевелясь, еще немного, решив, что невестка рисует, наблюдая за ним из укромного места, потом качнулся. В ответ ни звука. Александрэ привстал и огляделся, но Русудан нигде не было. Он встал и вышел в столовую. В кресле сидела сердитая Русудан.

— Прости, — извинилась она. — Дареджан вошла... А шло так хорошо.

Тот портрет Александрэ его невестка не закончила и по сей день.

«...Они завтра приедут, а около калитки опять мусору набралось»...

Александрэ вынес из кухни веник и щипку.

Послышался шум машины, и у калитки остановился «виллис».

«Ведь они должны были завтра приехать?».

Александрэ поспешил к калитке.

Шофер, которого Александрэ не знал, громко спросил, дома ли Реваз.

Удивленный Александрэ ничего не ответил.

Из машины вышел Константинэ Какубери и, открыв калитку, направился к Александрэ.

— Реваз-строитель спит? — улыбнулся Константинэ, пожимая руку хозяину.

— Он в Херге.

— В Херге? А почему я ничего не знал? — словно для себя спросил Константинэ, и на лице его выразилось удивление.

— Он завтра должен привезти жену и детей, — словно извиняясь, сказал Александрэ и пригласил гостя в дом.

— Привезти жену и детей? — почему-то все больше удивляясь, переспросил Константинэ.

— Да, — уверенно сказал Александрэ. Он широко распахнул ворота и попросил шофера въехать во двор.

— Значит, он в Херге? Поехал встречать семью? Очень хорошо! Тогда я — в контору, — сказал Константинэ и протянул Александрэ руку.

— В контору? Но ведь еще рано.

— Почему? — Константинэ посмотрел на часы. — Скоро девять. По воскресеньям ведь работают?

— Пусть он во двор заедет, — сказал Александрэ и снова позвал шофера.

— Нет! Знаю я вас, потом от вас не выберешься! Если у меня останется время, заскочу, — сказал Константинэ, садясь в машину.

— Обязательно приезжайте!

«Рано утром выехал из Херги, небось, на заре. Как ему стало обидно, что не застал Ревэ. Наверное, у него какое-то спешное дело».

Александрэ закрыл ворота и пошел в сторону кухни. Услыхав стук открываемой калитки, он оглянулся и увидел маленькую Екатерину и невестку Абе-салому Кикнавелидзе Дудухан. Они весело поздоровались с Александрэ. Оказывается, услышав шум машины, соседки решили, что это приехал Реваз с семьей, и пришли, если надо, помочь.

— Вы вовремя подоспели. У нас гости, — сказал Александрэ. — Вы просто молодцы.

— А где машина? Разве Реваз не приехал? — спросила маленькая Екатерина.

— Приехал Константинэ Какубери.

Снова со стуком открылась калитка, и во двор вошел Коки. Неожиданно увидев мать, он остановился и опустил на землю свою корзинку.

— Что, по маме соскучился? — пошутил Александрэ и поманил его к себе.

Коки оставил корзинку у калитки.

— Беги к Гуласпиру, Коки, и скажи ему, что приехал секретарь райкома Какубери. Пусть сейчас же идет в контору.

можно и вздремнуть. После сна на чистом воздухе Русудан проснется в хорошем настроении, а кругом такая благодать и есть на что посмотреть.

В тени под кипарисами можно установить для невестки и станок для рисования (Александрэ знает, что он называется мольбертом, но это слово ему почему-то сразу не понравилось), но она не любит рисовать на виду у всех. Стоит ей только почувствовать чей-то взгляд, как она тут же бросает работу.

Тбилиси. Зима. Вечереет. У камина в кресле с высокой спинкой сидит Александрэ и смотрит на догорающие в камине угли. Красные отсветы пламени играют на его лице.

— Вы можете немного посидеть так? — спрашивает Русудан.

— Могу, — сонным голосом отвечает Александрэ, откидываясь на спинку кресла.

Проснувшись, он увидел, что сидит у камина один. Александрэ посидел, не шевелясь, еще немного, решив, что невестка рисует, наблюдая за ним из укромного места, потом кашлянул. В ответ ни звука. Александрэ привстал и огляделся, но Русудан нигде не было. Он встал и вышел в столовую. В кресле сидела сердитая Русудан.

— Прости, — извинилась она. — Дареджан вошла... А шло так хорошо.

Тот портрет Александрэ его невестка не закончила и по сей день.

«...Они завтра приедут, а около калитки опять мусору набралось»...

Александрэ вынес из кухни вееник и цапку.

Послышался шум машины, и у калитки остановился «виллис».

«Ведь они должны были завтра приехать?».

Александрэ поспешил к калитке.

Шофер, которого Александрэ не знал, громко спросил, дома ли Реваз.

Удивленный Александрэ ничего не ответил.

Из машины вышел Константинэ Какубери и, открыв калитку, направился к Александрэ.

— Реваз-строитель спит? — улыбнулся Константинэ, пожимая руку хозяину.

— Он в Херге.

— В Херге? А почему я ничего не знал? — словно для себя спросил Константинэ, и на лице его выразилось удивление.

— Он завтра должен привезти жену и детей, — словно извиняясь, сказал Александрэ и пригласил гостя в дом.

— Привезти жену и детей? — почему-то все больше удивляясь, переспросил Константинэ.

— Да, — уверенно сказал Александрэ. Он широко распахнул ворота и попросил шофера въехать во двор.

— Значит, он в Херге? Поехал встречать семью? Очень хорошо! Тогда я — в контору, — сказал Константинэ и протянул Александрэ руку.

— В контору? Но ведь еще рано.

— Почему? — Константинэ посмотрел на часы. — Скоро девять. По воскресеньям ведь работают?

— Пусть он во двор заедет, — сказал Александрэ и снова позвал шофера.

— Нет! Знаю я вас, потом от вас не выберешься! Если у меня останется время, заскочу, — сказал Константинэ, садясь в машину.

— Обязательно приезжайте!

«Рано утром выехал из Херги, небось, на заре. Как ему стало обидно, что не застал Резо. Наверное, у него какое-то спешное дело».

Александрэ закрыл ворота и пошел в сторону кухни. Услышав стук открываемой калитки, он оглянулся и увидел маленькую Екатерину и невестку Абе-салома Кикнавелидзе Дудухан. Они весело поздоровались с Александрэ. Оказывается, услышав шум машины, соседки решили, что это приехал Реваз с семьей, и пришли, если надо, помочь.

— Вы вовремя подоспели. У нас гости, — сказал Александрэ. — Вы просто молодцы.

— А где машина? Разве Реваз не приехал? — спросила маленькая Екатерина.

— Приехал Константинэ Какубери.

Снова со стуком открылась калитка, и во двор вошел Коки. Неожиданно увидев мать, он остановился и опустил на землю свою корзинку.

— Что, по маме соскучился? — пошутил Александрэ и поманил его к себе.

Коки оставил корзинку у калитки.

— Беги к Гуласпиру, Коки, и скажи ему, что приехал секретарь райкома Какубери. Пусть сейчас же идет в контору.

Поколебавшись, Коки сбегал за корзинкой и принес ее Александре, Она оказалась накрытой тыквенными листьями.

— Здесь клубника. Я утром собрал. Думал, что Сандро приехал, — сказал Коки и убежал.

Пауза.

— Ну-ка, марш за работу! — прикрикнул на женщин Александр и, взяв маленькую Екатерину и Дудухан за руки, повел их в кухню.

ГЛАВА ВТОРАЯ

До того, как прийти в контору, Константинэ прошелся по дорогам совхоза и остался доволен увиденным. Возвратившаяся в родные места бригада дорожников поработала на славу: гравий насыпан равномерно и аккуратно, и кюветы прорыты так глубоко, прямо настоящие каналы. Майские дожди не повредили покрытия, наоборот, мелкий гравий, что брали на берегу Сатевелы, так хорошо утрамбовался, кажется, и асфальтировать незначем.

Было десять часов, когда «виллис» остановился около конторы. Какубери вышел из машины, а шоферу велел разыскать бригадира строителей и привести его.

Вначале Реваз временно отдал под контору две комнаты в своем доме. Но через месяц, когда совхозу выделили деньги, стало неудобно стеснять человека, и на месте будущей конторы поставили барак. Сначала он представлял собой одну большую комнату. В одном углу ее стоял стол директора совхоза, в другом — сейф и столы бухгалтера, счетовода и кассира. На стене висел план строительства совхоза. Когда на должность бухгалтера назначили Гуласпира Чапичадзе, он двумя перегородками разделил комнату на три части: кабинет директора, приемную и бухгалтерию. Так как Реваз Чапичадзе пока большей частью находится в Херге или на строительных объектах, а в контору заходит редко, Гуласпир фактически присвоил его кабинет.

Дверь барака была открыта, но оттуда не доносилось ни звука.

— Очевидно, дверь забыли закрыть, — громко сказал Константинэ и постучал в стенку.

Гуласпир сидел в кабинете директора. Услышав голос начальства, он выпрямился на стуле.

Пауза.

— Если ты добрый человек, войди! — важно изрек он.

Константинэ вошел в контору.

— Доброе утро! — холодно сказал он.

— Здравствуйте! — сказал Гуласпир, внимательно разглядывая гостя и делая вид, что не узнает его, а потом добавил: — Добро пожаловать в наш...

— Я здесь не впервые! — перебил его Константинэ и взглянул в глаза. — Что, в совхозе никого?

— Я здесь,

— Только вы? — удивился Константинэ.

— Да, только я!

— Остальные бастуют?

— Нет, отдыхают...

— Хорошенькое дело! — с иронией сказал Константинэ, огляделся и, закури сигарету, снова посмотрел на Гуласпира. — А говорили, что вы и по воскресным дням работаете.

— И работаем!

— А что случилось сегодня?

— Директор разрешил строителям отдохнуть.

— Это почему? — сердито спросил Какубери.

— Когда ремонтировали школу, они двадцать дней работали с утра до поздней ночи не покладая рук. Выдохлись совсем. Вот директор и велел отдыхать.

— Вы кто, сторож?

Гуласпир смутился.

Пауза.

— Я — главный бухгалтер.

— Гуласпир Чапичадзе? Извините! — улыбнулся Константинэ. — Я о вас много слышал, а вот вижу впервые.

— И я первый раз вас вижу. Вы случайно не из Райшелка представитель? — тоже улыбаясь, спросил Гуласпир.

Теперь смутился Константинэ.

«Ведь знает, кто я такой, нарочно притворяется. Отомстить хочет».

— Нет, я не из Райшелка, — отчетливо произнес Константинэ, — я представитель райкома, Какубери.

Гуласпир встал.

— Извините, уважаемый Константинэ! Я о вас много, очень много слышал, но встречаться с вами не приходилось. Извините, что не узнал!

Константинэ протянул Гуласпиру сигареты.

— Благодарю. Я курю только «Приму», — сказал Гуласпир и достал из ящика стола пачку.

— Так, значит, вы и есть Гуласпир Чапичадзе? А говорили, что стары и не сможете работать бухгалтером... Говорили?

— Верно, говорил.

— Сколько вам лет?

— Шестьдесят два. Да годы тут ни при чем. Я себя плохо чувствовал. Сейчас мне немного лучше.

— Вы, Гуласпир, должно быть, знаете, что являетесь номенклатурным работником райкома. Мы вас утвердили заочно, потому что райком вам доверял.

— Спасибо райкому.

— И этот самый Гуласпир Чапичадзе, — повысил голос Константинэ, — шумел в народе, что, мол, это Константинэ Какубери погубил Хемагали. Что, мол, по решению правительственной комиссии виноградарское хозяйство должны были основать в Хемагали, а Какубери не посмотрел на решение комиссии и организовал совхоз в своем селе Итхвиси... Еще говорил, что будто бы Константинэ Какубери переманивал хемагальцев, а семьи Джиноридзе просто согнал с насиженного места и переселил в Итхвиси... Так это или не так?

— Верно, было такое! Говорил! — решительно сказал Гуласпир.

— Была у нас средняя школа, осталась только начальная, а потом и ту, мол, Какубери упразднил. Это тоже правда?

— А что, так и было! — холодно сказал Гуласпир и глубоко затянулся сигаретой.

— Наконец-то и нам счастье привалило. Реваз Чапичадзе взялся за такое дело, что ему будут благодарны внуки и правнуки, если только ему не помешает Какубери. Какубери такой человек, что он не станет на сторону Чапичадзе, и судьба хемагальцев повиснет на волоске. Это тоже правда? Так думал уважаемый Гуласпир?

— Истину изволите говорить! — все так же холодно подтвердил Гуласпир.

— А теперь как думает Гуласпир Чапичадзе? Что он теперь говорит? — громко спросил Константинэ, бросил на пол горящую сигарету и, раздавив ее ногой, встал.

— Дело покажет! — спокойно сказал Гуласпир, глядя на Константинэ проницательным взглядом.

«Крепкий мужик этот Гуласпир Чапичадзе».

— Теперь Гуласпир Чапичадзе ничего не говорит? Опять мешает Какубери?

— Не только Гуласпир, все село говорит, что Какубери близко к сердцу принял наше дело и всеми силами помогает нам. Это все видят, товарищ Константинэ.

— В чем же причина?

— Сказать правду?

— Только правду! — сердито сказал Константинэ. В ожидании ответа он закурил, и лицо его стало заливаться краской.

— Пусть он молит бога о прощении и искупит совершенный грех! — сказал Гуласпир и улыбнулся. Улыбка его была такой искренней, что немедленно заразила и Константинэ, он тоже улыбнулся, а потом они оба рассмеялись и долго не могли остановиться.

— Молит бога о прощении... искупит совершенный грех. Это хорошо, очень хорошо, прекрасно, — сквозь смех проговорил Константинэ и похлопал Гуласпира по плечу.

— Да, дорогой мой человек, ничего нет страшнее на свете, чем иметь на душе грех...

— Быть может, это и так, а сейчас пора за дело, товарищ Чапичадзе, — официальным, деловым тоном сказал Константинэ и вышел из конторы. Гуласпир последовал за ним.

Солнце уже поднялось высоко над хребтом Санисле.

— Сегодня опять будет очень жарко, — приставив козырьком руку ко лбу и глядя в сторону гор, сказал Гуласпир.

— Знали бы вы, какая жара в Херге. Скоро вода в Хевисцкали начнет кипеть. — И Константинэ тоже посмотрел на Санисле.

— Здесь, на этом месте, где мы с вами сейчас стоим, вместо этого барака будет построено административное здание совхоза. Строительство начнем осенью будущего года. Отсюда будет виден весь совхоз, — сказал Гуласпир и протянул Константиné «Приму».

— Я предпочитаю болгарские, — улыбаясь, сказал Константиné и тоже закурил. — Я знаю: как раз на этом месте двухэтажное здание. Вокруг него — фруктовый сад, около главного входа — фонтан... — Он помолчал немного. — У фонтана начнется сквер. От площади будут расходиться шесть дорог: две — к тутовым плантациям, две — к виноградникам, одна — к фруктовым садам, а последняя — школу и сохранившуюся со старых времен часть деревни соединит с совхозом. — Константиné посмотрел на Гуласпира. — Все это отражено в плане строительства. Я видел макет, который стоит на огромном столе самого министра. И все, товарищ Гуласпир, должно быть, как на макете. А вот когда мы закончим работы, к нам пожалуют представители министерства проверить, что мы сделали... Но как мы будем строить, — Константиné повернулся в сторону навеса, — я спрашиваю, как мы будем строить, если ваша пила не пилит?

— Динамо вышло из строя. Вчера привели мастера. Он обещал сегодня до полудня исправить.

Константиné посмотрел на часы.

— Полдень уже скоро. Посмотрим, что будет. Ну, хорошо, строителям велели отдыхать, а остальные где?

— Работают, — решительно сказал Гуласпир и заглянул Константиné в глаза.

— А дорожная бригада? Где она?

— На двенадцатом километре.

— Мне надо бы с ними поговорить!

— Бригада вон там. — Гуласпир махнул рукой в сторону хребта. — Они пошли корсткой дорогой.

Пауза.

Какубери окинул внимательным взглядом территорию совхоза и далеко отбросил сигарету.

«Здесь поместятся два Итхвиси, если не больше. А когда на склонах разобьют террасы, сколько еще земли прибавится! Конечно, большую часть Чапичадзе отведет под виноградники, ведь виноград как раз любит места посуше. Тутовые деревья — это только начало...».

— Значит, так... — очнулся от своих мыслей Какубери. — Строители отдыхают, дорожная бригада где-то там, на двенадцатом километре, посыпает дорогу гравием... Да, гравием... Вот и все дела.

— Посмотрите в сторону участков Джиноридзе, как мы огораживаем совхоз! — сказал Гуласпир, протягивая Константиné бинокль.

— Трактором, что ли?

— Да, трактором натягивают проволоочные сетки и трактором же забивают столбы. Осталось натянуть еще десять километров.

— Это хорошо, — заметил Константиné, не выпуская из рук бинокля.

Джиноридзевские дворы стоят, огороженные заборами из проволоочной сетки, но без ворот. А во дворах — кирпичи, цемент, песок, бревна, доски...

И странно выглядел один-единственный уцелевший деревянный дом.

— Это, случайно, не переселенцы ли из Итхвиси? — словно между прочим заинтересовался Константиné, возвращая Гуласпиру бинокль.

— Кто, Джиноридзе? — нарочно спросил Гуласпир.

— Да, они.

— Нет.

— А тот старый дом чей?

— Грамитона Джиноридзе, — почему-то по слогам произнес Гуласпир и улыбнулся. Константиné заметил это.

— А что такое?

— Да так, ничего.

— А что за человек этот Грамитон Джиноридзе?

— В свое время он переселился отсюда в Сурами, — продолжая улыбаться, сказал Гуласпир. — Когда Реваз Чапичадзе написал ему и спросил, не соизволит ли его сиятельство вернуться в Хемагали, тот замешкался — в Сурами, мол; замечательный воздух, и я здесь себя очень хорошо чувствую. Он заведовал там пекарней и, конечно же, прекрасно себя чувствовал. Но, узнав, что в Хемагали строится пекарня, он поторопился вернуться, на скорую руку подремонтировал дом и в прошлом же году привез сюда свою семью. Реваз обещал назначить его заведующим пекарней, и гляньте, — Гуласпир показал в сторону лесопилки, — пекарня почти готова. Грамитон здорово постарался. Когда у нас кончился цемент, он из Каспи целый вагон цемента пригнал.

Константинэ снова завладел биноклем Гуласпира, внимательно рассмотрел здание пекарни и достал из кармана блокнот.

— Как зовут этого Джиноридзе?

— Грамитон.

— Ничего себе имечко, — сказал Константинэ и сделал какую-то пометку в своем блокноте.

Когда приехала машина, Константинэ усадил в нее Гуласпира, и они поехали в сторону джиноридзевских участков.

— Огораживание, строительство домов, дорога — самые спешные дела, — говорил Константинэ, записывая что-то в блокнот.

— Очень спешные, — подтвердил Гуласпир.

— Огораживать еще много осталось?

— Десять километров.

— В день-то сколько успеваете сделать?

— Километр.

— Сегодня третье июля, товарищ Гуласпир!

— Совершенно верно, сегодня третье июля. К тринадцатому мы работу закончим.

— Тринадцать — плохое число, — улыбнулся Константинэ.

— Это тоже верно. Тогда мы закончим двенадцатого.

Константинэ велел остановить машину около дома Грамитона, вышел из машины и хотел помочь выйти Гуласпиру, но тот поблагодарил и легко спрыгнул на землю.

— А говорил, что постарел?

— Был стариком, уважаемый Константинэ, а теперь помолодел.

«И раньше здесь дорога была хорошая, широкая, посыпанная гравием, кюветы были всегда вычищены, а теперь в них полно прелых листьев и мусора. Во дворах бревна, бочки, гравий. На месте будущих домов пока что только фундаменты. Сразу видно, что строительная бригада отдыхает: не слышно ни визга пилы, ни стука топора, ни жиканья рубанка. Тишина... Но это не мертвая тишина! Это просто временное затишье. Завтра начнут возводиться стены домов, вставляться дверные и оконные рамы, крыться крыши... Потом из Херги, Марелиси, Зестафони приедут Кикнавелидзе, Чапичадзе, Кикнадзе, Хидашели, Асабидзе и поселятся в этих новых домах... У этой части деревни, которая всегда звалась Джиноридзевской, останется только старое название. Из Джиноридзе здесь будет жить один лишь Грамитон».

Константинэ окинул взглядом Хемагали.

«Большая когда-то была деревня, больше шестисот дворов. А теперь осталось семнадцать старых домов, в которых живут семнадцать стариков. Это слова Гуласпира Чапичадзе... Первыми здесь поселились Чапичадзе и Кикнавелидзе, а потом уже Джиноридзе. Гуласпир гордится тем, что именно первопоселенцы — Чапичадзе и Кикнавелидзе — спасли Хемагали. Он сказал, что в этой земле лежат кости их предков, и здесь же будут похоронены они сами. А ведь так и будет...»

Константинэ открыл калитку Грамитона Джиноридзе и вдруг в нерешительности остановился.

— Может быть, неудобно?

— Ну, что вы! — сказал Гуласпир и, первым войдя во двор, крикнул хозяина:

— Грамитон, встречай гостей!

— По-моему, дом заперт, — сказал Константинэ и огляделся.

Гуласпир поднялся на веранду и снова громко крикнул:

— Встречай гостей, Грамитон!

За домом кто-то кашлянул.

— Идет, — сообщил Гуласпир, спускаясь во двор.

— Грамитона нет дома, — раздался знакомый голос. Гуласпир вздрогнул и застыл от удивления, увидев перед собой Ростом Кикнавелидзе.

Пауза.

— Это ты, Ростом?

— Я, дорогой! — спокойно ответил Ростом. Вглядевшись повнимательней, он узнал в спутнике Гуласпира Константинэ Какубери.

— Ты когда приехал? Кто тебя привез? — удивился Гуласпир.

— Я сам, — спокойно ответил Ростом и, пожав руку сначала Константинэ, а потом Гуласпиру, попросил их пройти в дом.

Гуласпира удивило, что Ростом приглашает их в чужой дом, и он сделал вид, что не расслышал приглашения.

— Ты не узнал нашего гостя?

— Как же, узнал. Я на лошади его отца сюда поднялся. Вон она, пасется. — Ростом показал в сторону, где когда-то стоял его дом.

Константинэ посмотрел во двор Ростому, там в тени чинары паслась Герша.
«Как заросло травой то место, на котором стоял дом Ростому, да и весь двор тоже! Ветки на яблонях и грушах засохли, стали старыми айвовые и ореховые деревья. А вот камин еще стоит, нет, не камин, конечно, а только его остов, черный и обгоревший!»

— Герша! — громко позвал Константинэ.

Лошадь перестала жевать и, подняв голову, наострила уши.

— Герша! — еще громче крикнул Константинэ.

Лошадь узнала хозяйина и с громким ржанием подскочила к забору.

— Так, значит, ты в гостях? — Константинэ приласкал ее, а потом обернулся к Гуласпиру.

— А вы говорите, что из Итхвиси никто не вернулся?

Пауза.

— А Мимино и Жужуна? — почему-то холодно спросил Гуласпир у Ростому.

— Они остались... Да, там остались! — грустно сказал Ростом и опустил голову.

— Так ты что, один сюда перебрался? А невестку с внучкой в Итхвиси оставил?

— Да, они остались! Сколько я их упрасивал, уговаривал — ничего не вышло. Они наотрез отказались ехать. Ну, я рассердился и уехал один. И как мне тяжело теперь...

— Ты, видно, тайком уехал, Ростом! Разве Мимино тебя отпустила бы?

— Я сам себе голова! — сердито сказал Ростом, доставая из кармана кисет.

— Ну, а как же вы будете жить один? — вступил в разговор Константинэ.

— Я же жил... А потом, почему один? Здесь много домов строится.

— А Грамитон где? — сердито спросил Гуласпир.

— В Сурами.

— А его семья?

— Он взял с собой.

— А зачем он туда поехал?

Пауза.

— Он яблоки повез. В это время в Сурами фрукты хорошо можно продать. Вот он взял машину и поехал.

Константинэ опять что-то записал в блокнот.

— Поехали! — сказал он и вышел со двора.

— И ты тоже уходишь, Гуласпир? — очень тихо, чтобы не услышал Константинэ, спросил Ростом.

— Не могу же я бросить гостя, — тоже тихо ответил Гуласпир. Потом он приблизился к Ростому и шепнул ему, что заглянет вечером.

Раздумья Какубери: «Обманываете меня, что никто из Итхвиси не вернулся? Позавчера, да еще на моей лошади прибыл Ростом Кикнавелидзе! Может быть, это только первая ласточка, а? Поезжай, мол, посмотри своими глазами, что происходит в Хемагали, и расскажи нам всю правду... Как будто действительно Ростому не пускали невестка с внучкой. А может быть, это они раздобыли ему лошадей?»

— Школу отремонтировали хорошо, товарищ Гуласпир?

— Говорят, хорошо.

— Давайте посмотрим! — сказал Константинэ, закуривая.

Мысли Гуласпира: «Когда я позвал и никто не откликнулся, а потом увидел, что двери и окна крепко закрыты, надо было уйти. Если бы я не поднялся на веранду и не покричал оттуда, Ростом бы не услышал. А теперь Константинэ расстроился... А все-таки, как же это невестка и внучка отпустили его одного? Не верится, неужели он спрашивал согласия Мимино? Для чего тогда она вообще забирает его в Итхвиси? Чтобы люди сказали, какая хорошая у Ростому невестка? Смотрите, мол, муж ее бросил, но она не оставила своего свекра. Забрала его к себе и смотрит, как за собственным отцом... А может быть, она надеялась, что муж к ней вернется, и поэтому изображала из себя любящую невестку? Когда же поняла, что ее надежды тщетны, взяла и выгнала свекра на улицу...»

До встречи с Ростомом Константинэ был веселее, а потом помрачнел и умолк.

Машина миновала поле и остановилась у ворот школы в тени лип. Константинэ и Гуласпир вышли из машины.

— Пойдемте в тень, — сказал Константинэ. Взяв у Гуласпира бинокль, он стал смотреть на деревню.

Мысли Гуласпира: «Как же Ростом будет жить один? Хотя почему один, даже если невестка с внучкой не переедут к нему, мы ведь здесь и не бросим его. Может быть, вы, уважаемый Константино, и не знаете, как внимательны были к Ростому невестка и внучка и как хорошо ему жилось в Итхвиси. Но по ночам ему не спалось, все стояло перед глазами родное Хемагали. Да, он мне как-то так и сказал: «Знаешь, Гуласпир, давно я уже живу здесь, но каждую ночь мне снится Хемагали!».

Со стороны школы послышался стук молотка.

— Видно, кто-то что-то мастерит! — сказал Константино, возвращая Гуласпиру бинокль.

— Верно директор.

Откуда-то появился Коки. Увидев Гуласпира, он подбежал к нему, прошептал что-то на ухо и умчался.

— Что хотел твой внук? — улыбаясь, спросил Константино.

Пауза.

— У меня нет внука... Мой сын не вернулся с войны...

Гуласпир бросил недокуренную сигарету на землю, раздавил ее ногой и, достав из кармана платок, отвернулся.

Наступило неловкое молчание.

— Вам не кажется, что дома строятся несколько вразброс? — по-дружески спросил Константино у Гуласпира и взял у него бинокль.

— Нет! — каким-то надтреснутым голосом возразил ему Гуласпир. — Мы с вами в самой старой части деревни. Сейчас пока все живут здесь.

— Все в этой части деревни? — удивился Константино.

— Да, мы приютили вернувшихся сельчан. Всего тридцать два человека. Из них двадцать работают в дорожной бригаде, а двенадцать — в строительной. Приглашенные со сторсны мастера живут в специально отведенном для них бараке.

— Грамитон Джиноридзе тоже из числа тех, кого вы приютили? — пошутил Константино.

— Грамитон — тридцать третий, — повеселел Гуласпир. — Значит, так. Старую часть деревни посчитаем отстроенной. Всего в деревне три новых поселения... Джиноридзевское вы уже видели. Там шестьдесят дворов. Второе... Вон там видите навес? Да?

— Вижу.

— От него до джиноридзевской части деревни полтора километра. Теперь пройдем от навеса полтора километра в сторону хребта Санисле. Прошли? Это место, которое называется Нигвзиани, и есть второе новое поселение. Шестидесять семей. Теперь, если вы не устали, пойдем к востоку от навеса в сторону Сатевельского ущелья. Прошли? Теперь остановитесь. Это Гантиади. Это место издавна так называется. В той стороне Хемагали восходит солнце. Вот вам и третье новое поселение в шестьдесят дворов. И все это за первые три года, товарищ Константино!

— За три года сто восемьдесят дворов, — подсчитал Константино.

— Верно, — закуривая, подтвердил Гуласпир. — Вы заметили, что все три поселения не в длину вытянулись, а образуют полукруг. Дорога проходит через все поселения, видите? И все они находятся на равном расстоянии от совхоза.

— Это очень хорошо! — сказал Константино и направился к школьным воротам.

— Отдохнем немного.

— Кстати, и школу осмотрим, а потом я поеду.

— Давайте зайдем. Но уйти вам так быстро не удастся! Хотя мы коммунизм еще не построили, но приехавшего издалека гостя...

— Это я-то гость? — обиженно сказал Константино и вошел во двор школы.

— Почетный гость! — поправился Гуласпир.

— Еще хуже! — обиженный Константино нахмурился.

На пороге школы их встретил Коки.

— А где Екатерина? — спросил Гуласпир.

— Ее позвал к себе дедушка Александре. Он сказал, что у него гости, — ответил Коки и, смущаясь, взглянул на Константино.

«Как это со мной случилось, что я напомнил ему о погибшем сыне», — пожалел Константино. Он улыбнулся мальчику и похлопал его по плечу.

— Ну-ка, покажи нам свою школу, молодой человек.

Осмотром он остался недоволен.

— На скорую руку отремонтировали! — сердито бросил Константино, делая какие-то пометки в блокноте.

— Мы строим новую школу!

— Я знаю! Но она будет готова только через три-четыре года. Нужно было старую ремонтировать так, чтобы через год не понадобилось все делать сначала. А то ведь в стенах щели, окна как следует не закрываются, стены в дельской все в разводах, пол скрипит. Вы что, досок для школы пожалели так не годится! А Екатерина довольна ремонтом?

— Она ничего не говорила, — ответил Гуласпир и отвел взгляд.

— Как же так, товарищ Гуласпир, за такое дело взялись, а школьное здание не можете прилично отремонтировать? А говорили, что бригада с утра и до ночи усердно работала, и рабочие очень устали! Отдыхать им дали! Да еще целую неделю! Ну, ладно, пусть отдыхают! А когда ваши хваленые строители наберутся сил, приведите их опять в школу, и пусть они то, что сделали спустя рукава, переделают заново. Мое задание передайте лично бригадиру строителей... Учтите, я приеду и проверю исполнение.

Стало очень жарко, и только в тени лип еще стояла приятная прохлада.

— Посидим, — сказал Константинэ и, расстелив на траве носовой платок, сел.

Отсюда все Хемагали было как на ладони.

Мысли Константинэ: «Огромная деревня. Я не думаю, что в нашем районе есть другая такая... И чуть было ее не загубили! Плодородная почва, здоровый климат, родники, фруктовые сады, виноградники, леса... Старики спасли! Большая Екатерина, Чапичадзе и Кикнавелидзе... А вот Джиноридзе изменили своей деревне. Да, да, изменили...»

Воспоминание о Джиноридзе навело Константинэ на мысли об итхвисском совхозе.

— Виноградной лозы вы сколько посадили? — словно между прочим поинтересовался он.

— Пять тысяч.

— Каких сортов?

— Алиготэ и цидка. Немного таквери.

— А в будущем году?

— В будущем? — Гуласпир задумался, а потом с гордостью ответил: — В будущем году двадцать тысяч!

— Двадцать тысяч? Что-то многовато, не осилите! — Константинэ затынулся сигаретой.

Мысли Гуласпира: «Двадцать тысяч много? Почему двадцать тысяч за год много, если четыреста тысяч... да, в Хемагали будет посажено всего четыреста тысяч саженцев винограда. А в итхвисском совхозе только сорок тысяч! Нет в Итхвиси больше земли под виноград, и все! А посмотрите на нашу деревню, товарищ Константинэ! У нас не меньше четырехсот гектаров прекрасной земли под виноградники. Вот и давайте подсчитаем!»

— Наше хозяйство будет комплексным...

— Знаю, — сказал Константинэ. — Я сам присутствовал в министерстве на заседании.

— Тута отошла на третье место.

— И это тоже я знаю. На первом месте виноград, на втором месте — фруктовые деревья и на третьем — шелковица. В Херге будет построена шелкопрядильная фабрика, в Хемагали — винный завод

— С тех пор, как виноград и фрукты стали выращивать на равнине, вы же знаете, они потеряли свой вкус и питательность. Их нужно вернуть в горы... Сравните-ка наш виноград с тем, что растет в долине Риони, хемагальские фрукты с хевисцальскими!..

— Значит, четыреста тысяч саженцев винограда? — вернулся к прежнему разговору Константинэ. — Это значит в десять раз больше, чем в Итхвиси?

— А хемагальское хозяйство возникло после итхвисского, — улыбнулся Гуласпир.

Константинэ взглянул на часы.

— Поехали. Уже первый час, — сказал он.

Они встали, и тут же, как приветственный салют, раздался звук заработавшей на лесопилке динамо-машины. Сначала было похоже, что несколько раз выстрелили из кремневого ружья, и затем последовало оглушительное дребезжанье.

Перевод Татьяны СОКОЛОВОЙ-РУХАДЗЕ

МНОГООБРАЗИЕ И ПОИСК

ВСЕ ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ грузинская проза уверенно набирает высоту. Ей уже под силу соперничать «на равных» с грузинской поэзией, заслуженно завоевавшей не только всесоюзную, но и мировую известность.

Литературная продукция минувшего года — яркое тому свидетельство. Она демонстрирует жанровое и тематическое многообразие грузинской прозы, которая становится все более интересной, современной и актуальной, обретая новые, но не теряя исконно присущие ей черты.

Именно эти тенденции прослеживаются на конкретных, наиболее определяющих ее сегодняшнее лицо образцах писателем Ростомом Бежанишвили, выступившим на состоявшемся в Союзе писателей Грузии обсуждении грузинской прозы за 1973 год. Это выступление положено в основу его статьи, которую мы и предлагаем вниманию читателя.

И СНОВА РАССКАЗ...

В последние годы наших беллетристов одолела, если можно так сказать, «романомания». Как опытными мастерами, так и молодыми авторами пишется множество романов.

И если раньше отмечалось отставание этого монументального жанра прозы, то ныне положение в нашей литературе в данном отношении коренным образом изменилось. В грузинской прозе почти господствующее положение заняли роман и повесть, оттеснившие на второй план рассказ, традиция которого в грузинской литературе имеет солидный возраст, равный пятнадцати столетиям.

На протяжении последнего десятилетия и у нас, и за рубежом на многих симпозиумах и литературных диспутах горячо обсуждался вопрос об «отмирании» романа. Однако дальнейшее развитие литературы показало, что мы слишком рано отслужили панихиду по нему, не заметив при этом, как «похоронили» рассказ. Он незаслуженно предан забвению, и это стало причиной того, что некоторые писатели предпочитают писать толстые романы. А ведь такие рассказы, как «Маттео Фальконе» Проспера Мериме, «Господин из Сан-Франциско» Ивана Бунина или «Нсвинный Абдула» Михаила Джавахишвили, не уступают по своему значению многим произведениям крупных форм, рядом с которыми наряду с повестью вновь должны занять место полноправных жанров рассказ, новелла, миниатюра, этюд, эскиз... Все они исключительно интересны и ничуть не хуже выражают мысль автора, чем роман или эпопея. Вспомним хотя бы такие миниатюры Нико Лордкипанидзе, как «Грузия продается» и «Звон».

Поэтому в первую очередь я и остановлюсь на рассказах, увидевших свет в минувшем году и свидетельствующих о жанровом многообразии нашей прозы. Некоторые из них еще раз убедили нас в том, что этот жанр живет, набирает силу, меняет форму и структуру, обретает много новых черт, благодаря чему становится более привлекательным, обещая доставить читателю большое эстетическое наслаждение.

Возьмем хотя бы два маленьких рассказа Серго Квдиашвили — «Майко» и «Татарочка Фатима». «Майко» — это «чистый» рассказ. Я не случайно употребил это слово. Об одном из персонажей своих «Разоренных гнезд» Н. Лордкипанидзе сказал, что ему даже во время потопа нельзя было подать грязной руки. Такое же чувство овладевает, когда читаешь «Майко» С. Квдиашвили. Писателем передан беззаботный разговор по телефону маленькой девочки и пожилого человека. Сколько в нем тепла, нежности, жалости к ребенку, живущему в городе, лишенному возможности побегать на воле и пошалить! Как радуется автор, что Майко на месяц повезли в деревню, где светит большое яркое солнце и поэт взлетевший на забор петух, где игры и смех, каких в городе никогда не увидишь и не услышишь!

Героиня второго рассказа тоже девочка — пятнадцатилетняя татарка Фатима. Рассказ — это и воспоминание, и экскурс в прошлое — пронизывает тихая грусть. В нем чувствуется горький дымок перегоревших чувств. Привлекает также предельно экономное использование слов, пластическая манера письма. Вот как точен и образен, например, этот пейзаж: «Накануне января установилась холодная погода. Ветер часто нес с гор снежинки. По утрам показывалось тусклое, ржавое солнце. Взобравшись на склон горы, оно, не имея больше сил, мерцало там желтым пятном. Но скоро тепло, а потом, до наступления вечера, окрестности стояли, окутанные серостью и грустью. День был короткий, но все же бесконечный». И это настроение, и зимнее желтое солнце, и серый цвет зимы — все переходит в грусть, а грусть выливается в серый цвет, которым окрашен этот короткий зимний день, никак не кончающийся; потому что освещен желтым, грустным солнцем. Тихая грусть рождает ощущение чистоты, навеивает невинные воспоминания. Происходит тот чудодейственный катарсис, который Аристотель считал главной целью трагедии и который вообще является основой истинного искусства.

Григол Чиковани познакомил нас в прошлом году со своим новым рассказом из одишского цикла. Называется он «Братья» и посвящен годам Великой Отечественной войны. Как известно, более двадцати процентов населения нашей республики сражались тогда на фронтах. Многие не вернулись домой. Не случайно в Грузии нет села, где не стоял бы памятник в их честь. А на каждом памятнике — сотни фамилий погибших воинов.

Эта драматическая пора и отражена в рассказе. В нем показана жизнь маленького села в годы войны. На его примере видно, какие трудности и жертвы терпели люди в тылу во имя победы. Это был тоже фронт — фронт труда и мужества.

Эта мысль получает выражение в описании встречи двух молодых людей — Ноу и Цотне, которые давно любят друг друга. Но робость не позволяет им признаться в своих чувствах.

Писатель крайне сдержан, но исключительно образен в описаниях пейзажа, переживаний персонажей. В этом рассказе он порадовал нас подлинными психологическими находками. Остановимся на некоторых из них.

По мокрой после дождя дороге идут Ноу и Цотне. Вместе они оказались впервые. Вот как описана эта сцена: «Вышли на дорогу. Шли тихо, настороженные и смущенные первым прикосновением, первой близостью, первым теплом. На дороге лужи стояли еще более широкие и глубокие, но они не обходили их, чтобы не отдаляться друг от друга». Здесь все найдено точно, нарисовано пластично. И мы верим в любовь молодых людей, для которых желание близости сильнее всего.

У Цотне два брата — на фронте. Извещение о гибели одного из них уже получено. И юноше кажется, что дома он найдет второе такое извещение. Он ничего не говорит о своем предчувствии Ноу, только намекает на него. Девушка предлагает проводить его до дому. Цотне отказывается, ибо, если согласится, должен поверить в свое предчувствие. Вот Ноу и Цотне подошли к мосту, перекинутому через реку. За мостом — дом Цотне. На мосту нет досок, но они шагают смело, так как опасность не здесь. Главное — какое известие ждет их там. В это время из дома Цотне доносится крик. И вот как пластично и психологически точно пишет об этом писатель: «Ноу и Цотне остановились. Все вокруг погрузилось в безмолвие: река, ветер, деревья словно замерли. И только крик и причитания были слышны».

Вопреки ожиданию читателя, Цотне не ведет Ноу к себе домой, чтобы своим присутствием она облегчила его горе. Это момент наибольшего психологического напряжения, и тут даже одна фальшивая нота может разрушить всю правду чувств, сделать рассказ мелодраматичным и неубедительным. И писатель находит единственно верную и оправданную психологическую основу пове-

дения Цотне: «Ноу не стала спорить. Она поняла, что Цотне не хочет, чтобы она была его утешительницей. Он не хотел утешения. И какое может быть утешение! Нет Кичи, не стало Учаны. Чем можно сейчас утешить Цотне?»

Сила искусства в том, что мы верим этим простым словам. Но психологическая мотивировка поведения Цотне этим не ограничивается. Писатель замечает, что Цотне «повернулся и тяжелой походкой зашагал по дороге. Тяжелой не потому, что устал, и не потому, что не хотел скорее узнать то страшное известие, — что случилось, то случилось, и никакая сила, никакое providение не могли уже ничего изменить. Он шел тяжелой походкой потому, что не мог посмотреть в глаза матери и отцу». Думаю, этим все сказано. Это — трагедия, переданная предельно образно. Тут мы действительно имеем дело с подлинным мастерством.

В том же рассказе есть одна простая, но о многом говорящая деталь, ибо на нее возложена особая миссия. Григол Чиковани пишет: «Все село оплакивало Кичи. Плакали ночью, днем всем — и женщинам, и мужчинам — плакать было некогда». Разве такая ситуация — не тот же фронт? В этом и состоит гражданский пафос рассказа, так превосходно выраженный писателем.

Если в рассказе Г. Чиковани нас привлекла убедительность и точность психологических мотивировок, приведенных писателем деталей, несущих большую смысловую нагрузку, мастерство описания, то для новых рассказов Реваза Инанишвили («Большая Дали», «Товла», «Мамы», «Лома и Никора» и другие) характерна верность фактуре. Он пишет в основном о деревне, которую хорошо знает. И поэтому никогда не скажет «подал воду», а заметит, что «утром черепичные крыши этих домов пахнут водой, поданной в глиняном кувшине у сельского родника». Чтобы это увидеть, нужен острый и наблюдательный писательский глаз.

Р. Инанишвили живописует словами. У него вы не найдете ни лишнего сравнения, ни злоупотребления эпитетами. Нарисованная им картина всегда рельефна: «Лежа на огромной белой подушке, натянув одеяло до подбородка, он казался еще более маленьким, чем был на самом деле. На покрасневшем от жара и стыда лице трепетали прозрачные ноздри, но глаза были спокойные, настолько спокойные, что казалось — он вообще не моргает».

Писатель хорошо чувствует богатые возможности грузинского глагола, неисчерпаемость его нюансов. Обычную мысль о том, что девушки, закончив работу, наряжались в праздничные платья и туфли, причисывались и выходили на дорогу, Р. Инанишвили выражает переливом нюансов, когда первостепенное значение придается тончайшим оттенкам глагольной выразительности, благодаря чему незаметно для читателя создается необходимый колорит: «Девушки охладели и домашним делам, и если что-нибудь да делали, то глаза их все равно убегали в сторону дороги, чтобы взглянуть на тех, кто прошел. Кое-как справившись с делом, влезали в праздничные платья, босыми ногами втискивались в туфли на высоких каблуках, в спешке расчесывали волосы, помаду на губы тоже мазали, но не густо, нерешительно и выходили на большую дорогу».

У Р. Инанишвили — поистине кинематографический глаз. Он рисует эпизод так, словно видит его через камеру оператора. И при этом точно рассчитывает его метраж. Проспер Мериме предупреждал — описывайте смерть, но только без фраз. Какой хороший и профессиональный совет! Действительно, нет для писателя большего недостатка, чем обилие слов там, где необходима предельная их экономия. И тут нужны не только мастерство, но и глубокое знание психологии. Известно, что для восприятия любого явления нужно столько же времени, сколько и для оформления его в познавательную информацию, то есть — десятки доли секунды. Р. Инанишвили психологически остро ощущает время, необходимое для выражения каждого конкретного эпизода. В рассказе «Товла» он, например, показывает обманутую девушку, решившую покончить жизнь самоубийством: «Товла только раз взглянула, пошатнулась и побежала к оврагу. Мзеха бежала за ней и кричала: — Не губи, Товла! Не губи, дочка, не губи! — Соседи тоже побежали вслед за ней, но никто не смог догнать восемнадцатилетнюю девушку. Они собственными глазами увидели, как достигла она края обрыва, как кончилась у нее земля под ногами и как полетела она вниз, словно царапая воздух руками. На дне оврага лежали огромные валуны, между ними текла мутная вода и никакого звука оттуда не доносилось».

Здесь нарисовано только действие, только то, что можно видеть и что видим мы, зрители этой сцены. Мы не знаем, о чем думала в те минуты Товла, хотя можем представить это. Но такие представления и такое домысливание излишни в столь драматической ситуации. Лучше всяких представлений, философских сентенций, сентиментальных чувствований и фраз эту ситуацию выражает дина-

мизм самой сцены: восемнадцатилетняя девушка бежит, чтобы покончить жизнь самоубийством! Писатель не говорит, как быстро она бежит. Он доверяет интуиции читателя. Может быть, Товла вообще бегала плохо, но в эти роковые минуты ее не смогли догнать потому, что она была опозоренной и отчаявшейся вушкой, которая хотела умереть. Такого человека догнать трудно, ибо тот, кто гонится за ним, возбужден не так сильно, как решившийся умереть.

Однако нельзя утверждать и то, что персонаж Р. Инанишвили фанатично, патологически жаждет смерти. Тогда мы, бесспорно, почувствовали бы психологическую фальшь, ибо восемнадцатилетняя девушка, как бы она ни была разочарована в жизни, не может ее не любить. Писатель знает это и потому предлагает нашему вниманию такой штрих: Товла полетела вниз, «словно цараяя воздух». Отчаявшаяся Товла не думала о жизни до того момента, пока «земля не кончилась под ногами», но когда догадалась об этом и полетела в пропасть, это ощущение заставило ее закричать — она уже не хочет умирать, ведь жизнь была так сладка... Почувствовав все это, Товла и полетела вниз. «словно цараяя воздух». Такова переданная словами психологическая достоверность, хорошо продуманная и рассчитанная. Она — основа мастерства Р. Инанишвили.

ВТОРОЙ ПЛАН ЮМОРА

У Нодара Думбадзе мало рассказов. В основном он автор романов. Но какой бы из них мы ни взяли — будь то «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце», «Солнечная ночь», «Не тревожься, мама» или «Белые флаги», — везде писатель «кружит» над какой-то особой темой. То это судьба приехавшего из деревни в город парня или его искренняя, честная любовь, то беззаботное студенчество, то стоящий на страже Родины юноша, то круг рецидивистов... Но о чем бы во всех этих романах ни шла речь, всюду присутствует тонкий юмор и один центральный герой — наш молодой современник. Я не знаю сегодня другого такого писателя, который тематически был бы столь же актуален, как Н. Думбадзе. Каждый его новый роман — определенная ступень духовного формирования нашей молодежи, будь это Зурикела, Сосоя или Авто Джакели.

Каждая книга Н. Думбадзе предельно достоверна. Он пишет о том, что хорошо знает. А хорошо знает потому, что пишет свою жизнь. Его не смущает, что Зурикела и Сосоя порою, может, и несколько неотесанные ребята, но они выражают национальный характер, они замешены на грузинской земле, это не притаскиваемые за уши из книг зарубежных авторов манекены, пересадить и привить которые на грузинской почве, вопреки старательным экспериментам некоторых авторов, никак не удастся.

Особо следует сказать о юморе Н. Думбадзе. Его юмор — чистый, иногда чрезмерный, доходящий до гротеска, но в целом пронизанный теплом солнечных лучей. Это не персонажи его смеются над жизнью, а сам писатель видит ее в определенном ракурсе. Хотя при этом возникает одна опасность. Юмор имеет силу тогда, когда сопровождается мотивом философской грусти, когда автор не только развлекает и очаровывает смешными ситуациями, но и заставляет задуматься над более значительным, находящимся за гранью беззаботной шутки. Именно такой способностью обладал Давид Клдиашвили. Вспомните его героев — Соломона Морбеладзе, Платона и Бекина Саманишвили, Камушадзе и Дариспана... И хотя в них столько смешного, жизнь этих типажей в целом, их отношение к действительности — не смешное, а трагическое. В этом и состоит парадокс: теплый юмор, внешне наивное высокомерие «осенних дворян», возвышаются до больших человеческих проблем, до философских обобщений, до взаимоотношений между человеком и жизнью. Разве Соломон Морбеладзе только «осенний дворянин»? Разве его последний монолог, где он жалуется: «обманул я, обманули меня и завтра еще один обманутый пожалует в мой дом... И все это из-за пустого желудка» — предмет раздумий только для Соломона и его эпохи? Нет, здесь гораздо большее, здесь поднята проблема вечного недовольства человека, «ненаполняющегося чрева» и, возможно, дилемма бытия с помощью внешне простой, юмористической формы. Поэтому смело можно сказать, что типы Д. Клдиашвили такие же общечеловеческие, как герои Важа Пшавела.

Я вспомнил обо всем этом потому, что персонажам Н. Думбадзе не хватает того второго плана, который присутствует в творчестве Д. Клдиашвили. Второй план юмора — это подтекст, философская основа. А основа юмора — это грусть; здоровая грусть, если можно так сказать, философское осмысление жизни.

Юмор, не имеющий второго плана, содержит опасность упрощения проблемы. Это почувствовал сам Н. Думбадзе, замечательным примером чего и является его рассказ «Дидро». Он относится к произведениям того же стиля, кантам, как и писаны другие его романы и рассказы. Но здесь имеется четко выраженный второй план. Осмеянный всей деревней Дидроя, который и раньше не отличался умом, вообще оглушел от бесконечных насмешек сельских балагуров. И именно он должен стать новым человеком. Это очень сложная проблема, и к чести Н. Думбадзе надо сказать, что он не побоялся за нее взяться. Дидроя — не отстающий колхозник, не служащий, которого должны воспитать, исправить, наставить на путь истинный. Дидроя обособлен от людей, которым он кажется животным. Его почти никто не жалеет, кроме писателя и читателей. И то — только вообще как человека, поскольку, вопреки всем несчастьям, он добр — никогда не швырял в ребят камень, специально спрятанным в кармане, готов все делать, работать за десятерых и ничего не просит за это. Только об одном молит Дидроя: пусть над ним не смеются. Дидроя — раб, валяющееся в грязи животное, но он готов вынести все, лишь бы над ним не издевались, так как, несмотря на все бедствия, не утратил главного человеческого чувства — чувства достоинства.

Позиция писателя проста: Дидроя — человек, и не смеяться над ним надо, а поставить на ноги, протянуть руку дружбы и помощи, быть к нему благожелательным. Это и есть второй план рассказа, второй план юмора. Именно этим он и силен.

В жизни любого человека наступает момент, когда он сводит счеты с действительностью. И поскольку Дидроя — человек, в его жизни тоже настала такая минута. Он подхватил корзину, полную чайного листа, которую едва ли смогли бы поднять даже четверо мужчин, и донес ее до приемного пункта. Здесь главное не то, что Дидроя поднял большой груз; тяжелоатлеты поднимают еще больший, и в этом никто не усматривает особого героизма. Своим поведением Дидроя показал деревне, что в силах сделать то, чего никто не может. Поэтому, если у сельчан есть совесть, они должны простить его слабоумие и не насмехаться над ним, то есть признать в нем человека. И действительно, так и произошло. Но было уже поздно — Дидроя умирал. Он выиграл в пари и те брюки, которые так сильно хотел иметь, но, умирая, уже не желает их надевать и платить за них деньги, накопленные на протяжении многих лет. Дидроя полностью рассчитался с жизнью. Он догадался, что тоже, оказывается, человек, и за те несколько минут, когда почувствовал это, понял и поверил, что теперь уже никто не будет над ним смеяться, что он равный среди равных.

Очень сильно сделан финал рассказа, только несколько длинным кажется монолог Дидроя, поскольку логика его мышления чрезмерно контрастирует с тем Дидроя, которого мы знали на протяжении всего рассказа. Изменился комплекс его психологических ощущений, но мышление, как явление более консервативное, не могло измениться так быстро. Совершенно достаточно было уже и того, что он почувствовал себя человеком и поверил, что над ним не будут больше смеяться. Остальное — дело читателя.

Опубликованные в прошлом году в «Дискари» «Голубые мосты» Резо Чешвили — это сильный, проблемный рассказ, бичующий равнодушие. Каждый абзац здесь исполнен живого юмора, но читателя одолевает грусть, поскольку за этим юмором писатель рисует бюрократический аппарат, настолько выхолощенный и опустошивший людей, что они превратились в машины с запрограммированными цинизмом и ложью.

Сосо Анчибадзе ходит по комнатам большого учреждения и просит всех прочитать его «Голубые мосты». Все обещают и все обманывают: или экземпляр потеряли, или не поняли прочитанного, или отсылают его к коллеге, или бессовестно лгут. Короче, делают все возможное, чтобы избавиться от Сосо Анчибадзе.

Писатель пластично лепит эпизодические образы. Достаточно персонажам этого рассказа произнести даже одно слово, и мы уже видим их. Все заняты своим личным делом, у каждого своя забота, никто не слушает Сосо Анчибадзе, никого не трогают его мучения, все обещают ему помочь, будучи заранее уверенными, что обманут его. Во время обсуждения рассказа они мнуты, потому что никто его не читал, и пытаются прикрыться тем, что сказал другой.

Чтобы дать представление о характере юмора Р. Чешвили, о его втором плане, я приведу из рассказа один абзац: «Сосо сказал: если не обидишься, дай мне этот экземпляр, я его передам Васо, он даст мне свой, его экземпляр я отдам Белле, Белла даст свой, и я принесу его тебе».

Писатель бичует чиновничью душу бездельников, обосновавшихся в различных инстанциях государственного аппарата. Они не протягивают руку помощи Сосо Анчибадзе, а наоборот, всеми правдами и неправдами хотят избавиться от него. Они так обленелись от безделья и лжи, что уже не способны вернуться к нормальному мышлению и поведению.

Гражданский пафос «Голубых мостов» Р. Чеишвили весьма актуален. Он направлен на разоблачение той атмосферы, которая до недавнего времени царяла в иных учреждениях нашей республики и которая, увы, пока еще не везде изжита. Название рассказа весьма символично. Голубые мосты — душевный порыв Сосо Анчибадзе, его мечта, попытка установить контакты с людьми, но чиновничье равнодушие уже в который раз разрушает их. Что может понять, например, Сосо Анчибадзе из такого приговора своих коллег: «Лично я, полностью разделяю общее мнение, в общем и частично согласен с частным суждением и поддерживаю разультаты, вытекающие из общего арифметического высказанных здесь предложений». В этом психопатологическом лабиринте должны проложить себе дорогу голубые мосты Сосо Анчибадзе. Но он понял, как трудно это сделать...

СО ЗНАНИЕМ ЖИЗНИ

Одной из вредных тенденций нашей критики все еще является замалчивание творчества некоторых писателей. Что бы они ни писали, их просто «не замечают». Примером такого «замалчивания» может служить отношение критики к творчеству Отара Чиджавадзе. Мы знали его раньше как драматурга, но в последнее время он опубликовал несколько прозаических полотен и среди них — «Самоубийц».

Чем же привлекает внимание это произведение О. Чиджавадзе? В первую очередь искренностью. Роман интересен также и своим материалом. Но главное в нем все же не то, что автор — сам непосредственный участник описываемых событий, а то, как он рисует покинувших родину и сбежавших на чужбину юношей, их повседневную жизнь, самоотверженный труд и борьбу с нищетой, полный крах их политических иллюзий.

О. Чиджавадзе хорошо знает жизнь в зарубежных странах. Он сам жил там. Поэтому в его романе нет музейной и развлекательной экзотики. Писатель описывает жизнь тех людей, которые стремятся найти кусок хлеба и здравый смысл, поэтому ему не до снобизма пресыщенного салонными наслаждениями человека. Он одинаково рельефно изображает и работу на шахте, и борьбу за содранные в публичном доме лишние франки, и грузинских эмигрантов, и холодность, равнодушие представителя меньшевистского правительства. Тут все верно, реально, без ложного псевдопропагандистского агнотажа и иллюзорности, ибо такая позиция противоречит подлинному знанию жизни и ее честному отображению.

Грузинские эмигранты — люди, опустившиеся на дно парижской жизни. Они весь вечер сидят в кафе, не имея денег даже на кружку пива, грабят водителя такси. Но стоит появиться даже малейшей возможности заработать деньги, как выясняется, что они просто не в состоянии выступить в роли студентов или унижаться перед богатым американцем.

В романе несколько сюжетных линий, позволяющих четко различить две группы эмигрантов. Если первая по ошибке попала за границу и остро переживает жестокость этого рокового шага, то вторая — пытается найти своего рода этическое оправдание своему поступку. Направленность личностных судеб этих персонажей имеет определенную перспективу. Нравственно чистые в конечном счете поймут свою ошибку и, находясь даже в эмиграции, свяжут свою жизнь с борьбой простых людей за свободу, а возможно, вместе с истинными патриотами отправятся на помощь Испании или в годы мировой войны встанут рядом с борцами французского Сопротивления.

Иначе сложится судьба другой группы эмигрантов. Они окажутся в стороне от общества, от борьбы за светлые идеалы человечества и, изолированные, наверное погибнут в презрении. Среди множества драматических эпизодов романа есть и такой: Гедеон и Отар голодают, они вынуждены пойти мойщиками в гараж. Условия тут нечеловеческие. Начав работать, они узнают: в гараже забастовка и французские рабочие считают их штрейкбрехерами. Как только Гедеон и Отар поняли свою ошибку, которую совершили по недоразумению, они тотчас же оставляют работу, ибо быть штрейкбрехерами для них страшнее, чем заболеть чумой. Это — свидетельство их моральной чистоты, а также верности писателя своей интернациональной ответственности. Французские же рабочие, как только убедились в невинности Отара и Гедеона, сра-

зу подружиться с ними и даже угостили их на свои последние гроши. Такая интернациональная гражданская ответственность и сегодня исключительно актуальна.

Этот роман О. Чиджавадзе еще раз подтверждает тот неоспоримый факт, что предпосылкой создания хорошей, убедительной книги является глубокое знание жизни. Пожалуй, пора уже и критике воздать каждому писателю, в том числе и автору «Самоубийц», по достоинству...

И наконец, о названии романа. Хотя слово «самоубийцы» и выражает познавательный пафос произведения, не обязательно, думается, было использовать его для названия. Можно было для этого взять обозначение другого, парадоксально-противоположного мира воображения. Время, когда Спиридон назывался Мциришвили, а роман, написанный о Руставели, именовался «Сталью», миновало в литературе.

Хотелось бы, чтобы при издании романа книгой автор изменил это название, тем более что у его героев гораздо более многоплановая жизнь, чем это может выразить такое прямолинейное и жесткое слово, как самоубийцы.

МИФ И ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ

Время физически ощутимо, а пространство подвластно только воображению. Отображение писателем определенного отрезка времени и его гражданского пафоса не всегда предполагает и отображение физического времени. Писатель может нарушить эти законы, перенести время в пространство и опираться на миф. Но это крайне опасно и сложно, так как очень легко перейти на рельсы фантастики, даже больше, власть в сказочность или оказаться в плену у мифа.

Такие мысли возникают, когда читаешь роман Отара Чиладзе «Шел человек по дороге». Интересно, что один из наших талантливых поэтов, наделенный огромным поэтическим воображением, написал столь большое прозаическое произведение. (В нашей действительности не было случая обратного порядка, чтобы романист написал стихотворение).

Так же как О. Чиладзе, пришли в прозу Н. Думбадзе, Т. Чиладзе, А. Сулакаури, А. Гецадзе и другие. Когда поэт пишет роман, меняется не только его жанровый почерк, но и формы отношения к миру и явлениям. В поэзии О. Чиладзе всегда ощущалось сильное тяготение к мысли, к поиску, к слову, и естественно, что оно, наконец, претворилось в роман. Поэтому, несмотря на внешнюю неожиданность, это было в то же время логично. Переключение на новый для него жанр, к тому же на большой роман, требует серьезного и внимательного, специального изучения и анализа. Здесь же мы скажем лишь об общем впечатлении об этом романе, коснемся некоторых его структурных сторон.

«Шел человек по дороге» — философский роман. В грузинской прозе нет традиции не только романа такого вида, но и рассказа. Это следует особо подчеркнуть, поскольку философский роман в корне отличен от бытового, эмпирического и к нему следует подходить с совершенно иной меркой. Не случайно в статье Л. Саникидзе, опубликованной в журнале «Мнатоби», была сделана ссылка на грузинскую и греческую мифологию, на мифологический мир средневековья, на культуру эпохи Возрождения и на фоне этих больших достижений предпринята попытка разобрать роман О. Чиладзе.

Мы стали свидетелями уникального эксперимента. Грузинский миф, который давно доминировал в литературе других народов (Еврипид, Сенека, Корнель), впервые стал предметом внимания грузинского писателя.

Роман О. Чиладзе — итог нового, современного прочтения, опирающегося на определенную философскую систему, древнего грузинского мифа. Состоит он из трех частей: «Айет», «Бестолковый» и «Парнаоз». Каждая часть — отдельная повесть. Первая часть имеет и фабулу. Это — современное прочтение мифа «Золотое руно», поиски его корней и опирающаяся на него художественная образность.

Роман представляет собой эническое течение ассоциаций, символов, сложных поэтических образов, где драматизм (особенно в первой части) не в сюжетных коллизиях, поскольку и сюжет, и фабула опираются на известный миф, а в искусстве парадоксального построения мысли, в эмоциональной и психологической внутренней структуре фразы, в ее динамике. Здесь необычны не события, сюжет нарочито замедлен, «снят» так называемой замедленной съемкой. Необычно само повествование события, характер мышления автора, структура художественных образов.

В романе слово само создает ассоциацию, а она делается конкретной в слове; при этом время, бытовая фактура уже не имеют существенного значения.

С помощью такого стиля писатель и достигает главной цели. О человеке, о жизни и бессмертии народа рассказано с большим артистизмом, с парадоксальными отступлениями, с беспредельной откровенностью.

Каждая фраза здесь — образная картина. Эти картины поражают не только красотой, а точностью и красочностью. Логика и взаимосвязь их создают красоту каждого эпизода, сцены или коллизии.

Роман мозаичен. Каждая деталь в нем имеет свою функцию, а в целом они «работают» на создание общего настроения.

Большинство персонажей символичны. Баха не только торговец вином, он выражает еще и эпикурейское начало. Бочия и Потола со своими бесчисленными детьми — единоборствующая со смертью жизнь. У мужа и жены есть дети, которые выглядят старше них, а сами они остаются вечно молодыми. Фрикс — подверженный ностальгии юноша, которого погубило это чувство, Афрасион — мечтатель, влюбленный в иллюзии, поэтому он и погибает, Кариса — воплощение тщеславия, это чувство ослепило ее: связав свою судьбу с Фриксом, она не смогла отказаться от него и, наконец, покинутая мужем и детьми, разделила скапсиз короля Лира. Единственный ребенок Айета, наделенный полным комплексом человеческих качеств, — это Медея. Но именно она из-за любви погубила отца, пожертвовала родиной, именем и славой. Медея чувствует роковую сущность своего шага, но все же смело идет по кровавой и терновой дороге.

Стиль романа — блестящий, яркий, поэтому почти не чувствуется полное отсутствие такого важного его структурного элемента, как диалог. Но отказ от него все же чреват двойкой опасностью: это может отяжелить стиль, в худшем же случае он станет скучным и монотонным. В произведении О. Чиладзе эта опасность не заметна, ибо диалог заменен динамизмом повествования, внутренней красочностью фразы. В более широком масштабе роман представляет собой диалог писателя и читателя. Вместе с ним автор вглядывается в миф и его основы. Этот психологический анализ ни на минуту не снижает внимания читателя. Пробуждая его любопытство, он вместе с тем открывает те клеточки памяти, где сохранена соответствующая информация. Поэтом книга эта рассчитана на эрудированного, в хорошем смысле слова, читателя. Тому же, кто обычно ищет в романе напряженный сюжет и драматическую интригу, она может показаться скучной и неинтересной. А сюжет романа О. Чиладзе можно пересказать в нескольких фразах, так как не он здесь главное. Главное тут — отношение писателя к мифу и к действительности. В этом отношении роман «Шел человек по дороге» — явление, необычное в грузинской прозе.

Роман не содержит глав в обычном понимании. Здесь есть лишь редкие паузы после длинных периодов. А в такой толстой книге, где читатель к тому же следует не за сюжетной канвой, а за мысленными отступлениями, ему необходима передышка, даже не физическая, а эмоциональная, нужно время для осмысления, понимания и анализа прочитанного. Нужна настоящая пауза, которая не только формально отделяет одну главу от другой, но и имеет свою сюжетную функцию. Такой паузой может быть пейзаж, диалог и множество других структурных приемов. Каким бы интересным ни было рассуждение, последующий эпизод обязательно должен стать «разгрузочным», чтобы читатель мог отдохнуть для восприятия следующей психологически напряженной и в смысловом отношении сильной сцены. Так написаны «Шагреновая кожа» и «Неведомый шедевр» Бальзака.

Писатель рассуждает о справедливости и несправедливости, честности и коварстве, долге и предательстве, любви, вере. Все эти рассуждения имеют верную направленность и правильный философский подтекст. Но роман — это же не только рассуждение! Не получив конкретного воплощения в действиях персонажей, оно может и не выполнить своей эмоциональной задачи, поскольку мы имеем дело с художественным произведением, а не с философским эссе.

Если в первой части Айет все же — явный или тайный участник всех разгравшихся коллизий и, что самое главное, имеет свою судьбу, то во второй — воин Бестолковый не смог стать главным героем, направляющей силой, фокусом, концентрирующим вокруг себя эпизоды и персонажей. В третьей части писатель возвращается к поэтической красочности первой части, в его фразе вновь появляется глубина и динамика, так называемый фразеологический микрокосм, что является структурным элементом этого романа и помимо смыслового и содержательного значения имеет самобытную красоту и привлекательность.

Сложный, символический, сумбурный мир соседствует в романе с реалистической манерой письма. В произведении такого типа это вполне закономерно. Ибо искусство — та же действительность, но построенная на художественных образах. И об этом нам еще раз напоминает роман О. Чиладзе.

Трудно говорить о романе, который автор намерен выпустить в трех книгах, а читатель пока знаком только с первой. В трилогии первая книга обычно является экспозиционной частью. Роман Реваза Джапаридзе «Тяжелый крест», который вышел недавно, подтверждает это соображение. Как опытный писатель, Р. Джапаридзе, надо полагать, создаст в последующих книгах много неожиданных ситуаций, поэтому мои суждения будут касаться только тех общих аспектов исторического романа, о которых можно судить по первой книге «Тяжелого креста», опубликованной после его сугубо современных романов (мы ждали от него второй книги «Страстной недели», которая по изображенной в ней эпохе, по фактуре, по всему комплексу изобразительных приемов обещала быть исключительно современной и нужной).

Композиционно она собрана хорошо. В ее структуре чувствуется рука опытного писателя. Четко выражен образ главного героя — царя Соломона. География романа широка и весьма динамична. Мы видим крепости и перевалы Рачи, Имерети, Мегрелии, Месхети, села и неприступные укрепления, ищем брод через Риони и Цхенисцкали, Ханисцкали и Куру. Широк и социальный круг: князья, феодалы, дворяне, крестьяне, духовенство и т. д. Перед автором стояла опасность подпасть под влияние бытового фона, детализации, которые раньше наблюдались в некоторых произведениях Р. Джапаридзе. В его распоряжении были экзотика, фольклор, сама история и сохранившиеся в памяти народа традиции. Но писатель не пошел по этому соблазнительному пути. В романе все подчинено одной основной теме — попыткам царя Имерети Соломона вернуть не только законный престол, но и имя, восстановить царство, его единство, истребить внутренних врагов, чтобы развязать руки для борьбы с внешними врагами, которые разоряли край, угоняя в рабство людей, обкладывая народ оброком.

Когда роман «Тяжелый крест» будет завершен, первая книга, видимо, станет экспозицией трилогии, хотя здесь мы уже знакомимся с достаточно драматическими ситуациями царствования Соломона. В финале первой книги читатель видит его начинающим победоносное шествие к тому имени, которое сохранила за ним история. А пока перед нами затравленный царь, пожертвовавший даже своей любимой женой ради интересов государства, будущего страны. В конце первой книги Соломон действительно становится таким, каким напроорочил себе быть в беседе с братом, митрополитом Иосифом: «Отныне я уже не мужчина, не человек. Что было человеческое, сегодня навсегда утратил, убил в своем же сердце... С сегодняшнего дня пусть остерегаются все, кому жить не надоело! Знай, я не буду избегать кровопролития. Если нужно будет, покойника покойником свяжу, все царство от края до края виселицами заставлю. Пусть мои грехи падут на тех, кто меня довел до такого состояния, и во время второго пришествия они пусть тоже ответят богу». Это — целая программа действий, жестокая и бескомпромиссная. Осуществлению ее, видимо, будут посвящены вторая и третья книги.

Все сюжетные коллизии в романе объединены вокруг одного героя, в данном случае вокруг Соломона. Однако такому многоплановому роману надлежит быть еще и полифоничным, поэтому сюжетные коллизии и другие персонажи не могут служить только антуражу. Каждому действующему лицу нужна своя судьба, а для ее создания соответствующая драматическая история, чтобы на их фоне четче вырисовывался образ главного героя. Но пока говорить об этом трудно, так как по существу основную драму романа еще предстоит создать.

Эпически описана картина кончины царя Александра, так же хорошо показаны в этом эпизоде образы Левана Абашидзе и Ростома Эристави, пытающихся захватить царскую власть. Рельефно представлен царь Соломон, который в этом эпизоде, несмотря на молодость, проявляет твердость воли и смелость. Этот правильно найденный характерный штрих впоследствии, к сожалению, теряется. Искренна первая реакция Соломона на предложение Отиа Дадияни. Драматично соперничество Соломона и аргветского владетеля, деда царя Левана Абашидзе. Этого нельзя сказать о беседе Соломона с крестьянином Окроа Брегадзе, остающейся впечатлением искусственности. Крестьянин очень последовательно предлагает царю проект социальных реформ. В этом эпизоде тенденция писателя опережает ее художественное воплощение, кстати, Окроа в дальнейшем нигде не встречается. Хочется надеяться, что наряду с развитием характера царя Соломона писатель покажет в дальнейшем и формирование характера этого крестьянина.

Монолог о защите отечества, произнесенный Соломоном в доме няни перед женой, не в меру патетичен. Царя слушает только Тинати, которая очень лю-

бит мужа и без того его верный единомышленник. Этот монолог предполагает большую аудиторию, а не обстановку интимной близости. Вообще в подобных эпизодах Соломон слишком много говорит о самопожертвовании ради отечества и о преданности народу и так далее. Лучше было бы, если бы эти чувства и стремления ощущались в его действиях.

Тут же уместно заметить, что в историческом романе не обязательно пользоваться языковыми архаизмами, хотя не следует увлекаться и слишком современной лексикой. Хорошо, когда по языку можно почувствовать, что действие происходит в XVIII веке. Это особенно касается диалогов, а не авторской речи. Диалоги должны отличаться от современного грузинского языка хотя бы синтаксически. Необходимо найти такие лексические единицы, которые помогут ощутить историческое время, социальные различия между персонажами. Ведь не могло быть, чтобы царь, католикос, монах, крестьянин, князь, карталинский посланник, ахалцихский паша и одишский феодал говорили одинаково правильно, пользуясь одной и той же лексикой. Необходимо, чтобы в диалогах это различие граничилось особенно четко. К тому же материал, которым располагает писатель (для Одиши, Рачи, Гурии, Месхети и других уголков Грузии характерны свои говоры и языковые особенности), как раз этому и способствует. Но тут нужно большое чувство меры, чтобы создать языковой колорит, а не языковую пестроту.

В первой книге романа показан пока лишь фасад драматических событий, а не кулисы, не кухня, где созревают малодушие и коварство, готовится измена царю и народу. Писатель описывает весьма смутное время в жизни Имеретинского царства, но пороки того времени показаны очень мало и скупо. Они могли быть выражены не только через Левана Абашидзе и Мамия Гуриели, но и должны были найти отражение также в характерах преданных царю людей, поскольку они, несмотря на свою преданность ему, являлись порождением той эпохи. В феодальной Грузии нередко действовали, руководствуясь более низменными инстинктами, дела решались не только теми, кто наделен здравым смыслом. Это можно сказать даже о преданных Соломону людях, поскольку в своих действиях они не могли исходить только из альтруистических побуждений. Правда, они поддерживали царя в наиболее важных делах, но ими владели и свои микрорады, создававшие драматизм особенно глубокого характера.

Очевидно, в последующих книгах читатель почувствует и сомнения, и вынужденные действия, и мудрость Соломона, что и явится практическим испытанием его юношеских представлений. Ведь он — государственный деятель, а о делах государственного значения беседуют не везде...

Есть в романе такой эпизод. Ночью Соломон в сопровождении небольшой свиты идет на встречу с Папуной и Кайхосро Церетели. В книге читаем: «Вид Модинахе совсем очаровал его. С бастионов прославленной крепости открывалось удивительное зрелище...». Потом описаны эти сказочные места, но писатель забывает, что действие происходит ночью, хотя, по его же словам, кругом царит «тьма», «полночь» и, естественно, ничего увидеть нельзя. Через абзац, когда заканчивается описание пейзажа, говорится, что «стояла солнечная погода», но когда рассвело, не сказано. Описание красивого пейзажа предшествует этой фразе и попадает в контекст, связанный с ночью. Хотя это мелочь, но и подобная небрежность портит впечатление от целого... (стр. 171—172).

Принципиальное значение в романе придается беседе Соломона и его брата Иосифа, которого он отправил посланником в Картли и Кахети. Иосиф очень верно и здраво анализирует тогдашнюю политическую обстановку, дипломатические и политические события в Картли, Кахети, Турции, России и во всей Европе, а Соломон показан в роли ученика; он даже не догадывается, почему царь Ираклий не может оказать ему помощь войсками и оружием. Эта беседа увидена глазами современного историка. Все это тогда еще не произошло, а только происходило или должно было произойти. Поэтому даже самые дальновидные государственные деятели могли только предположить это, поэтому и Иосиф не мог быть таким логичным и категоричным в своих политических выводах. Вспомним исторические аналогии. Поэма Бараташвили «Судьба Грузии» написана совсем с другой идейно-политической позиции, чем его же «Могила царя Ираклия». В поэме Бараташвили критикует царя за поспешность, за то, что он распоряжается судьбой народа, «словно играет в кости», в стихотворении же, почтительно отмечая заслуги Ираклия, поэт говорит: «Теперь Картли поняла твою заботу». Дальновидность государственных деятелей в том и состоит, что они хорошо видят то, чего не могут разглядеть обыкновенные люди. В беседе Соломона и Иосифа показан результат политической борьбы, который так ясен и понятен нам, людям XX века. А писатель должен показать саму ту политическую борьбу, результата которой не могут заранее знать ни Соломон, ни Иосиф.

Соломон решил попросить помощи у ахалцихского паша и с помощью его войска вернуть себе престол, подавить Левана Абашидзе и Мамия Гуриели. Од-

нако на владения Церетели напал Леван Абашидзе. Народ, встретивший Соломона с радостью, теперь проклинает его. Здесь дана очень болезненная и психологически точная сцена. Через такие противоречия и следовало вести Соломона к восстановлению Имеретинского царства, так как именно в них выразилась суть феодальной Грузии того времени. Обозленная толпа требует ответа от царя и просит о помощи. Царь с трудом проникает в крепость Модинахе. Когда Бачуа Сопромадзе приносит весть об уходе Левана Абашидзе, обрадованный Соломон, не имея под рукой ничего другого, отдает ему свою чоху. Это вторая, психологически верно найденная деталь. Однако оба этих выразительных штриха остаются на поверхности, писатель не углубляет их, не идет по пути драматического обострения конфликта.

Хорошо описаны отъезд Соломона из владений Церетели в Ахалцихе, его встреча с ксанским эриставом и проводы, которые ему устроили карталинские князья. Но нельзя тут же не отметить, что приводимые здесь разговоры о политике Турции и Ирана в отношении России и о политическом положении в тогдашней Европе выражают опять-таки сегодняшнюю позицию писателя, а не отражают собственную концепцию персонажей.

Рельефно показана аудиенция Соломона при дворе ахалцихского паши Хаджи-Ахмада. Однако преувеличением здесь надо считать не то, что Хаджи-Ахмад — библиофил; не исключено, что и палач мог любить книги; но даже в библиофильстве Хаджи-Ахмада читатель должен увидеть его коварство. Иными словами, каждую коллизию следует использовать для показа основной драматической линии, а не для самоцельного изображения.

Ахалцихский паша дал Соломону три тысячи всадников для возвращения потерянного престола, потребовав за это тяжелый оброк и продажу пленных. Хаджи-Ахмад оставил у себя заложником епископа Максима — преданного Соломону советника. Это совершенно естественно. Поэтому непонятно и лишено убедительности вызволение Максима из плена в финале книги, тем более что в плену он не узнал ничего важного для своего царя. Мученическая смерть Максима в плену у паши была бы вполне логичной. Его возвращение отсюда ничем не оправдано. Фактически поездка Соломона в Ахалцихе закончилась благополучно. Даже один человек, оставленный там заложником, смог бежать.

Эмоциональна встреча Соломона, возвращавшегося домой, с невольниками. Он не может помочь им. И пленные проклинают его. Это — первый результат возвращения Соломона на родину вместе с экспедиционным корпусом паши.

Очень мало узнаем мы в романе о замыслах Левана Абашидзе и рачинского эристава. Они — враги царя, мы смотрим на них глазами Соломона. А для полноты обрисовки характеров необходимы ситуации и обратного порядка; на царя нам надо посмотреть и из вражеского лагеря, глазами Левана Абашидзе и рачинского эристава. Это необходимо еще и потому, что враги Соломона — влиятельные люди, имеющие единомышленников. Задача писателя — рядом с отрицательными чертами отыскать в них и положительные качества, которые они не могли не иметь. Левана Абашидзе и рачинского эристава читатель увидел только один раз — во время коронации Соломона; потом с этими персонажами мы уже не встречаемся, о них только упоминают в разговорах в царском лагере.

На экспедиционный корпус ахалцихского паши, которым командовал Рустам-бек, напали лезгини, нанятые Леваном Абашидзе и рачинским эриставом для борьбы против царя. Корпус был полностью разгромлен. Запершиеся в Тхмелисидхе беки объявили Соломона предателем, так как считали, что нападение организовано им. Врагов у Соломона стало еще больше; против него выступают все — как свои, так и иноземцы. А спасшаяся часть экспедиционного корпуса выместила свою злобу на сельском населении на берегах Ханисцкали. Соломон оказался между двух огней. За гибель корпуса ему грозит смерть от ахалцихского паши, а враждующие с ним князья пытаются захватить его в плен. В такой сложной ситуации психологически не оправдана беседа Соломона с его молочным братом о свидениях: он рассказывает, как ему приснилось, что у него похитили Тинати. Этим писатель хочет дать почувствовать грозившее Соломону личное несчастье, но больше впечатляло бы, если б это несчастье оказалось неожиданным.

Сцена встречи Соломона с супругой в Хотевской крепости, к сожалению, дана без учета трагичности ситуации. Соломон просит у жены извинения за то, что пришел без подарка. Но разве Соломон — царь и полководец — в той ситуации стал бы просить у нее прощения за то, что пришел без подарка? Ведь за ним по следам шли враги и судьба царства висела на волоске.

Сцена исповеди Тинати, когда она советует царю жениться на дочери Отиа Даднани — Мариам, чтобы таким путем вернуть себе престол, сцена, в

которой она жертвует собой, а Соломон проявляет великодушие и благородство, психологически очень ответвенна. Поэтому, может, лучше, чтоб Тинати была здесь менее многословна... Она ведь добровольно отказывается от своей любви от короны царицы. Здесь менее значительно чувство честолюбия, которое могло удержать женщину от такого шага. Убедительно и то, что умный, любящий свою родину человек в подобной ситуации поступил именно так. Разговор о деталях унижает царицу. Тут достаточно и намёка. Об этом читатель, который должен почувствовать трепещущее сердце женщины, отказавшейся от любви ради родины, догадается и так. А для нее ничего дороже любви нет. Отказавшись от любви, она фактически отказывается от жизни; ведь уйдя от мужа, она должна стать монахиней в Ниноминдском монастыре. Этот эпизод, думается, лучше было бы дать в подтексте, в полутонах, а не с помощью аргументированных рассуждений, делающих сцену патетической, когда ей следовало быть грустной и трагической.

Психологически сильна и убедительна вторая беседа Соломона и его брата, митрополита Иосифа, когда они решают породниться с Отиа Дадияни и таким образом создать военно-государственный союз. Во время этой беседы царь оплакивает свою любовь.

Впечатляющи финальные сцены первой книги — переход через Цхенисцкали, приглашение Отиа Дадияни и поездки в Горди в качестве гостей, встреча Дадияни, подготовка к свадьбе и душевное состояние царя. В этих эпизодах мы чувствуем, как собирает силы Соломон; он убежден, что его несчастья скоро кончатся, что с помощью войск одишского князя Микеладзе и Цулукидзе он вернет престол и казнит восставших против него князей. Перед венчанием Соломон вспоминает бывшую жену и встречает свою будущую супругу со слезами на глазах. Сцена эта внутренне напряжена. Мы верим в действия персонажей, чувствуем их побуждения, будь это старый Отиа, честолюбивый Чичуа или сын князя.

Закладка прочного фундамента Имеретинского царства началась с большой личной трагедии Соломона. Какие стены вырастут на этом фундаменте — покажут последующие книги романа.

В этом кратком обзоре, не претендующем на полноту охвата, автор постарался выявить и подчеркнуть равномерность, что ли, развития грузинской прозы за взятый им довольно короткий отрезок времени. Она видится ему в многообразии жанров, материала, тем, аспектов, ракурсов, в активности представителей всех поколений наших писателей. При неизбежных частных просчетах, пробелах, недочетах — это, как вытекает из суждения Р. Бежанишвили, в целом здоровый процесс дальнейшего роста и развития грузинской прозы. И это не может не обнадеживать...

РОЖДЕНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННОГО

ЭКВИВАЛЕНТА

С трибуны Всесоюзного симпозиума переводчиков в Москве весной 1966 года были очень верно и кстати упомянуты слова Гёте из его письма Томасу Карлейлю: «Что бы ни говорили о недостатках переводческой работы, труд переводчика был и остается одним из важнейших и достойнейших дел, связующих воедино вселенную»¹. Сегодня, когда все более расширяются границы взаимодействия и взаимообщения разноязычных культур, этот афоризм великого мыслителя и поэта становится особенно актуальным и понятным для всех.

Научный анализ конкретных переводческих работ приобретает все более важное значение не только в связи с необходимостью поднять уровень теории и практики художественного перевода, но и для освещения, в частности, такой большой, интересной и очень мало изученной проблемы литературоведческой науки, как читательское восприятие художественного произведения. Ведь история литературы, по справедливому замечанию одного из исследователей этого вопроса — А. Лейтеса, — это не только история написанного, но вместе с тем и история прочитанного. «Ответить на вопрос, как воспринято то или иное выдающееся произведение искусства, значит и глубже понять, как оно написано, и лучше представить себе сферу его возможного воздействия»². Нельзя не согласиться с выводом автора, что, обобщая раз-

носторонний опыт переводческого искусства, теория художественного перевода могла бы стать наукой об осмыслении и воссоздании художественных произведений средствами другого языка, показывающей на материале многих литератур, как читательское сотворчество перерастает в сотворчество писательское.

Реалистический перевод как раз и есть сотворчество. «Прорыв, — по словам И. Кашкина, — к первоначальной свежести авторского восприятия», глубокое проникновение в художественную сущность подлинника и отражение в другом языке **понимания** этой сущности. Конечно, амплитуда разности понимания и эмоционального восприятия оригинала имеет свои границы. По словам некоторых исследователей, это пространство для различных интерпретаций того или иного явления искусства или отдельных его частей можно назвать в соответствии с теорией информации «пространством степеней свободы»³. И если в драматическом искусстве и в музыке такое «пространство степеней свободы» — в руках исполнителей, то в художественной литературе — в руках ее переводчиков, то есть «исполнителей» на другом языке.

Когда встает вопрос об «исполнении» на другом языке произведений такого мастера русской художественной прозы, как Алексей Толстой, нельзя не почувствовать, как высока ответственность его авторов. Дело тут осложняется

¹ Актуальные проблемы теории художественного перевода, М., 1967, т. II, стр. 319—320.

² Там же, стр. 331.

³ А. Мольт, Теория информации и эстетическое восприятие, М., 1966, стр. 246.

особенностями самого стиля А. Толстого-художника, своеобразием его творческого подхода к явлениям действительности.

Алексей Толстой, больше чем кто-либо другой из современных ему русских советских писателей, продолжил чеховскую линию в отношении авторской отстраненности в повествовании. С этим принципом минимального вмешательства автора, принципом своеобразной «драматургизации» изображаемого, естественно, связан целый ряд характерных стилистических и языковых особенностей⁴.

Страницы толстовских произведений заполнены героями, которые во всех своих особенностях, поступках, действиях, поведении оживают перед нами без указующего перста автора, без постоянных его комментариев и прямых характеристик. Недаром в одном из писем редактору «Нового мира» В. П. Полонскому Алексей Толстой писал: «...Ткань романа — ткань трагедии, — всегда говорить от лица действующего лица, никогда не смотреть на него со стороны»⁵. Вокруг героя создается определенная стилевая атмосфера. Мир, люди, природа, события, окружающие его, показываются как бы пропущенными через призму сознания этого героя, увиденными его глазами. А это достигается введением в авторскую речь специфической для героя лексики.

Свое собственное отношение к изображаемому, свою авторскую точку зрения, которую он называл «лучом зрения»⁶, Алексей Толстой обычно проявлял в самом отборе материала, в его построении, композиции, в отдельных деталях, ремарках, нюансах. Иной раз весь тон, в каком подаются несобственно-прямая речь персонажа и все другие языковые средства тех мест, где даются описания поступков или действий героев, в достаточной степени красноречиво передает отношение автора к ним.

Произведения писателей иного стилистического склада, скажем, таких как И. Эренбург или Л. Леонов, у которых авторская речь всегда громко слышна, переводить менее сложно. «Я говорю за моих героев; страницы романа я заполняю моими рассуждениями; как чересчур нервный режиссер, я готов выбегать на сцену, не считаясь с ходом действия», — признавался Илья Эренбург⁷. Совершен-

но очевидно, что такая прямолинейная публицистичность повествования легче поддается переводу. Общепринятый, правильный, литературно-книжный, «интеллигентный» язык автора, доминирующий в таком произведении, без особых затруднений воспринимается в инонациональной языковой стихии. Гораздо сложнее дело обстоит с писателями типа Гоголя, Чехова, А. Толстого. Их тяготение к «пластической словесности»⁸ (так Алексей Толстой называл драматургию, театр, где герой выступает, по его словам, «без всяких подсобных предприятый в виде описаний, лирических отступлений от автора или заговора слова»⁹), к определенной объективизации изображаемого, к показу героев через самих героев путем создания особой стилевой атмосферы вокруг них — все это, конечно же, гораздо труднее поддается точному и правильному отражению в иноязычной сфере.

Кроме того, нужно отметить и еще одну характерную сторону стиля и языка Алексея Толстого, являющуюся поистине «крепким орешком» для переводчика, — его установку на живую, разговорную, народную речь. В многочисленных статьях и выступлениях по проблемам языка художественной литературы Алексей Толстой обобщает свой опыт писателя, свои наблюдения в процессе труднейшей работы над словом, свои установки художника, овладевшего всеми богатствами «чистого, простого, точного, образного, гибкого, будто нарочно созданного для великого искусства»¹⁰ народного русского языка. И всюду мы слышим отзвуки его собственной «филозофии литературного языка»¹¹ — его установки на живую народную речь. «Литературный язык сгущен и организован, но весь строй его должен быть строем народной речи»¹²; «Русский литературный язык ближе, чем все другие европейские языки, к разговорной народной речи»¹³. Эти и подобные им высказывания теоретического характера целиком и полностью нашли свое практическое воплощение в языке произведений писателя. Глубокое и плодотворное изучение фольклора, старых архивных документов допетровской и петровской эпохи, так называемых «пыточных записей» XVII века, собранных профессором Новомбергским в книге «Слово и дело государевы», обогатили словарь и весь

⁴ См. об этом подробно в книге: Л. М. Поляк, Алексей Толстой — художник. Проза, изд. «Наука», 1964.

⁵ А. Толстой, О литературе. Статьи. Выступления. Письма, М., «Сов. писатель», 1956, стр. 79.

⁶ Там же, стр. 210.

⁷ И. Эренбург, Книга для взрослых, М., «Советский писатель», 1936, стр. 14. Цит. по кн. Л. Поляк, стр. 381.

⁸ А. Толстой, Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, М., Гослитиздат, 1949, т. XV, стр. 330.

⁹ Там же, том XIII, стр. 354.

¹⁰ Там же, т. XIII, стр. 567.

¹¹ «Литературный Ленинград», 20 июля 1934 г.

¹² А. Толстой, т. XIII, стр. 289.

¹³ Там же, т. XIV, стр. 353.

языковой строй Алексея Толстого, по-
могли ему овладеть всеми богатствами
народного русского языка.

Лексическое, интонационно-синтакси-
ческое и стилистическое разнообразие,
нестандартность, многогранность и кри-
стальная чистота языка произведений
Алексея Толстого непременно должны
быть переданы переводчиком. Слож-
ность и многотрудность этой задачи по-
нимал и сам художник. В письме к пе-
реводчику А. С. Элиасбергу сквозит
обеспокоенность Алексея Толстого, полу-
чат ли иноязычные читатели полноцен-
ный перевод его романа «Сестры»: «Пе-
реводить его будет трудно, так как я
очень много работал над языком, и мне
бы хотелось, чтобы эти достижения были
бы переданы и по-немецки. А это не
легко, правда?»¹⁴.

Из немногочисленных, но достаточно
определенных и даже резких высказы-
ваний Алексея Толстого о работе пе-
реводчика можно составить совершенно яс-
ную картину отношения взыскательного
художника к этой области литературного
творчества.

Прежде всего, по мысли Алексея Тол-
стого, перевод должен быть не прибли-
зительным, а точнейшим слепком с ори-
гинала, передающим все его смысловые
и стилистические нюансы и оттенки. Бес-
пощадно отвергает он перевод Л. Озе-
ровым поэмы П. Тычины «Похороны
друга», представленной в Комитет по
Государственным премиям: «Не точный,
приблизительный перевод, грубо смазы-
вающей все тонкости оригинала»¹⁵.

Вся статья Алексея Толстого о пере-
воде Ш. И. Нуцубидзе поэмы Руставели
«Витязь в тигровой шкуре» интересна
не только тем, что в ней красноречиво
высказано преклонение перед гением
грузинской и мировой литературы, перед
величием богатейшей и древнейшей на-
циональной культуры народа Грузии, но
и мыслями по поводу общих принципов
художественного перевода. Основным
здесь было утверждение необходимости
разрешения переводчиком двух задач:
научно-исследовательской и литературно-
художественной, то есть требование все-
стороннего проникновения в тайну искус-
ства автора переводимого произведения,
осознания всей совокупности его идейно-
стилистического своеобразия.

Творчество А. Н. Толстого широко
представлено в переводной литера-
туре, на иностранных языках и на язы-
ках народов СССР. К 1962 году произ-
ведения Алексея Толстого в одном толь-
ко Советском Союзе были переведены

на 41 язык! Переводились, в основном,
крупные вещи — роман-эпопея «Хождение
по мукам», романы «Петр Первый»,
«Гиперболоид инженера Гарина» и «Азо-
лита». Переводились и другие его про-
изведения, особенно «Детство Никиты»,
«Рассказы Ивана Сударева», «Хлеб» и
антифашистская публицистика времен
Великой Отечественной войны.

В Грузии творчество А. Толстого, как
известно, давно и заслуженно пользуется
большим уважением и любовью. Его
романы, повести и рассказы читают
здесь не только на русском языке, в
подлиннике, но и на родном — грузинском.
Правда, если публиковать произ-
ведения Алексея Толстого в Грузии
начали давно — еще с 20-х годов (отры-
вок из его повести «Похождения Невзо-
рова, или Ибикус» был напечатан в «За-
ре Востока» даже раньше, чем в России,
а именно 25 мая 1924 года, в то время
как в ленинградском журнале «Русский
современник» повесть эта начала печататься
с июня того же года!), то переводиться
на грузинский язык они стали
только с 30-х годов.

Весной 1934 года известный грузин-
ский переводчик Ив. Мачавариани пере-
дал в издательство переведенную им на
грузинский язык первую книгу романа
«Петр Первый». В свет этот перевод
вышел через год — весной 1935 года.
Интересно, что в том же году появились
азербайджанский и украинский перево-
ды этого замечательного произведения.
На других языках народов Советского
Союза «Петр Первый» стал издаваться
позже.

В 40-е годы на грузинский язык были
переведены «Золотой ключик, или при-
ключения Буратино», военная публици-
стика, «Хлеб», «Русский характер» и
другие произведения.

В 50—60-е годы переводятся автобио-
графическая повесть «Детство Никиты»,
сказки, вторая и третья книги «Петра
Первого», а также эпопея «Хождение по
мукам».

«Хождение по мукам» вместе с други-
ми книгами большого эпического разма-
ха, родившимися под пером выдающихся
русских советских писателей — М. Шо-
лохова, А. Серафимовича, Д. Фурманова,
Ф. Гладкова, А. Фадеева, явилось
естественным ответом на то, что проис-
ходило в стране. «Какой-то нужен раз-
мах, размах хоть в каком-нибудь соот-
ветствии с тем, что гигантски творилось
среди развалин, обломков старого, кото-
рое выкорчевывалось»¹⁶. — говорил А. С.
Серафимович, задумывая создать совет-
ский героический эпос.

Тяготение к монументальности, к боль-
шим формам, к «эпопейности» отличает

¹⁴ Ученые записки Московского областно-
го педагогического института им. Н. К. Круп-
ской, т. СХVI. Очерки по истории советской
литературы. Сб. III, М., 1962, стр. 156—157.

¹⁵ Архив ИМЛИ, ф. 43, инв. № 2139/29.

¹⁶ А. С. Серафимович. Собрание со-
чинений, М., Гослитиздат, 1948, т. IX, стр.
164.

в этот период не только русскую, но и всю многонациональную советскую литературу, в частности и в особенности грузинскую. Вполне естественно, что трилогия Алексея Толстого «Хождение по мукам» стала произведением, очень близким грузинскому читателю по своему идейно-революционному звучанию, по изображенным в ней историческим событиям, людям, переживаниям, по своему художественному облику. Вместе с другими лучшими книгами русских советских писателей эпопея Алексея Толстого находит в Грузии горячий отклик. Здесь раньше, чем в какой-либо другой республике Советского Союза, началась интенсивная работа по переводу этого замечательного, этапного для советской литературы произведения.

Автором первого грузинского перевода трилогии был профессор И. Д. Панцхава. В архиве А. Н. Толстого в ИМЛИ хранятся письма и телеграммы секретаря А. Н. Толстого — Натальи Алексеевны Озерской, посланные И. Д. Панцхаву в связи с его работой над романом¹⁷. Интересно, что одновременно он перевел и третью часть эпопеи — «Хмурое утро», которая еще была в процессе создания. Как выясняется из рассказов самого Ильи Диомидовича¹⁸ и из сохранившейся переписки, Алексей Николаевич Толстой высылал ему для перевода каждую законченную главу этой части. Можно полностью присоединиться к мнению В. Валуашвили о том, что интерес грузинской общественности к роману и особенно — к третьей его части «Хмурое утро», над которой работал в то время писатель, побудил А. Н. Толстого дать согласие на перевод этой части на грузинский язык по мере ее написания.

Работа шла в напряженнейшем темпе. Если и происходили задержки, то были они технического порядка, в связи с тем, что А. Н. Толстой, неустанно работая над романом, внося в него стилистическую правку и изменения, хотел, чтобы перевод осуществлялся по самым последним вариантам.

Как следует из переписки с Озерской, продолжавшейся всю весну 1941 года, И. Д. Панцхава «догонял» Алексея Николаевича, переводя последние главы «Хмурого утра» чуть ли не синхронно с их написанием.

По словам Ильи Диомидовича, перевод был доведен им до конца, были соблюдены все формальности, рукопись сдана вовремя и даже получен гонорар.

¹⁷ См. статью В. Валуашвили в журнале «Литературная Грузия», 1968, № 2, в которой публиковалась эта переписка.

¹⁸ Наши беседы с проф. И. Д. Панцхавой состоялись весной и летом 1973 года в Москве и Тбилиси.

Но дальше... Бурные события разразившейся Великой Отечественной войны далеко отодвинули все эти текущие дела и от автора романа, и от автора перевода¹⁹. И, к сожалению, дальнейшее водство» и публикация этого первого грузинского перевода толстовской эпопеи так и остались незавершенными.

В 1957—58 годах была предпринята новая попытка перевести «Хождение по мукам». Этер Ростомашвили опубликовала в журнале «Мнатоби» перевод нескольких отрывков из I и II книг: в 1957, в № 3, появились отрывки из романа «Сестры», а в 1958 году, в № 3, — из «Сестер» и из II книги трилогии — романа «Восемнадцатый год».

Новый и полный перевод трилогии осуществлен сравнительно недавно Акакием Брегадзе: первые два романа — «Сестры» и «Восемнадцатый год» — опубликованы вместе, одной книгой, в 1968 году, а третий — «Хмурое утро» — в 1970-м...

Нами подробно рассмотрены грузинские переводы фрагментов трилогии «Хождение по мукам», принадлежащие Этер Ростомашвили, а также полный текст эпопеи в переводе А. Брегадзе. Аналитическое сопоставление их с оригиналом и между собой дало довольно любопытную картину и позволило прийти к некоторым выводам.

Прежде всего, каковы общие впечатления от перевода Э. Ростомашвили? Несколько глав, переведенных ею, к сожалению — слишком небольшой плацдарм для того, чтобы делать серьезные обобщения о переводческих принципах и методах автора. И все-таки они дают основание сказать, что Э. Ростомашвили, несомненно, постаралась и серьезно подойти к своей задаче, и вникнуть в переводимый текст, и в достаточной степени верно передать его содержание. Конечно, уже и одного этого немало, особенно если учесть, что ее работа — практически первый из увидевших свет грузинских переводов романа Алексея Толстого.

В пользу Э. Ростомашвили в определенной степени говорит и тот факт, что для перевода она отобрала очень ответственные и интересные места произведения, в которых обрисованы самые напряженные дни и события февральской революции в Петрограде и Москве.

И все-таки, хотя Э. Ростомашвили выбирает именно такие узловые и характерные в стилистическом и идейно-историческом плане эпизоды, говорить о ее работе можно лишь как о попытке перевода замечательного романа.

Местами в отдельных фразах, даже периодах Ростомашвили добивается явного успеха. Очень хорошо, например, переведена первая страница романа «Во-

семнадцатый год» — описание петербургского пейзажа конца семнадцатого года¹⁹. Так выразительно показанная Алексеем Толстым суровая картина насторожившегося, опустевшего города, того катастрофического перелома, который произошел в еще недавно бурно веселившейся и утопавшей в роскоши буржуазной столице, передана ею точно. «Северный ветер дышал стужей в темные окна домов, залетал в опустевшие подъезды, выдувая призраки минувшей роскоши. Страшен был Петербург в конце семнадцатого года»²⁰. В переводе всей этой страницы и, в частности, этой фразы до конца правильно отражено и содержание оригинала, его музыка и его тональность, которой, как известно, Алексей Толстой придавал огромное значение:

„ჩრდილოეთის ქარი სახლების ჩაბნელებულ ფანჯრებს ყინვას აფრქვევდა, დაქროლა გამოცარიელებულ მთავარ შესასვლელებში, თან მიპქონდა ყოვლინ ფუფუნების მოჩვენებები... საშინელი სენახავი იყო პეტერბურგი ჩვიდმეტი წლის ბოლოს“²¹.

Однако, несмотря на некоторые подобные удачи, в работе Э. Ростомашвили гораздо больше недостатков, особенно если параллельно рассматривать перевод тех же мест эпопеи, принадлежащий А. Брегадзе.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что работа Этер Ростомашвили лишена цельности не только в силу ее, так сказать, количественной фрагментарности и незавершенности. Само по себе это, конечно, уже создает впечатление разрозненности и неполноты. Хуже другое. Э. Ростомашвили подчас весьма свободно обращается с толстовским романом: переводя какой-либо кусок текста, она совершенно произвольно пропускает в нем отдельные абзацы, части, никак не отмечая этого. Например, в переданной Ростомашвили XXXV главе, где описываются февральские волнения на улицах Петрограда, есть важный абзац, касающийся жестокой реакции правительства на эти волнения: «К концу второго дня на Невском залегли части Павловского полка и открыли продольный огонь по кучкам любопытствующих и по отдельным прохожим. Обыватели стали понимать, что начинается что-то, похожее на революцию» (VII, 244). Этот абзац целиком выпущен переводчицей и, мало того, следующая затем фраза подключена к последнему переведенному месту,

как придаточная, через запятую²². Подобная вольность обращения с текстом неприемлема уже потому, что выпущенным оказывается место, важное не только с идейно-художественной, но и с исторической точки зрения. Без него в какой-то степени искажается подход Алексея Толстого к фактам исторической действительности, нарушается внутренняя логика и композиция повествования. Ведь в пропущенной фразе совершенно недвусмысленно подчеркивается: перелом в сознании людей и понимание того, что «начинается что-то, похожее на революцию», произошли не тогда, когда они видели вокруг себя тысячные толпы людей, вышедших на улицы, заставы на мостах и перекрестках, баррикады и беспорядки во всем, а как раз во время безжалостной стрельбы, которую правительственные войска открыли по мирному населению. И именно этот столь важный в идейном и композиционном отношении абзац ничтоже сумняшеся выкидывает переводчица...

Никак не объясними и, главное, не отмечены в тексте перескоки через одну-две страницы, от начала главы — к ее концу²³.

Так же иногда бесцеремонно обращается Э. Ростомашвили с текстом, разрешая себе купюры и другого порядка, — скажем, игнорирование какой-либо выразительной художественной детали. Общеизвестно, какую важную роль играет деталь в художественной литературе вообще, а тем более у Алексея Толстого, об особенностях стиля которого мы говорили выше и напомним еще раз: автор не столько говорит о своих героях, сколько они сами раскрываются перед нами в своих действиях, поступках, словах и взаимоотношениях с людьми. Или они как бы увиденны глазами других героев, так или иначе связанных с ними. Толстовская деталь всегда многоговоряща и красноречива. Кроме того, она часто выполняет роль ускорителя и проявителя удивительного «оживления» персонажа, максимального приближения его к читателю, когда он становится таким, что его «хочется потрогать пальцем».

Так, передавая взволнованное чувство горячей любви Телегина к Даше, его трогательное преклонение перед ее чистой и красой, Алексей Толстой подчеркивает, как беспокойно наблюдает он за всеми движениями любимой, за ее руками, про которые он «думал, что у людей таких рук быть не может, только две белых оспинки выше локтя удостоверяли, что это все-таки человеческие руки...» (VII, стр. 252). Так вот, в переводе Ростомашвили эти трогательные поэтические оспинки совершенно выпущены²⁴, А. Брегадзе же бережно доно-

¹⁹ «Мнатоби», 1958, № 3, стр. 94.

²⁰ А. Толстой, Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. VII, стр. 289. Далее указывать том и страницу будем в тексте.

²¹ «Мнатоби», 1958, № 3, стр. 94.

²² «Мнатоби», 1957, № 3, стр. 80.

²³ «Мнатоби». 1958, № 3, стр. 94—95.

²⁴ «Мнатоби», 1957, № 3, стр. 82.

сит до грузинского читателя этот выразительный художественный штрих.

Еще пример «изгнания» важного и выразительного штриха. У Алексея Толстого в «Сестрах» описан некий старый чиновник с трясущимися «собачьими щенами, который вместе с Телегиным наблюдал развитие революционных событий на улицах Петрограда. Испуганный и, главное, возмущенный явным нарушением существующих железных устоев и правил, он, обратившись к Телегину, проговорил: «Нельзя допускать» и «стро-го, поверх очков, взглянул на Ивана Ильича» (VII, 238). Это «стро-го» выкинуто у Ростомашвили, отчего в какой-то мере потерялась выразительность и острота всей сцены, характерность этого мельком, но по-щедрински выпукло изображенного представителя рушащегося старого мира.

Опять-таки отметим, что и в этом случае А. Брегадзе в своем переводе похорошему точен, это важное слово у него сохранено (გზანი წამებისანი, I—II, стр. 292).

У Э. Ростомашвили часто встречаются те неточности в переводе отдельных слов и выражений, которые ведут или к ослаблению художественного впечатления, к обеднению образно-эмоциональной плоти романа, или к искажению идейно-смысловой стороны, или к тому и другому одновременно.

Описывая февральскую революцию в Петрограде, Алексей Толстой на одной из страниц «Сестер» пишет о «недоумевающих взглядах, встревоженных лицах» людей, понимающих необычность и значительность происходящего, о том, как вокруг вестников новостей собирались «жадные слушатели» (VII, 237), Э. Ростомашвили переводит это место так: «ახალი ამბის მაცნე ირვლივ იკრიბებოდნენ ცნობის მოყვარე აღამიანებში»²⁵, то есть собирались «любопытные (любопытствующие) люди». Казалось бы, смысловая разница между «жадным» слушателем и «любопытным» в содержании этих понятий не столь уж и велика, но большую роль тут играет оттенок, нюанс, придающий этим людям в **одном случае** характерную для той обстановки глубокую и кровную заинтересованность событиями, в **другом же** — просто холодный обы- вательский интерес к очередному развлечению, чего у А. Толстого в данном случае совершенно нет. Разница, как видим, большая. А. Брегадзе, кстати, здесь тоже гораздо более точен: «იტყინებულო მსმებელი» (возбужденные слушатели)²⁶.

Без всяких колебаний Э. Ростомашвили меняет «шубы», в которых шли Даша и

Катя, на «куртки» («კობივის ქურბუკები ეცვით»²⁷), хотя в грузинском языке существует и широко употребляется слово «шуба» (ქურბი, ტოლობა). Для чего эта замена переводчику? Ведь это изменяет многое. Именно шубы, а не куртки, красноречиво подчеркивают, к какому классу общества принадлежат толстовские героини, говорят об их достатке и т. д. В конце концов эта замена совершенно меняет и тот зрительный образ, который создает писатель, который он видит сам и который предлагает читателю воспринять.

Заметим, что А. Брегадзе и здесь не отступает от подлинника.

Встречаются у Ростомашвили и элементарные ошибки, и явные ляпсусы. Если А. Брегадзе совершенно правильно перевел абзац, с которого начинается XXXVII глава в «Сестрах» («გზანი წამებისანი», I—II, стр. 307), то Ростомашвили не почувствовала ни подлинного содержания этого отрывка, ни доброго шутиwego тона, который слышится в нем. Разговор идет о том, как Телегину, влюбленному в Дашу и стремящемуся как можно скорее увидеть ее, все стало казаться удивительно замедленным: «Следующий день был знаменателен тем, что им подтверждалось понятие об относительности времени. Так, извозчик вез Ивана Ильича из гостиницы с Тверской до Арбатского переулка приблизительно года полтора» (VII, 251). Как видим, здесь ясно сказано, что «следующий день» знаменателен не вообще для человечества, общества и народа, а в личной, частной жизни Телегина, который спешит на свидание. Но автору перевода почему-то именно здесь захотелось сделать крупные обобщения и довольно странные выводы. Она пишет: «მეორე დღე აღსანიშნავი იყო. ამ დღემ დაარწმუნა ხალხი, რომ დროება უკვე შეცვლილიყო. ასე წელიწადნახევრის განმავლობაში დატარებდა ივან ილიჩს მეეტლე სასტუმროდან ტერასიკიდან არბატის შესახვევამდე»²⁸.

(Второй день был знаменательным. Этот день убедил народ, что времена уже изменились. Так, в течение полутора лет вез извозчик Ивана Ильича из гостиницы с Тверской до Арбатского переулка).

Налицо элементарное непонимание текста оригинала, всего его шутиwego оттенка; появилась ненужная серьезность и тяжеловесная буквалистская точность.

Или еще. Почему, например, «военный чиновник» из XXXV главы «Сестер» (VII, 236) превращается в переводе Ростомашвили просто в «чиновника»²⁹? Почему у нее в переводе Теле-

²⁵ «Мнатоби», 1957, № 3, стр. 76.

²⁶ ა. ტოლსტოი, გზანი წამებისანი. Кн I — II, стр. 291.

²⁷ «Мнатоби», 1958, № 3, стр. 87.

²⁸ «Мнатоби», 1957, № 3, стр. 82.

²⁹ Там же, стр. 75.

гин весь день 25 февраля «провел на заводе» («მთელი ის დღე ივან თოლსტოის ქარხანაში გაატარა»³⁰), в то время как у Алексея Толстого «весь этот день Иван Ильич провел на улице» (VII, 244)? Кстати, неужели переводчица не заметила, что Алексей Толстой почти все события февральской революции в Петрограде, все уличные сцены 24 и 25 февраля показывает в основном через восприятие их Телегиным, который, следовательно, и не мог быть на заводе.

Интересно остановиться и на вопросе иноязычной передачи в грузинских переводах «Хождения по мукам» названий улиц, площадей, памятников старины, географических мест и т. д.

Сравнение переведенных Ростомашвили частей толстовского романа и соответственных мест перевода А. Брегадзе ясно показывает, что у двух переводчиков имеется два принципиально совершенно разных подхода к переводу имен собственных. А. Брегадзе старается придать им по возможности грузинскую огласовку, приблизить их, так сказать, к стихии грузинского языка и к читателю. Так, в названии «Марсово поле» он, оставляя само имя Марса, от которого произошло это словосочетание, нетронутым, переводит ту часть, которая вполне поддается переводу: поле (მინდორი). Придав слову «Марсово» естественное для грузинского языка окончание в нужном падеже: «მარსის», он получает название — «მარსის მინდორი».

Так же точно он поступает с названием «Васильевский остров»: видоизменяя, согласно законам грузинского языка, собственное имя «Васильевский» на «ვასილის», он прямо переводит второе слово названия — «остров» — «კუნძული». В названии «Летний сад» он находит возможным перевести обе части, поскольку в них не входит непосредственно никакое собственное имя: «საზაფხულო ბაღი».

Так же А. Брегадзе переводит названия «Спасские и Никольские ворота»: «Спасские» (от «спас», «спаситель») передает по-грузински «მაცხოვრისა», а «Никольские» изменяет на грузинский лад: «ნიკოლოზისა».

Собственные имена — названия «Иверская», «Литовский» и «Вольцкий» Брегадзе видоизменяет в переводе согласно законам и логике грузинского языка так: «ივერიის», «ლიტვის» и «ვოლცის».

Этот принцип максимального приспособления в переводе иноязычных названий и имен собственных к родному языку кажется нам более верным, нежели принцип Э. Ростомашвили, которой представляется, очевидно, что чем больше оставлять в тексте «русизмов», тем больше грузинский читатель почувствует все своеобразие и прелесть оригинала.

Однако в попытках сохранить при переводе национальный колорит нужно быть очень осторожным. Многие теоретики и практики перевода совершенно справедливо призывают быть в этой сложной области особенно чуткими, «соблюдать чувство меры и опираться на тонкость и точность личного ощущения»³¹.

И когда страницы воссоздаваемого Э. Ростомашвили на грузинском языке романа Алексея Толстого начинают простреть такими шедеврами, как «ლეტნი ბაღი», «მარსოვო პოლე», «ვასილევსკი ოსტროვი», «ლიტვისკი და ვოლცისკის პოლკები» и тому подобное, то начинает казаться, что чувство меры и вкуса здесь изменяют переводчику. Кроме того, представляется неверным и сам принцип подхода Ростомашвили к переводу названий и собственных имен, когда перевод их как таковой почти отвергается и заменяется написанием русских слов в грузинской транскрипции. Иной раз, конечно, подобный метод бывает необходим, особенно, когда дело касается некоторых традиционно непередаваемых слов или словосочетаний, устойчивых названий и т. д. например, таких, как Новодевичий монастырь, Литейный, Мясницкие (ворота), Лосиный (остров), Охотный ряд и другие. Подобные слова целесообразнее оставлять в грузинской транскрипции. Но, повторяем, применять этот метод нужно осторожно, очень тактично и в меру.

³¹ Актуальные проблемы теории художественного перевода, М., 1967, т. II, стр. 58.

³⁰ «Мнатоби», 1957, № 3, стр. 80.

Окончание следует

ПУШКИН

Для полного освещения данной темы потребовалось бы несколько томов. В плане обзора я кратко коснусь лишь отдельных узловых вопросов. Тема «Пушкин и грузинская литература» имеет два аспекта: отношение поэта к грузинской литературе и отношение грузинских писателей к Пушкину. Сначала остановимся на первом из них, выясним — располагал ли автор «Кавказского пленника» какими-нибудь сведениями о грузинской литературе и фольклоре, знал ли он грузинских писателей лично или по печатным источникам и рассказам знакомых.

Не будучи знаком с грузинским языком, Пушкин, тем не менее, интересовался грузинской культурой и имел представление о грузинских песнях, о Руставели, Арчиле, Вахтанге VI, Димитрии Туманишвили, Соломоне Додашвили, Александре Чавчавадзе и других. Об этом свидетельствуют как произведения Пушкина, так и гипотетические выводы, вытекающие из сопоставления фактов.

Прежде всего обратимся к сочинениям поэта. Возьмем его первую южную поэму «Кавказский пленник». Вспомним признание Пушкина в письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 года: «Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа — я оставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил (я) два месяца»¹.

Из этого следует, что Пушкин хотел избрать местом действия своей поэмы весьма популярное в исторической и художественной литературе Дарьяльское ущелье, воспетое позже им же самим, Лермонтовым, многими русскими и иностранными писателями. Но в начале двадцатых годов Пушкин не смог побывать в Грузии и потому был вынужден отказаться от первоначального намерения.

Однако для нашей темы важнее другое. Черкешенка, тайно посещавшая Пленника,

Поет ему и песни гор,
И песни Грузии **счастливой**.
(т. IV, стр. 97).

Пройдет семь лет, и Пушкин напишет стихотворение, начинающееся словами «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии **печальной**» (т. III, стр. 109). Известно, что в основу этого стихотворения положена грузинская мелодия, которую Грибоедов сообщил М. И. Глинке и на которую Пушкин написал слова. Здесь поэт второй раз — после «Кавказского пленника» — говорит о грузинских песнях, причем в поэме они названы песнями Грузии **счастливой**, а в стихотворении — **печальной**. На это кажущееся противоречие проливает свет следующее авторское примечание в «Кавказском пленнике»: «Счастливым климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны» (т. IV, стр. 115).

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. XIII, стр. 28. В дальнейшем цитаты будут приводиться из этого издания.

Это примечание свидетельствует об осведомленности молодого поэта в грузинском фольклоре и истории. Пушкин разъясняет, что Грузия счастлива и прекрасна своим благодатным климатом, природой; что же касается пережитых ею исторических событий, они печальны и трагичны. Характерно, что в черновых вариантах приведенного примечания наряду со словом «счастливая» встречается и «печальная». В этих вариантах более конкретно говорится и о тех бедствиях, которые претерпевала Грузия («вечный театр войны, убийств и пожаров», IV — 352).

Судя по всему, Пушкин знал о трагической истории грузинского народа, обусловившей характер его песен: они приятны, но заунывны. Показательно, что и позже, в 1829 году, когда он около трех недель провел в Грузии и близко познакомился с ее жизнью, когда, по его же словам, «в любезном и веселом обществе несколько вечеров провел в садах, при звуке музыки и песен грузинских» (VIII — 482), поэт проявил особый интерес к грузинским песням и отметил: «Голос песен грузинских приятен» (VIII — 457).

* * *

Говоря о грузинских писателях, упомянутых в произведениях Пушкина, следует сказать, что до 1838 года опубликовано было лишь одно такое произведение — «Путешествие в Арзрум», в котором встречается имя только одного грузинского поэта — Александра Гарсевановича Чавчавадзе (1786 — 1846), тестя Грибоедова. А. Чавчавадзе, еще в пушкинскую эпоху прославился как выдающийся поэт и мыслитель, полководец и общественный деятель. Когда его фамилию искаженно написал французский дипломатический агент Фонтанье, издавший в 1834 году в Париже книгу о своем путешествии на Восток, Пушкин в одном из вариантов предисловия к «Путешествию в Арзрум» поправил французского автора, указав в скобках более правильную транскрипцию фамилии грузинского поэта-генерала (VIII — 1025). Из этого следует, что А. Г. Чавчавадзе был неизвестен Пушкину. Напомним также правдоподобное предположение исследователей о том, что во время своего пребывания в Грузии в 1829 году он побывал в семье Чавчавадзе.

В «Путешествии в Арзрум» без указания автора и названия приводится перевод грузинского стихотворения. «Голос песен грузинских приятен, — читаем здесь, — мне перевели одну из них слово в слово; она кажется сложена в новейшее время». Далее подчеркивается ее поэтическое достоинство и приводится текст (VIII — 457 — 458).

Установлено, что это стихотворение поэта начала XIX века Димитрия Туманишвили «Ахало агнаго». В архиве Пушкина сохранился его грузинский текст и дословный перевод на русский язык под заглавием «Весенняя песня». Из воспоминаний К. И. Савостьянова² мы знаем, что Пушкин слушал «Ахало» на пирушестве, устроенном в его честь тбилисской интеллигенцией в окрестностях города. Пушкин не упоминает автора песни, видимо, потому, что широко распространенное стихотворение «Ахало агнаго» считалось песенным произведением устного народного творчества.

* * *

Через сто лет после смерти Пушкина, в 1938 году, впервые было опубликовано его крупное произведение «История Петра». В нем, между прочим, говорится и о Вахтанге VI, об Арчиле и его сыне Александре.

Известно, что имеретинский царь XVII века Арчил, терпевший гонения со стороны персидско-турецких захватчиков, вынужден был эмигрировать в Россию с большой свитой. Его сын Александр с десятилетнего возраста (с 1684 года) воспитывался в Москве при дворе. С детства он был преданным другом Петра I, сопровождал его за границу, где изучал новые достижения военной науки и техники, особенно артиллерию. Петр I назначил его «начальником пушкарского приказа», то есть руководителем всей русской артиллерии (генерал-фельдцейхмейстером). Александр Арчилович горячо взялся за дело, но осенью 1700 года в битве со шведами под Нарвой был захвачен в плен. Пушкин подробно рассказывает об этой битве и отмечает, что в числе других в плен был взят «принц Имеретинский» (X — 55). Пушкин упоминает и Арчила, называя его царем Меретинским» (X — 90)³, но особенно часто говорит о военном союзе Петра I и Вахтанга VI в связи с так называемым персидским походом Петра 1722 года (X — 263, 267, 268, 271, 277).

Как известно, Вахтанг VI, Арчил и Александр Багратионы были не только выдающимися полководцами и политическими деятелями, но и замечательными

² Пушкин и его современники, вып. XXXVII, 1928, стр. 144 — 151.

³ Их называли по-разному — Имеретинский, Меретинский, Мелетинский.

поэтами. Трудно сказать, знал ли Пушкин что-нибудь о литературной деятельности тех грузин, о которых писал в своей «Истории Петра».

* * *

Переходя к гипотезам, прежде всего следует поставить вопрос: знал ли Пушкин что-нибудь о самом великом грузинском поэте — Шота Руставели?

В 1938 году профессор М. К. Азадовский в одной из своих статей высказал предположение, что в стихотворении Пушкина «В прохладе сладостной фонтанов» имеется в виду Руставели⁴. Однако исследователи не согласились с ним. Гипотеза Азадовского действительно представляется спорной. Но следует поставить вопрос в другом плане: можно ли допустить, что Пушкин, всегда интересовавшийся Грузией и ее культурой, ничего не знал о самом популярном, гениальном грузинском поэте? С уверенностью можно сказать: знал. К этому выводу подводят сопоставление и логика фактов⁵.

В пушкинскую эпоху никаких переводов «Витязя в тигровой шкуре» («Вепхисткаосани») не было и читающая Россия знакомилась с Руставели по тем сведениям о нем, которые были разбросаны в отдельных книгах и статьях. До двадцатых годов прошлого века главным источником было анонимно изданное в 1802 году «Историческое изображение Грузии...» Е. Болховитинова, содержащее краткие сведения о Руставели. Это была очень популярная книга и ею пользовались многие из пушкинского окружения; мог с ней познакомиться и автор «Онегина».

Но более интересным представляется следующий факт. В мае 1827 года Пушкин собирался поехать в Грузию, о чем он писал своему брату, служившему в Кахетии (XIII — 329). Как раз в то время в журнале «Азиатский вестник» (№ 5) появилась (без подписи) статья Н. Д. Чубинашвили (1788 — 1847) «Барсова кожа (Вепхисткаосани). Грузинская поэма, сочиненная Шотою Руставели». Давая поэме самую высокую оценку, автор статьи подробно излагает ее содержание. Едва ли она осталась незамеченной Пушкиным, собиравшимся ехать в Грузию.

Не менее важна и статья Соломона Ивановича Додашвили (Дадаев-Магорский, 1805 — 1836) «Краткий взгляд на грузинскую литературу», опубликованная в 1832 году в газете «Тифлиссские ведомости». Обзорная многовековая история грузинской словесности, Додашвили особо останавливается на Руставели. Эта статья вызвала огромный интерес в тогдашней России. Она немедленно была перепечатана «Московскими ведомостями» и включена в перевод книги А. Жарри де Манси «История древних и новых литератур»... С уверенностью можно сказать, что Пушкин познакомился как со статьей, так и с ее автором — выдающимся грузинским философом и литератором, заместителем главного редактора «Тифлиссских ведомостей» Санковского.

Вспомним, что во время пребывания Пушкина в Грузии (1829) руководители «Тифлиссских ведомостей» вели с ним переговоры о сотрудничестве в этой газете. Пушкин дал согласие, ибо убедился, что «Тифлиссские ведомости» — передовой печатный орган, в котором ведущую роль играли сосланные в Грузию декабристы — его друзья. Поэт ознакомился с комплектом этой газеты и дал ей весьма высокую оценку (XIV — 316). Трудно представить, что он не обратил внимания на прославленную и нашу великую статью Соломона Додашвили и не встречался с ним во время переговоров о сотрудничестве в газете.

Наконец еще один факт. В 1818 году в Грузию был сослан за вольнолюбивые стихи и «предосудительные поступки» друг Пушкина А. А. Шишков (1799 — 1832). За время трехлетнего вынужденного пребывания в Грузии он хорошо изучил жизнь, обычаи, нравы, историю и культуру грузинского народа и написал замечательный роман о кахетинском восстании 1812 года под названием «Кетевана, или Грузия в 1812 году»⁶. В романе не раз говорится о Руставели и его эпохе. Пушкин, безусловно, читал все это, так как после гибели Шишкова его роман и другие сочинения были изданы в 1834 — 35 гг. по инициативе великого поэта.

Следует учесть и другие источники пушкинской эпохи, в которых говорилось о Руставели, в частности статью в журнале «Телескоп» за 1833 год (ч. XIV, № 5), а также живых людей, знакомых и друзей Пушкина, связанных с Грузией и знавших ее культуру.

⁴ М. К. Азадовский, Руставели в стихах Пушкина, журнал «Звезда», 1938, № 5.

⁵ Подробное см.: П. Н. Берков, Шота Руставели в русской литературе («Известия АН СССР, отд. об. наук», 1938, № 3); В. Шадури, Руставели и пушкинская Россия, «Вопросы литературы», 1966, № 9.

⁶ См. книгу: В. Шадури, «Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии», Тбилиси, 1951.

Таковы кратко основные факты, говорящие о знакомстве Пушкина с грузинской литературой и фольклором.

* * *

Приступая к рассмотрению второй стороны темы (отношение грузинских писателей к Пушкину), с самого начала смело можно сказать, что ни один классик русской и мировой литературы не пользовался в Грузии такой славой и всеобщей любовью, как Пушкин. Можно было бы привести много примеров того, как, начиная с тридцатых годов прошлого века, его вдохновенно переводили выдающиеся грузинские литераторы, какие восторженные отзывы в стихах и прозе посвящали ему наши поэты, беллетристы, публицисты и критики. Можно было бы привести и многочисленные цифровые данные о грузинских изданиях Пушкина и так далее. Но это не даст полного представления о его популярности в Грузии, ибо после ее присоединения к России (1801) грузинские деятели хорошо овладели русским языком и с пушкинскими произведениями знакомились в оригинале. И вообще никакому учету не поддается та всенародная любовь, которой окружен русский гений, и та исключительная роль, которую он сыграл в духовном развитии грузинского народа.

Прав был великий писатель-шестидесятник Илья Чавчавадзе, когда в 1899 году писал: «Велико значение Пушкина для грузин. За последние 70 лет у нас не было ни одного поколения, которое, приобретая знания, не увлекалось бы творчеством Пушкина».

Первым таким поколением была славная плеяда прогрессивных грузинских романтиков—современников Пушкина: Александр Чавчавадзе, Григол и Вахтанг Орбелиани, Николоз Бараташвили и другие. Будучи сугубо национальным, грузинский романтизм вовсе не был кастовым литературным течением. На грузинских романтиков весьма плодотворное влияние оказали Пушкин, Лермонтов и другие передовые русские поэты. Их объединяла ненависть к царскому самодержавию, социальному и национальному гнету. Грузинские романтики одновременно познакомились с «двумя Россиями»: с русским штыком и с русским стихом, с царской политикой «огня и меча» и с вольнолюбивой лирикой гениального русского поэта. Борясь против царизма, они преклонялись перед Пушкиным, пользовались его творениями для пропаганды своих свободолюбивых и патристических идей.

Впервые грузины прочли стихи Пушкина на родном языке еще при его жизни. В 1830 году в газете «Тбилисис уцхებანი» («Тифлисские ведомости», № 2) был напечатан перевод пушкинского «Пробужденья» («Мечты, мечты, где ваша сладость»). Хотя фамилия переводчика в газете не указана, но установлено, что им был Александр Чавчавадзе. Это было первым печатным произведением Пушкина на грузинском языке и в то же время единственным творением Александра Чавчавадзе, напечатанным при жизни. Следует отметить, что вообще в первой половине XIX века почти все произведения грузинских поэтов, из-за отсутствия издательских условий, распространялись в рукописях. Александр Чавчавадзе принадлежит также переводы стихотворений «К Н. Я. Плюсковой», «Анчар» и «Обвал».

Показательно обращение грузинского поэта именно к этим вольнолюбивым пушкинским творениям, в которых прославляется «гордая свобода», проклинается царский произвол и поется гимн бушующему Тереку как символу борьбы против деспотизма. Показательно также, что среди поэтов разных национальностей, переведенных Александром Чавчавадзе (Вольтер, Лафонтен, Гюго, Корнель, А. Одоевский и др.), первое место занимает автор «Анчара».

Пушкинские стихи в переводах А. Чавчавадзе широко распространялись в рукописях, а некоторые из них перекладывались на музыку и распевались народными певцами.

* * *

Пушкина переводили почти все грузинские романтики, но некоторые из них довольно свободно обращались с оригиналом, пользовались им для выражения своих собственных мыслей и настроений, созвучных пушкинским мыслям и настроениям. В этом отношении показательна переводческая деятельность Вахтанга и Григола Орбелиани, которые часто прибегали к вольным переводам или, как они сами их называли, к подражаниям, «уподоблениям».

Вахтанг Вахтангович Орбелиани (1812 — 1890), идеализировавший прошлое Грузии, свои «уподобления» пушкинским творениям настолько приспособил к грузинской действительности, что читатель их воспринимает как оригинальные грузинские произведения. Получается своего рода поэтический сплав «чужого и своего». Например, если Пушкин в стихотворении «Кто знает край» воспевает Италию, Вахтанг Орбелиани в своем «уподоблении» поэт восторжен-

ный гимн «букету роз Колхиде». Сократив пушкинский текст почти вдвое, да же не упомянув Италию, Орбелиани дополняет его описанием колхидского пейзажа и восхвалением грузинских красавиц.

Аналогичную «операцию» проделал Вахтанг Орбелиани и с «Зимним вечером». Взяв из него основную схему, он заменил специфически русские картины и предметы грузинскими. Старушка приглашается к камину — «изжарим шашлык на вертеле... опрокинем кулу»... Далее вместо песни о синице и девице в стихотворение вносятся столь близкие сердцу грузинского романтика историко-патриотические мотивы: сказания о героях былых времен Грузии, о битвах грузин с захватчиками и о красоте золотистой Карталинской долины.

Так же поступал В. В. Орбелиани и в других своих подражаниях Пушкину, например: «Когда солнце заходит» (пушкинское «Воспоминание. Когда для смертного умолкнет»), «Сонм красавиц» (52-я строфа VII главы «Евгения Онегина») и др.

Григол Дмитриевич Орбелиани (1800 — 1883) — переводчик басен Крылова, «Исповеди Наливайко» Рыльева и «Горных вершин» Лермонтова — также пишет «Подражание Пушкину», которому предпосылает (на русском языке) первую строку оригинала — «Дар напрасный, дар случайный». Это типичный для грузинского романтика вольный перевод. Еще более свободно обращается он с текстом пушкинского «Веселого пира». Здесь появляется даже новый образ — возлюбленная героя, упрекавшая его за участие в пиршестве.

Любопытно, что почти одновременно с Гр. Орбелиани (начало тридцатых годов) «Веселый пир» перевел Соломон Иванович Размадзе (1797 — 1862), который растянул пиршество на три дня, придав столу грузинский колорит. Более точно перевел он «Ночной зефир струит эфир» (у Размадзе — «Испанская песня»). Оба перевода были напечатаны в 1832 году в литературной части газеты «Тбилисис уцхეбანი». Другие переводы Размадзе, не увидевшие в свое время света, хранились в альбоме царевича Теймураза («Пробуждение», «Пророк», «Демон», «Братья-разбойники» (отрывки) и отрывок из «Евгения Онегина»).

Кстати, царевич Теймураз Георгиевич Багратиони (1782 — 1846), сын последнего грузинского царя Георгия XII, сам перевел пушкинские стихотворения «Ангел» и «О, муза пламенной сатиры».

В переводе некоторых пушкинских стихотворений грузинские романтики словно состязались. «Пробуждение» переводят и Александр Чавчавадзе, и Соломон Размадзе, и Лука Исарлишвили, и другие; «Веселый пир» — Григол Орбелиани, Соломон Размадзе и так далее. К оригиналу ближе всего переводы Ал. Чавчавадзе, далее всех — «уподобления» Вахтанга Орбелиани.

* * *

Новый этап в восприятии и популяризации Пушкина начинается в Грузии в шестидесятых годах прошлого столетия, когда на арену общественно-литературной жизни выступило второе поколение прогрессивных деятелей — группа «тергдалеулли» («тергдалеульцы», «терековцы»), получивших образование в России. Надо учесть, что, поскольку в Грузии тогда не было ни одного высшего учебного заведения, грузинская молодежь отправлялась для учебы в русские университеты, особенно в Петербургский. В шестидесятых годах в нем училось около тридцати грузинских юношей — Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Нико Николадзе и другие впоследствии прославленные писатели, публицисты и общественные деятели.

Естественно, что, оказавшись в центре революционно-демократической мысли и оживленной общественно-культурной жизни Петербурга в эпоху революционной ситуации, грузинская молодежь приобщалась к передовой русской литературе и подвергалась ее благотворному влиянию.

На долю грузинских шестидесятников, выдающихся деятелей национально-освободительного движения прошлого века, выпала задача огромной исторической важности — возглавить борьбу за преобразование родной литературы и литературного языка на реалистических и демократических началах. В этой борьбе, естественно, они обращались к богатому опыту передовой русской литературы, особенно к наследию Пушкина — основоположника новой, реалистической русской литературы и нового русского литературного языка. Автор «Евгения Онегина» был величайшим поучительным примером для борцов за преобразование грузинской литературы.

Характерно, что Илья Григорьевич Чавчавадзе (1837 — 1907), глава «тергдалеульцев», будучи еще студентом, в 1860 году посылает из Петербурга в Тбилиси в редакцию журнала «Цискари» статью под названием «Несколько слов о переводе «Безумной» Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави».

Солидаризируясь с мнением Белинского о Пушкине и Козлове, Чавчавадзе настойчиво связывает с именем Пушкина новый период русской литературы. Он хорошо знает, что именно благодаря ему русская литература преодолела классицистические, сентименталистские и консервативно-романтические течения и вышла на широкие просторы реализма. В Грузии этот этап еще не был пройден. В единственном грузинском журнале того времени «Цискари» (Заря) господствовали архаисты, консервативные «отцы».

И. Чавчавадзе в своей статье напоминает, что классицизм, сентиментализм и тот вид романтизма, представителем которого является И. И. Козлов, давно отжили свой век, что эти направления имели известный успех в то время, когда русская общественность «не была так развита эстетически, как после Пушкина». Доказывая, что эти направления способны лишь тормозить развитие грузинской литературы, И. Чавчавадзе справедливо считает, что ее прогрессу могут способствовать переводы произведений таких «первейших звезд русской литературы», как «Пушкин, Лермонтов и Гоголь», а не «плаксивый Козлов». Весьма показательно, что в студенческие годы (1858—1860) Илья Чавчавадзе сам превосходно переводит творения Пушкина («Истина», «Ангел», «Пророк») и Лермонтова («Сон», «Утес», «Пророк», «Хаджи Абрек», отрывки из «Демона» и «Мцыри»).

Точно и высокохудожественно передав в своих переводах содержание пушкинского «Пророка» и одноименного стихотворения Лермонтова, И. Чавчавадзе в своем оригинальном программном стихотворении «Поэт», написанном в 1860 году, дает своеобразное продолжение пушкинской темы: поэт, по его мнению, должен возглавить борьбу своего народа за национальное и социальное раскрепощение. Эту же патриотическую, гражданскую идею, столь близкую сердцу «тергдалеульцев», проводит он и в ряде других выступлений.

Борясь за высокую идейность, народность и реализм, И. Чавчавадзе и его соратники, вожаки национально-освободительного движения, на всем протяжении своей деятельности всячески популяризировали Пушкина и творчески пользовались его наследием для разрешения конкретных задач грузинской художественной культуры⁷.

Весьма интересны, в частности, выступления и позиции грузинских шестидесятников в связи с той полемикой, которая возникла в русской и грузинской прессе с начала 80-х годов XIX века по случаю открытия памятника А. С. Пушкину в Москве.

В то время И. Чавчавадзе подвергался ожесточенным нападкам с разных сторон; враги обвиняли его, между прочим, и в том, что на знамени издаваемой им газеты «Иверия» были написаны пушкинские слова:

**«Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».**

И. Чавчавадзе многозначительно-иронически спрашивал их: неужто следует воздавать хвалу не этим, а другим словам: «Мы рождены для доносов, для сплетен, лжи и клеветы»?

В новых условиях, в эпоху разгула реакции, старые споры, имевшие место в 60-х годах XIX столетия, получили новую окраску. Реакционная критика решила воспользоваться пушкинским торжеством для похода против революционных демократов, якобы отрицавших его значение. В то же время в грузинском журнале «Имеди» («Надежда») появляются пропагандисты писаревского нигилизма (А. Пурцеладзе, Д. Абдушелашвили и др.), которые полемизируют с Ильей Чавчавадзе и его единомышленниками по поводу Пушкина и оценки его русскими шестидесятниками. К чести «терековцев» надо сказать, что они занимали в этих вопросах правильные позиции, ведя «борьбу на два фронта» — против пропагандистов «чистого искусства» и писаревского нигилизма.

Описывая эпоху шестидесятых годов минувшего века, когда «в России повеяло совершенно новым ветром», И. Чавчавадзе в одном из своих «Внутренних обозрений» в 1881 году писал, что в ту эпоху «мыслящее общество» отвергло старый уклад жизни и «со всей силой ринулось к огромному делу отрицания (...). Вождем этого нового направления был славный «Современник». Далее в статье говорится, что у «Современника» отрицание старого велось «умно и научно», «с отличием хорошего от плохого, а у Писарева, так же как и у Базарова, — без различия положительного от отрицательного... Своим нигилизмом Писарев сделал неудачный прыжок и оступился»⁸.

⁷ Подробнее см. в нашей статье «О восприятии и использовании пушкинского наследия Ильей Чавчавадзе» (в сборнике статей «Искусство слова», М., 1973).

⁸ Летопись дружбы грузинского и русского народов..., 1967, т. I, стр. 373.

Аналогичное толкование этих вопросов встречаем и у талантливейшего поэта-шестидесятника Акакия Ростомовича Церетели (1840 — 1915)⁹, и у выдающегося публициста-«терековца» Николая (Нико) Яковлевича Николадзе (1843 — 1928), и у других грузинских шестидесятников.

Особенно выделяется статья ученика и друга Чернышевского Н. Я. Николадзе, бывшего сотрудника «Современника», «Искры» и «Колокола», опубликованная в тбилисской газете «Обзор» в 1880 году (накануне открытия памятника поэту в Москве) под заглавием «Роль и положение Пушкина». Ее автор, резко критикуя реакционную прессу, мужественно защищает томившегося в сибирской ссылке Чернышевского и его взгляды на Пушкина.

Н. Николадзе, по его же словам, решил выступить со статьей «ввиду очевидной недобросовестности некоторых из наших журналистов реакционного направления, стремившихся воспользоваться нынешними овациями Пушкину с целью бросить лишний раз камнем в ограду демократической русской критики, якобы отрицавшей значение Пушкина». По словам грузинского публициста, у Чернышевского «о великом значении Пушкина говорится не раз и не мало, и говорится так горячо, так искренне, так восторженно, как навряд ли когда удастся заговорить нашей реакционной прессе».

Чернышевский, по словам Николадзе, «с полной основательностью указывал на «пустоту окружающей жизни», как на главнейшую причину смерти Пушкина и Лермонтова. Далее, критикуя царский режим, губивший гениальных людей, Николадзе заключает: «Будем надеяться, что не за горами то время, когда это унижительное положение... окончательно прекратится, уступив место лучшим порядкам, при которых писателям, составляющим гордость и украшение нации, не приходилось бы «молчать, потупя очи долу».

Я кратко коснулся лишь отдельных вопросов рецепции пушкинского наследия в Грузии в XIX веке. Специального исследования заслуживает тема «Пушкин в грузинской советской литературе». Здесь только отмечу, что именно после установления Советской власти в Грузии изучение Пушкина приняло особенно глубокий и многосторонний характер. Десятки раз были изданы на грузинском языке собрания сочинений и отдельные произведения великого поэта. Его жизни и творчеству, его грузинским связям было посвящено несколько литературоведческих книг, сотни статей в прессе, десятки произведений грузинских поэтов, композиторов, мастеров кисти.

⁹ Летопись дружбы грузинского и русского народов..., 1967, т. I, стр. 376.

О Ч Е Р К

Я ПРИШЕЛ сюда под вечер, когда в небе загорались первые звезды, а внизу, у подножия гор, — огни Душети. Вечность и жизнь встретились здесь, и, глядя на чеканный силуэт ананурских башен, я думал о том, что без памяти о прошлом человек мертв. И всплыли волшебные строки:

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною...

Здесь проходил Пушкин!

Вот здесь, по этой самой дороге от Ананури до Душети, шагал он, сдвинув слегка набекрень дорожную шляпу и помахивая тростью с набалдашником.

...«Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелья и грозный Терек. Вместо голых утесов я видел около себя зеленые горы и плодородные деревья. Водопроводы доказывали присутствие образованности...»

...Сто сорок пять лет назад шел он этой дорогой. Подумать только — почти полтора века минуло с тех дней... Тогда, наверное, так же как сотни лет до этого и как сейчас, светлы и золотисты были здесь сентябри. Тучами окутывали небо октябри. Ноябрьри и декабри проходили в дождях и метелях. И той старой дороге суждено было стать пушкинской.

За окном — летнее звездное небо. Теплый запах земли и свежий ветер с гор.

Душети лежит в горной долине: белые облака плывут над ним, почти касаясь крыш. Быстрая Арагви неумолчно щебечет, но слабый голос ее тонет в шуме стройки.

Здесь, неподалеку от Военно-Грузинской дороги, рождается новое рукотворное «море».

«Следовать за мыслями великого человека — есть наука самая занимательная», — писал некогда Пушкин. И мне с неудержимой силой захотелось попытаться хотя бы мысленно проникнуть в тот далекий день, когда великий поэт шагал под этим небом, под этими звездами, этой дорогой...

Что такое полтора века? Песчинка в мироздании. Но разве можно забыть вот эти слова: «Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями...»

И в те времена ароматы и краски нашей земли можно было черпать пригоршнями. Ведь у Грузии свой особый золотистый простор, всегда располагающий к мечтаньям и странствиям.

Пушкин это почувствовал:

**«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...»**

Волшебство! Почти полтора столетия назад стоял здесь поэт, смотрел на чернеющие профили хребтов, на малахитовое или бирюзовое небо, а мне начинает казаться, что это было вчера или вот только что, сию минуту...

Горы расступились, дав место огромной строительной площадке. Берега Арагви между древними замками Жинвали и Анаури стали одной из крупнейших строек пятилетки. Строители приступили к сооружению дорог, 38-километрового водопровода. Готовятся к переселению из зоны будущего «моря» и сотни семей колхозников из окрестных сел. Тех самых, мимо которых шел Пушкин.

Стройка в ущелье Арагви имеет огромное значение не только для улучшения водообеспеченности Нижне-Самгорской оросительной системы на площади почти в 40 тысяч гектаров. Она создаст возможность для устойчивого орошения в течение круглого года, позволит колхозам и совхозам Картли и Кахети намного увеличить урожайность полей, садов, виноградников. Кроме того, Жинвальский комплекс даст воду еще 10 тысячам гектаров засушливых земель Восточной Грузии. Не останется и следа от «сабель, осененных пыльными тополями»!

Впрочем, их давно уже нет и в помине, этих «сабель»... У берегов Арагви, вдоль дороги, по которой шел Пушкин, раскинулись цветущие угодья хозяйств Душетского района, колхозов с доходами в сотни тысяч рублей. «Землей золотых плодov» хочется назвать «владения» Саломе Джариашвили, директора Арагвинского виноградарско-плодоводческого совхоза.

С окрестных гор стремятся ручьи и потоки к Мчадиджварской оросительной системе, призванной еще более украсить эти места.

И каждую осень дороги здесь забиты отарами овец. Их в этих некогда нищих местах — сотни тысяч.

Голубая гладь нового Жинвальского водохранилища внесет в яркую палитру Военно-Грузинской дороги новые краски... Современные комфортабельные пансионаты и оздоровительные базы на его берегах впишутся в ее пейзаж рядом со строгими формами Анаурского замка — замечательного архитектурного шедевра грузинского зодчества XVI—XVII веков.

И другой поэт — наш современник, без памяти влюбленный в Пушкина и в Руставели, хорват Славко Михалич — скажет:

**За синюю реку,
что грудь твою
пересекла, Грузия,
я память отдам...**

Что можно сравнить с бурным потоком, летящим по узкому ущелью, когда, вскипая и яростно пенясь, вода бугрится упругими, точно напрягшиеся мышцы, струями?

Стихию народного гнева. И стихию народной любви.

Боле чем полвека назад в книге истории человечества открылась новая глава — Великая Октябрьская социалистическая революция. Прозовые ее рассказы прогремели на весь мир. Раздались они и в тесных ущельях, в орлиных гнездах свободолюбивых горцев, и в тех самых местах, где, по преданию, у Пушкина родились бессмертные строфы: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

Память сердца хранит мрачное небо, окрашенное на горизонте заревом пожаров. Окровавленные тела расстрелянных сатрапами душетских повстанцев. 1918 год... В тот год по Грузии прокатилась волна крестьянских восстаний, жестоко подавленных меньшевистской кликой.

А весной 1919 года здесь, в сердце гор, в хевсурском селе Шатили прозвучали слова посланца Владимира Ильича Ленина — Серго Орджоникидзе.

— Когда в Грузии будут Советы, — говорил он горцам, — тогда у вас будут дороги, будет хлеб и будут школы...

А затем — год 1921-й. «Красное знамя реет над Тифлисом». И над этими горами тоже. Навсегда!

У въезда в Душети пылает Вечный огонь, зажженный в память тех, кто отдал жизнь за свободу и счастье народа.

«Чего ждут горы высокие? Должно быть, свободы народа, расцвета и обновления этого края...» — мечтал и надеялся Важа Пшавела. Надежды его сбылись, и более того — действительность оказалась много богаче и ярче мечтаний.

...Если на минуту прикроешь глаза и задумаешься, то почувствуешь себя словно в пантеоне славы и бессмертия: Пушкин и Лермонтов, Важа Пшавела и Казбеги, герои революции... Поколения людей сменились с тех пор, и многое изменилось в мире. Но эти горы сохранили имена и несут их с собой в грядущие годы.

Каждый раз, когда я вижу эти горы, сердце мое учащенно бьется. С отроческих лет живет в нас Хевсуретия, осененная поэзией Важа Пшавела. Поэзией Трепетное и мужественное слово верности и любви грузинских поэтов к своей земле прекрасно доносят до нас Пастернак, Заболоцкий, Межиров.

**Как грохочет стремительный горный
поток,
С высоты низвергаясь на камни
крутые!**

**Он гудит, как струна,
Он поет, как охотничий рог.
Сколько звуков, мелодий и чувств
Серебристые струны несут —
Серебристые грубы литые!**

В ПОСЛЕДНИЕ годы в связи с завершением строительства дороги Барисахо — Шатили туристы со всех уголков нашей страны и из-за рубежа проявляют возросший интерес к посещению Хевсуретии. Уникальная архитектура Шатили и Муцо, Датвисджварский перевал и Аргунское ущелье, «город мертвых» — Анатори и причудливые формы горного хрусталя, край сказок и легенд, романтично воспетый в бессмертных творениях Важа Пшавела, привлекают всех.

Пространство и время сливаются здесь. Ощущение бесконечности бытия не покидает ни на минуту. Чтобы до конца осознать, какой смысл вложен в такое знакомое с детства «земля моя родная», надо во что бы то ни стало побывать вот в таком месте.

...Передо мной — Шатили; стены крепости горят в солнечном свете. Машины сюда не ходят, мы путешествуем верхом.

К вечеру мы поднялись на вершину отрога Ного, который тянется над рекой Арагви.

Путник обнаруживает Шатили почти внезапно, устав глядеть на бесконечную цепь черных гор. Из глубины пропасти доносится гул Арагви. Прозрачный горный воздух постепенно густеет. Путник неожиданно оказывается в ущелье. Голос реки и глубина пропасти, блеск далеких снегов и скал, сверкающих, точно зеркала, пробуждают в памяти давние воспоминания.

**В этих льющихся звуках
Немая печаль и любовь.
Леденящий туман одиночества —
Зябкий и зыбкий.
Зов грядущего.
Эхо давно отшумевших веков.
Смех пронизанной солнцем воды
И звенящие брызги-улыбки!**

Но здесь звенели не столько улыбки, сколько мечи...

...Высоко в горах шумит водопад. На закате в нем можно увидеть отражение коня. Конь возникает где-то в глубине, и его очертания поначалу невнятны. Но когда вода успокаивается, конь как бы приближается и становится виден яснее. Голова высоко вскинута, словно кто-то рванул на себя уздечку. Прива развевается. Глаза горят. По преданию, воин-хевсур прискакал на этом коне. Конь был забрызган грязью и кровью, морда в ключьях пены. Конь прыгнул в пропасть и навсегда остался в ней. Прозрачная вода смыла с него следы тяжелого боя. И отразила коня белым, чистым, без седла, без узды... А вокруг цветут маки, и ветер раздувает их, как горячие уголья...

Как возродить к жизни этот край, эти почти покинутые жителями древние башни?

Перед грузинскими архитекторами поставлена труднейшая задача — благоустроить сельские населенные пункты Пшав-Хевсуретии, сохраняя при этом уни-

кальность их внешнего облика, учитывая все социальные, этнографические, традиционные особенности быта и труда местного населения.

Я побывал в проектном институте «Грузгипросельстрой». Здесь разработан проект районной планировки Душетского района, а также проекты застройки его отделенных сел.

По плану строительства, рассчитанного на срок до 1975 года, в районе будет построено 544 жилых дома, культурные учреждения, школы, объекты бытового обслуживания.

В первую очередь, в связи с постройкой автомобильной дороги Барисахо — Шатили, проектируются села, близлежащие к дороге, — Гудани, Бисо, Хахмати, Шатили, Муцосчала.

Интересен проект застройки села Гудани, разработанный в «Грузгидросельстрое» группой архитекторов под руководством автора проекта главного архитектора института Д. Морбедадзе.

Строительство в Гудани уже началось. Его ведет передвижная механизированная колонна треста № 1 Министерства сельского строительства республики. Село является в определенном роде экспериментальной площадкой, где будут проверяться и отработываться все принципы, положенные в основу планировки и застройки сел Пшав-Хевсуретии.

Застройка села происходит на исконной территории Гудани. По генплану здесь запроектировано построить пятнадцать двухэтажных домов, каждый в четыре комнаты. Рельеф подсказал архитекторам террасную застройку. Компактное расположение домов позволит высвободить территорию под огороды и пастбища.

Обязательная принадлежность хевсурского домового комплекса — хлев для скота по проекту будет находиться в непосредственной близости к дому и в то же время полностью изолирован от него. Дома ориентированы на южную сторону, с открытыми верандами. Архитектурное и планировочное решение сел, плоские кровли домов, облицовка строений местным строительным материалом — черным сланцем сохраняют селу традиционный колорит. При планировке учтена и такая немаловажная деталь: тропинки для перегона скота на пастбища будут удалены от основной магистрали и от центральной площади села.

В Гудани будет построен общественно-кооперированный центр, где в одном здании сосредоточатся клуб, сельсовет, магазин, медпункт, узел связи, объект бытового обслуживания. Центр будет обслуживать и все близлежащие села.

Село Гудани будет электрифицировано, радифицировано, в нем будет проложен водопровод и проведено центральное отопление.

Интересен и проект застройки Шатили. Строительство будет вестись на левом берегу реки Шатили, то есть на том месте, куда переселились жители из Шатили. Перспективное развитие села архитекторы предусматривают на равнине Гиоргцинда.

В институте заканчивается работа над техническим проектом турбазы на 130 человек, которая станет одновременно культурно-бытовым центром Шатили. Идет и реставрация Шатильской крепости. В одной из ее частей предполагается расположить этнографический музей. Архитекторы «Грузгипросельстроя» предполагают использовать несколько башен крепости, не нарушая их внешнего облика, под устройство комфортабельных гостиничных номеров.

Будет вестись и проектирование других хевсурских сел — Роши, Шуапхо, Муцо, Бисо...

Человек должен почувствовать прошлое, ощутить его потолок. Лишь тогда он по-настоящему ощутит высоту сегодняшнего неба.

Мне оно показалось особенно высоким и синим, это небо, когда я слушал горячие слова поздравлений, обращенных к коллективу Душетской геофизической обсерватории, 125-летие со дня основания которой отмечалось недавно, видел глаза тех, кто всю жизнь отдал служению людям. Эти несколько высокопарные слова как нельзя точно выражают самую суть профессионального долга здешней интеллигенции. Понимаемый творчески, долг этот, быть может, самое естественное русло для развития всех лучших человеческих качеств. Вот, пожалуй, высший смысл того, что выражается словами «положение обязывает». Это кредо медика Нино Чохели, учителя Элисабед Цверадзе, Кристина Башарули, Наума Чавчанидзе, доказавших, что быть педагогом — значит быть человеком в самом высоком и истинном смысле этого слова.

Сегодняшний день здешних мест — яркое свидетельство успехов советского образа жизни, свободного труда свободных людей.

В районе с гордостью называют имена лучших из лучших — старшего чабана Соломона Нариманишвили, депутата Верховного Совета Грузии; доярку Мари-

ам Алудаури, награжденную орденом Ленина; единственного в республике чабана Героя Социалистического Труда Карамана Гагадзе из колхоза села Млети. И невольно задумываешься: где тончайшие корни и самые маленькие ручки этого человеческого умения? Они — в напряжении волевых сил, в преодолении трудностей. Труд на благо Родины, во имя высокой цели — неодолимая сила, творящая сильного, негибаемого человека. Могучего, как эти горы.

Когда-то старый чабанский посох был испещрен зарубками. Так считал пастьх своих овец. Зарубки на посохе и расчеты основанного на достижениях современной науки горного земледелия, механизация ферм и заготовки кормов — вот дистанция, которая пройдена здесь, в горах, в течение жизни одного поколения.

Председатель гудамакарского колхоза имени Ленина Филипп Апциаури рассказал мне, что существует проект заготовки кормов, в частности сена, в котором используются возможности воздушно-канатной дороги. Об этом же говорил и секретарь райкома партии Арчил Шадури. Здесь, в сердце серебристо-зеленых лугов, разрешаются сейчас проблемы правильного использования горных пастбищ, возделывания наиболее продуктивных трав, создания кормовой базы для животноводства.

А разве менее волнует душетцев вопрос выведения новой элитной породы овец, которые могли бы преодолевать большие расстояния при перегоне и давать отличное тонкое руно?

А создание на базе района объединений народных умельцев типа фирмы народно-художественных промыслов «Солани»? Хевсуретия является особенно перспективным районом для этого. «Модельеров» хевсурской национальной одежды и обуви можно найти здесь почти в каждом доме. Хевсурская вышивка, орнамент — гордость грузинского декоративного искусства.

Керамические изделия мастеров из Душети, Арависпири отличаются простотой, пластичностью и строгостью рисунка. Они украшают быт, интересны и как сувениры. Произведения народных умельцев района нашли своих ценителей и за рубежом, в Японии. Нет сомнения, за ними — большое будущее. Гордость народа — его древнее и вечно живое искусство — здесь хранят и развивают бережно и умело.

НА ГОРНОЕ пастбище из Душети везут кино. Для Ясона Синджарадзе, киномеханика, это дело очень обычное, им он занимается уже не один десяток лет. Грузит в машину портативную электростанцию, динамик, пленку. Наполняет бензином бак, берет свежую почту для чабанов и трогается в путь.

...Райцентр позади. Пастбища — на высоте более двух километров. Дорога — сначала асфальт, потом, извилистая, каменная — идет вдоль крутого ущелья берегом шумной Арагви. Куда ни глянь — внизу, вверху и впереди — сплошные кручи. Нависнут облака — вообще ничего не увидишь. Но Ясон Синджарадзе и десятки таких, как он, энтузиастов хорошо знают, какую радость везут они чабанам, месиджами оторванным от дома, животноводам, чей труд протекает в суровых горных условиях. Кинопередвижки здесь занимаются пропагандой книги, музыки, искусства, рассказывают о последних известиях, словом, становятся центром культурной жизни на отдаленном пастбище, своего рода клубом.

И тут я должен высказать Министерству культуры Грузии такое замечание. Душетский район из-за горной своей специфики в гораздо большей степени, чем многие другие районы республики, нуждается в клубах. Ведь они тут не только очаги культурно-просветительной работы, но и подлинные школы подготовки общественников и активистов, родники новых начинаний. В долгу Министерство культуры перед землянами великого поэта, и если вести речь об организации всякого рода гастролей, поездок мастеров литературы и искусства: редкие они тут гости. А часто ли известные театральные коллективы едут сюда, на эту землю, которая может дать им высокое вдохновение? Достаточно вспомнить «Бахтриони» или «Хевисбери Гоча».

...Горы вокруг Душети погружаются в вечернюю синюю дымку. В домах загораются голубые экраны. Телевизор — первый, выхваченный из жизни, пример. Легче всего пересчитать телевизионные антенны на крышах, назвать валовой доход хозяйства, выражающийся шестизначными цифрами, и сказать: «Вот она, сельская жизнь». Труднее увидеть новое в человеке. Оно незаметнее, но куда важнее...

Все случается в этом мире: и радости, и беды. Нам близок светлый оптимизм Пушкина, под взглядом которого, кажется, сам мир преобразается. В мире Пушкина радостно жить, несмотря на все сложности. И черную ленту этой дороги, перевалившей через горы, недаром прозвали «Пушкинской». Ее воспевали

Пушкин и Лермонтов, она видела Грибоедова и Толстого, Чехова, Горького, Маяковского... По ней шагали Илья и Акакий, Важа и Казбег...

Причудливо извилисты берега Арагви, то громоздящиеся высокими горами, поросшими дремучим лесом, то переходящие в небольшие равнины, покрытые розами и садами. Арагви мила и дорога нашим сердцам. Для поэтов, художников, музыкантов красавица-река всегда служила источником творческого вдохновения. Шум рек и ветра, полет птиц и аромат горных цветов, запах листвы и трав — все восходит здесь к человеку, все напоминает голоса и дела человеческие. Тот, кто побывал в этих местах, покидает их вечным пленником гор, очарованный величием и красотой, сияющим огнем поэзии, пылавшим здесь и вдохновившим не одного великого человека.

Тема Родины и ее исторических судеб, тема человека и его нравственных идеалов, тема жизни и смерти, добра и зла, защиты красоты и ценностей духовных — это все не мыслится сегодня без Пушкина. Ибо он — всеобъемлющ, как море, как горы. Как жизнь! И здесь, на Пушкинском перевале, всплывает в памяти давнее:

...Мы ехали шагом. Желтоватый дым висел над псковскими деревеньками. Его густые пряди мотало ветром, прибывало к земле. Даже в полях пахло гарью. Пушкинские Горы были уже видны. На холме темнел монастырь, серебрились стены собора.

Из чайной в Михайловском мы пошли пешком в монастырь — на могилу Пушкина. Под стенами Святогорского стояли люди. Великое множество людей. Они пришли к Пушкину. Трудно, невозможно было представить себе, что в нескольких минутах хода отсюда, от этой чайной и от этого ларька с газетами и канцелярскими — его могила... А было это вскоре после войны!

ЗЕМЛЯ, воспетая Пушкиным, — это и простор русских полей, и стоцветный ковер горных пастбищ. Это и земля вообще, и Земля с большой буквы — «прекрасная планета Земля».

Люди всегда мечтали взглянуть на горы сверху, с высоты полета орла, с далеких звезд... Сегодня над лощинами и ущельями Терека и Арагви распростерты стреловидные крылья самолетов. Перед глазами проплывают пейзажи стройплощадок, горы и доли, возделанные поля, — зримый облик земли. И мысли о пленительной силе поэтического слова, помогающей людям жить и чувствовать красоту жизни, не оставляют никого на нашей земле, хранящей память о Пушкине. Ибо Родина всегда ждет художника, который откроет ее заново. «Колхида ждет Орфея» — так любил говорить Тициан Табидзе.

Здесь, в горах Кавказских, среди открытых душой людей, еще раз с особенной силой понимаешь: обращение к Пушкину почти никогда не бывает данью моде, но всегда — живой потребностью сердца. С ним разговаривают просто и серьезно — как с современником.

ЛЕГЕНДА ИЛИ БЫЛЬ?

Все триста страниц этой книги¹ я прочел не отрываясь, как говорится, «на одном дыхании» — она увлекла меня так же, как, надеюсь, увлечет каждого, кто ее прочтет.

О чем эта книга?

Многие годы ученые заняты решением проблемы этнической близости басков и грузин. Занялся ею и Александр Кикнадзе — писатель и языковед. Тщательно, скрупулезно он изучал материалы, свидетельствующие о близости грузин и басков, немало времени провел в Басконии и опубликовал ряд работ, привлечших внимание советских и зарубежных ученых, работающих над этой интереснейшей проблемой.

Президент Общества друзей страны басков доктор Мануэль де Аранеги — крупный испанский ученый, изучивший русский язык и решивший овладеть грузинским специально для того, чтобы познать историю Грузии, — опубликовал в мае этого года в газете «Норте экспресс» статью «Имеют ли общее происхождение баскский и древнегрузинский языки?». В ней, рассматривая лингвистические, этнографические и топонимические схожести басков и грузин, ученый высоко оценивает исследования Кикнадзе. Больше того, Мануэль де Аранеги пишет об увлекательной перспективе совместного исследования проблемы грузинскими и баскскими учеными, о том, что они могли бы общими усилиями пролить свет на одну из пленительных загадок истории. «Эта тема очень интересна, — пишет Мануэль де Аранеги, — ее изучение заслуживает продолжения».

Вот об этом — об «одной из пленительных загадок истории» и написал свою книгу «Королевская примула» Александр Кикнадзе.

¹ Александр Кикнадзе, «Королевская примула. Роман. Издательство «Молодая гвардия». Москва, 1973, Тираж 65 тыс. экз.

Герой романа — молодой грузинский лингвист Отар Девдариани, сын известного исследователя, погибшего в годы гражданской войны, — поставил своей целью продолжить дело отца и проникнуть в тайну происхождения басков, небольшого народа, поселившегося на севере Испании. Родственны ли грузины и баски? На этот вопрос Отар Девдариани, человек сложной, поистине нелегкой судьбы, пытается ответить. И хотя «Королевская примула» — не научное исследование, а художественное произведение, в нем читатель найдет не только увлекательное повествование о полной приключений жизни молодого грузинского ученого, ученого бескорыстного и самоотверженного, но и глубокий анализ фактов, документов, наблюдений, собранных писателем.

События, описанные в романе, разворачиваются во многих городах мира. А. Кикнадзе приводит нас в маленькое грузинское селение Мелискари, знакомит с его жителями, с неповторимым бытом и обычаями крестьян. Вместе с героем книги мы попадаем в Тбилиси, Москву, Париж, Мадрид, встречаемся с учеными, рабочими, вместе с ним участвуем в полных драматизма событиях... Увлекательная по сюжету, глубокая по мысли, книга заставляет нас жить думами героя, переживать его неудачи, радоваться его успехам. Повествование в «Королевской примуле» охватывает несколько десятилетий и заканчивается 1938 годом. Оно ждет своего продолжения.

Роману А. Кикнадзе предпослано написанное с любовью к Грузии предисловие известного ученого-лингвиста профессора М. А. Коростовцева. «Несомненно, — пишет он, — что роман будет встречен широкими кругами советских читателей с интересом». Поддержим и мы эту оптимистическую мысль...

Л. РОСТОВЦЕВ.

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

НАРОДНАЯ АРТИСТКА ГРУЗИНСКОЙ ССР
НАТАЛИЯ (Нато) ГЕОРГИЕВНА ВАЧНАДЗЕ.
(К 70-летию со дня рождения)

182/26

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა

Сдано в производство 30 апреля 1974 г. Подписано к печати 11 июня 1974 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ 1699

Тираж 4000

УЭ 11405